

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. Е. Супрун

**ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ СЛАВЯН
ПО ДАННЫМ ИХ ЯЗЫКА**

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2020

ISBN 978-985-566-915-0

©БГУ, 2020

УДК 811.163.1

ББК 81.416.1

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Н. П. Андропов*;
доктор филологических наук *А. А. Кожина*

Супрун, А. Е. Жизнь древних славян по данным их языка [Электронный ресурс] / А. Е. Супрун ; предисл. Е. Н. Руденко. – Минск : БГУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-985-566-915-0.

В книге рассматривается праславянская лексика по тематическим группам: «семья», «общество», «дом», «природа» и др. На этом основании в совокупности с данными этнографии, археологии, фольклористики реконструируется жизнь древних славян.

Издание адресовано преподавателям вузов и студентам филологических факультетов.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше;
RAM 1 Гб; Windows XP/7/10; Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Adobe InDesign.

Ответственный за выпуск *Е. А. Логвинович*. Дизайн обложки *Т. Ю. Таран*.
Технический редактор *Л. В. Жаборовская*. Компьютерная верстка *Д. О. Бабенко*.

Подписана к использованию 31.07.2020. Объем 592 КБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by
<http://elib/bzu.by/>

Содержание

Предисловие (Е. Н. Руденко)	4
1. Вводные замечания	6
2. Человек, семья, род.....	7
3. Общество	11
4. Тело и душа, жизнь и смерть.....	19
5. Дом, утварь, пища, одежда	25
6. Домашняя живность; пчелы	29
7. Культурные растения	33
8. Живая природа и ее использование.....	37
9. Географическая среда.....	45
10. Мир минералов и их применение	51
11. Небо, воздух, время	53
12. Представления о фигурах и числах	58
13. Мысль и речь.....	64
14. Звуки, образы, краски.....	70
15. Мифы и боги.....	79
16. Память	100
Список литературы.....	102

Предисловие

Адам Евгеньевич Супрун – советский и белорусский лингвист, славист, доктор филологических наук (1966), доктор педагогических наук (1981), профессор, заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (БГУ), заслуженный деятель науки БССР (1990) – родился 24 октября 1928 г. в Полтаве. А. Е. Супрун учился в Киргизском университете, который окончил в 1952 г. В 1955 г. в Московском университете имени М. В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию, а в 1966 г. в Ленинградском университете – докторскую.

В том же 1966 г. ученый переехал в Беларусь в город Минск и в Белорусском государственном университете организовал и возглавил кафедру общего и славянского языкознания, на которой проработал всю жизнь – более 30 лет. А. Е. Супрун был инициатором создания в Беларуси университетской славистики: на филологическом факультете БГУ преподаются все славянские языки, с 1993 г. открыта специальность и отделение «Славянская филология».

Ученый выделялся энциклопедической широтой научных интересов. В славистике он остается признанным авторитетом в этимологии, полибистике, лексикологии и лексической типологии славянских языков, психолингвистике, лингводидактике, лингвистике текста. Под руководством А. Е. Супруна были созданы ассоциативные словари белорусского, украинского, киргизского, латышского языков, а также комплекс из пяти частотных словарей разных стилей белорусской речи.

Оставаясь ведущим славистом, он искал материал для своих исследований в генеалогически и типологически различных языках. Его работы издавались на всех славянских, киргизском, узбекском, немецком, дунганском и японском языках: А. Е. Супрун автор более 600 публикаций, в том числе более 60 книг и брошюр.

Вторую докторскую диссертацию «Лингводидактические проблемы содержания обучения русскому языку в белорусской школе» (на учёную степень доктора педагогических наук) Адам Евгеньевич защитил в Минске в 1981 г.

Профессора Супруна приглашали для чтения лекционных курсов и выступлений с докладами университеты и научные учреждения Австрии, Болгарии, Венгрии, Дании, Испании, Люксембурга, Польши, Словакии, Словении, США, Финляндии, Хорватии, Чехии, не говоря уже о странах СНГ.

Адам Евгеньевич Супрун был выдающимся педагогом, основателем научной школы: под его руководством защищено более 60 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Среди книг профессора Супруна немало учебников и учебных пособий для средней и высшей школы.

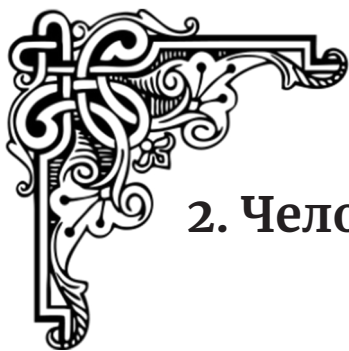
Один из таких учебников «Введение в славянскую филологию» был издан в 1981 г. в соавторстве с А. М. Калютой. В 1989 г. Адам Евгеньевич переработал свою часть и издал отдельно под тем же названием. В 2019 г. усилиями кафедры теоретического и славянского языкознания – детища А. Е. Супруна – обновленное пособие было переиздано еще раз (Минск : БГУ, 2019. 285 с. Интернет-адрес в электронной библиотеке БГУ: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/237223>). В предисловии к последнему переизданию учебника профессор А. А. Кожина пишет: «По нему учились многие поколения славистов не только в СССР и на постсоветском пространстве, но и во всем мире. И в наше время эта книга продолжает сохранять актуальность, подтверждением чего является и ее широкое распространение в интернете – современном мериле жизнеспособности и популярности. Такая долгая жизнь «Введения в славянскую филологию» обусловлена тем, что в его основу были положены передовые славистические идеи и обширные знания в области славистики». В книгу вошли некоторые разделы прежнего учебного пособия, написанные А. Е. Супруном. Однако не все: чрезвычайно интересный и ценный раздел «Жизнь древних славян по данным их языка» мы приберегли для отдельного издания и предлагаем его вашему вниманию здесь.

*Е. Н. Руденко,
доктор филологических наук*

1. Вводные замечания

Вопрос о том, где и когда возникла славянская языковая общность, — отнюдь не единственная комплексная проблема изучения древних славян. Не менее важно и интересно выяснить, как жили славяне в древности. Сделать это можно, основываясь на комплексе данных. В этот комплекс входят прежде всего языковые данные. Наличие в праславянском языке тех или иных слов позволяет установить, разумеется с некоторыми поправками и уточнениями, что славяне были уже в тот период знакомы с теми или иными предметами, явлениями, действиями, качествами и т. п. Наряду с языковыми данными могут быть использованы факты фольклора, отражающие наиболее древние его слои, позволяющие восстановить различные черты древних обычаев и обрядов, верований, хозяйственной жизни древних славян, особенностей их быта, общественного устройства и т. п. Для реконструкции картины жизни древних славян могут быть привлечены также сведения этнографического характера, разумеется, характеризующие наиболее архаичные слои жизни славян, а также сведения археологии в тех случаях, когда известно, что данная археологическая культура принадлежала славянам. В какой-то мере используются и аналогии — данные о жизни других этнических образований, находившихся в подобных условиях на аналогичном этапе своего развития. Разумеется, все эти сведения верифицируются (проверяются и подтверждаются) и путем сопоставления друг с другом, и другими способами. В результате удастся получить некоторые представления о жизни, быте, обществе древних славян.

2. Человек, семья, род

Существенное место в праславянском лексиконе занимают названия лиц, а среди них очень архаичным слоем являются названия родственников, многие из которых имеют индоевропейское происхождение. Терминам родства в славянских языках посвящено много исследований; можно указать появившиеся за последние десятилетия книги О.Н. Трубачева и В. Шаура.

Очень архаичны восходящие к детской речи слова с повтором слогов: *baba, *mama, *ńańa (nena), *děda (d'ad'a, dědъ), *tata (t'aťa, teta), *lel'a (l'al'a). Эти слова нередко имеют довольно широкое значение: *baba – в общем и целом это немолодая женщина, 'бабушка', 'женщина', 'жена'; *dedъ (-a) 'дедушка', а *d'ad'a – 'дядя'; *tata (t'aťa) 'отец' и *teta 'тетя'. Слово *lel'a представлено в большей мере в диалектах: русск. диал. лёля 'тетка; старшая сестра; родственник, старший по возрасту', болг. леля 'тетя', полабск. l'ol'a 'отец'. Иногда считают, что *lela – не славянское, а более новое образование, возникшее на базе детской речи. Подобным образом объясняют нередко и *nena, хоть во многих славянских диалектах представлены похожие слова: русск. няня, укр. няня 'мама', болг. няня 'сестра матери', словацк. ňaňa 'тетя', кашубск. nena 'мать' и т. п. Скорее всего, слова такого типа существуют в особом режиме, подвергаясь воздействию детской речи и в звуковом и в семантическом отношении не только в период возникновения и закрепления, но и позже. Эти слова из детской речи, в чем-то близкие к звукоподражательным, позже приобретали суффиксы, способствовавшие фиксации их в более определенных значениях. Так, например, произошло со словом бабушка в восточнославянских языках. Индоевропейский корень *ot-, связанный со славянским *tata, с суффиксом *-ьсь дал название отца: *отьсь. От элемента *ma- (ср. *mama) с индоевропейским суффиксом *-ter- образовано название матери: *matī, р. п. *matere; со славянским суффиксом от *matī образовано название мачехи: *matjexa. К названным словам детской речи примыкает и *bata (baťa, batja), обозначающее отца, а в некоторых диалектах и старшего брата.

Следует сказать, что слова, обозначающие родственников, находятся в теснейшем взаимодействии с общими наименованиями лиц, в которых дифференциация значения сводится к половым и возрастным признакам.

Наиболее общим из таких слов является слово *selověкъ, имеющее невыясненное до конца происхождение. Явно производными от прилагательных являются здесь такие слова, как *starьсь ‘старик’, *moldienьсь ‘молодой человек’, *junakъ >, *junоша ‘юноша’. В значении общего названия лица широко употребляются и слова, обозначающие родственников; ср., например, *baba ‘женщина’, *dědъ ‘старик’ и т. п. С другой стороны, некоторые слова, имеющие скорее общее значение, используются и в функции названия родственников: *otrokъ обозначает не только мальчика, но и сына; *děva, *děvica, *děvьka обозначает обычно лицо женского пола молодого возраста, но может обозначать и дочь. Ярко проявляется взаимодействие общего и родственного (точнее, свойственного) значения в словах *možь и *žena, обозначающих как вообще лиц, так и супругов мужского и женского пола; производные типа русск. *мужчина* и *женщина* появились позже.

Особую группу слов составляют названия родственников по кровному родству. Сюда относится несколько обозначений родственников по нисходящей линии: *detę ‘дитя’, *čędo ‘чадо’; *synъ > ‘сын’, *dъkter- ‘дочь’ (ср. *дочери*, *дщерь*), *vъnоkъ ‘внук’, *vъnоka ‘внучка’; *pasynъkъ ‘пасынок’, *padъkterica ‘падчерица’; *bratučędъ ‘племянник’; ср. также *sirota ‘сирота’, *kоруlъ ‘внебрачный ребенок’. Несколько слов называют родственников, относящихся к одному поколению (праслав. *kolěno ‘поколение’): *bratrъ ‘брат’, *sestra ‘сестра’, *blizьньсь ‘близнец’. Сюда примыкает и слово *pobratimъ ‘названный брат’. Слова *stryjь и *ujь обозначают дядю по отцу и дядю по матери. Среди слов этой группы есть и древние, индоевропейские по происхождению (*čędo, *synъ >, *dъkter-, *bratrъ, *sestra), и явно имеющие славянские словообразовательные форманты (*pobratimъ). Они отражают как бы разные этапы развития кровнородственной семьи, необходимости обозначения различных ступеней родства.

Рождение ребенка (глагол *roditi) у древних славян, как и у других народов, воспринималось как событие, требовавшее осуществления некоторых обрядов, связанных с гигиеной и мифологическими, а также социальными представлениями. С одной стороны, мать и ребенок, видимо, на некоторое время так или иначе изолировались, считались нечистыми, затем производился акт очищения (в том числе и буквального обмывания), после чего мать получала возможность вновь общаться с другими членами рода. Для ребенка это означало включение его в семью и общину. Возможно, что с этим был связан обычай пострига, известный по более поздним записям у различных славян.

Довольно большая группа слов праславянского языка связана с браком (*bьrakъ и *svatьba). Это, конечно, уже упомянутые слова *možь и *žena,

а также *soprogъ ‘супруг’ и *soproga ‘супруга’. Сюда относятся названия супругов перед браком *žepixъ и *nevěsta, а также после смерти супруга *vъdova и *vъdovъсь. Имеются обозначения родителей супругов по отношению к самим супругам: *svekrъ и *svekry, *tъstь и *tъstja и по отношению друг к другу: *svatъ, *svatъja / *svaxa; супругов по отношению к родителям другого супруга: *zětъ, *snъxa. Есть и термины, обозначающие братьев и сестер супругов (по отношению к другому супругу), а также супругов этих братьев и сестер: *šurъ (surinъ), *děverъ, *zъly (zъlva), *jetry. Обобщающим обозначением свойственников является слово *svojakъ. Интересно отметить, что в индоевропейской системе обозначения свойства имелись термины для обозначения жен родственников мужа, но не было обозначений для родственников жен, поскольку они принадлежали к другому роду (из которого умыкалась невеста), а потому не были членами данной семьи: не было, к примеру, обозначений для мужа дочери, мужа сестры, отца и матери жены. Был, к примеру, термин, обозначающий сестру мужа, но не было термина для брата или сестры жены (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов).

Брак у древних славян строился в результате похищения девушки из другого рода, племени или (возможно, несколько позднее) ее выкупа. Еще в XI в., по словам древнерусской летописи, похищение было распространенным явлением. В славянском фольклоре распространен мотив выкупа или похищения (умыкания) невесты. Судя по тому, что известно о некоторых исторических лицах древнего славянства (князь Само, киевский князь Владимир), допускалось многоженство. Вместе с тем сожителство с чужой женой наказывалось, хотя на внебрачные связи с незамужними женщинами смотрели не слишком строго, как и на добрачные отношения. Брак между представителями разных родов, хотя без строгого разделения на брачные классы, как в других архаичных обществах, был важен в биогенетическом плане. Вместе с тем он вполне соответствовал стадии социального развития и ощущению единства славянских родов (хотя, конечно, этим не исключалось и включение в брачные отношения со славянами представителей неславянских этносов). Дошли не вполне ясные сведения о случаях убийства детей после рождения, однако мотивы детоубийства неясны; христианские проповедники в начале II тысячелетия боролись против преждевременного изгнания плода (Чехия, Русь).

Праславянский характер имеют слова *rodъ, *sěmъja, *rodina ‘семья’. Род объединял предков (*perdъкъ) и потомков (*potomъкъ); интересно отметить, что оба эти слова симметричны по своей внутренней форме: ‘тот, кто был перед (*perd-) и после того (*po томъ), по отношению к кому исчисляется родство’. Несколько родов объединялись в племя (*plemę)

и *narodъ. К названиям семьи можно отнести еще праслав. *śel'adъ, обозначавшее совокупность домочадцев (*domoŭčedъсь), т. е. детей, рабов, слуг, живущих в доме; отдельный член челяди назывался *sel'adinъ, *sel'adъnikъ. Несколько прилагательных также относятся к области семейных отношений: *holstъ(jъ) 'холост(ой)', *bližъnjъ(jъ) 'ближний'; ср. также характерные указания на отсутствие родных: *bezrodъnjъ 'безродный', *bezrotъnjъ 'без отца', *bezdetъnjъ 'бездетный'.

Таким образом, можно сказать, что семья у древних славян была большой, в нее входили представители по крайней мере трех поколений, причем близки были и многие родственники одного поколения. Родство играло важную роль в общественной жизни; имелись термины для обозначения включаемых в семейные отношения новых членов семьи в связи с браком. Эти собственно языковые данные находят подтверждение в этнографическом материале: в архаичных больших семьях в старой Руси, в Сербии (*задруга*), в сохранившихся старинных постройках, предназначенных для крупных семейных объединений, в культе Рода, в значимости родственных связей у многих славян.

3. Общество

Как уже было отмечено, собственно славянские диалектные черты сформировались в середине I тысячелетия до нашей эры, а может быть, и раньше. Распад праславянского языка происходил в середине I тысячелетия нашей эры. Следовательно, время существования того этнолингвистического единства, которое обозначают как «древние славяне», – это примерно тысяча лет, а возможно, и больше. Первичная социальная организация – большая семья; несколько таких семей, составлявших род, на древнем этапе объединялась с другими родами в более крупное объединение – племя (*plemę). Вначале племена объединялись по принципу кровного родства; у древних славян еще имелись остатки представлений о кровной (родовой) мести (*mьсть), когда все члены рода охраняли каждого члена рода. Однако достаточно давно, еще в индоевропейский период, племена стали формироваться не только по признаку кровного родства, но и по признаку соседства, по территориальному признаку. Вполне вероятно, что такие племена, образованные из носителей одного языка, близких верований, одинакового хозяйствования, считали себя объединенными по родственным связям (ср. др.-русск. *вервь*), на них распространялись представления о кровнородственных объединениях.

Крупные передвижения народов на юге Восточной Европы в первой половине I тысячелетия нашей эры вели, с одной стороны, к территориальному разобщению первоначальных славянских племен, с другой – к образованию более крупных племенных группировок, в том числе полиэтнического характера, состоявших из представителей нескольких этносов (исторически сложившихся более или менее устойчивых общностей людей – в то время племен, а позже – народностей, народов). Члены различных этносов объединялись, принимали общий язык (в данном случае – славянский), вели общее хозяйство и защиту своей (*svojь) территории от чужих (*tjudjь). Во главе рода стоял реальный старейшина – самый старый и опытный, а потому уважаемый представитель рода, быть может *dědь (неслучайно до недавнего времени в крестьянских хатах в почетном углу ставились снопы, называвшиеся дедами и являвшиеся объектом почитания), а во главе племени становился вождь (*vodjь). Вполне вероятно, что такой глава первоначально избирался на совете (*sъvětъ, *větje

‘вече’) как временный предводитель для выполнения какой-то конкретной, например военной, задачи.

Три элемента отражались в то время в общественном устройстве: хозяйственную основу общества составляли многочисленные рядовые члены племени – скотоводы, земледельцы; в течение длительного времени формировалось почитание предков, культ Рода, покровителей его, явлений природы, отдельные лица становились выразителями этих верований, посредниками между родом и теми силами, которые почитались и обожествлялись (*žьгьсь); наконец, формировались группы лиц, входивших в состав тех, кто выступал руководителями родов, племени. Постепенно складывалось противопоставление первой и остальных групп лиц, происходило разложение первобытнообщинного строя у древних славян. К тому времени, когда славяне вышли на историческую арену и упоминания о них появились в сочинениях римских и греческих авторов, это разложение было уже значительным. Изменяются имущественные отношения: орудия и средства производства из всеобщей и ничьей конкретно собственности в роде становятся собственностью отдельных членов племени; за счет пленников (ср. *rělnь ‘плен’), а отчасти, возможно, и бывших членов своей общины появляются отдельные рабы (*orbь), хотя рабовладельчество в широкой, всеохватывающей мере у славян развития не получило. Можно полагать, что славяне перешли от первобытнообщинного строя к реннефеодальному, в основном минуя развитую стадию рабства. Не случайно, очевидно, термин раб (*orbь) использовался у славян и для обозначения дитяти (*orbę, ср. ребенок). Дело в том, что раб был собственностью господина так же, как ребенок был собственностью отца. Поэтому рабство у славян не получило тех форм, которые характерны для Рима и зафиксированы в Римском праве. Вместе с тем надо отметить, что славяне-рабы (причем не только пленники, но и проданные своими господами купцам) попадали на рабовладельческие торги на Ближнем Востоке. Вполне вероятно, что ситуация не была единой для всего славянства; одно дело – бывшие римские колонии, а иное – «свободные территории» в лесной зоне Средней и Восточной Европы.

Разложение первобытнообщинного строя и формирование собственнических отношений отразилось на том, что в праславянском языке имелась довольно большая группа слов, характеризующих имущественные отношения. Начнем со слов, обозначающих вообще имущество. Это обычно производные слова: *jьměньje (внутренняя форма: то, что взято), *dobьtьkь > (то, что добыто), *statьkь (то, что стоит), *dostatьkь (то, что досталось), *kqb(ь)lo (собранное). Появляются слова, характеризующие обилие, богатство с корнем *bog-: *bogatь ‘богатый’, *bogatěti ‘богатеть’, *bogatьstvo ‘богатство’,

*bogaśь ‘богач’; ср. важное в этом кругу слово *sъbožьje ‘урожай’ (ср. белор. *збожжа*) и другое не менее важное – *ubogъ ‘убогий’. Вопрос о смысловых отношениях этих слов со словом *bogъ продолжает в науке дискутироваться.

Архаичным является, видимо, слово *sъčestьje, в котором внутренняя форма раскрывается как ‘соучастие’ (скажем, в добыче или урожае) и свидетельствует об отражении в этом слове старых общественных отношений. Сюда же относится и слово *děliti ‘делить’, характеризующее то время, когда осуществлялся раздел (*delьba) имущества. Более поздние экономические отношения отражает слово *měna. Слово *tьrgъ указывает на расширение у славян торговли; этот славянский термин был заимствован в скандинавские и угро-финские языки (ср., в частности, название финского города Турку). На внутреннем рынке предметами торговли во второй половине первого тысячелетия были сельскохозяйственные продукты, шкуры и меха, воск, соленая рыба, ремесленные изделия, керамика. Дорогие изделия из металлов, стекла, драгоценных камней были предметом ввоза.

Торговля имела первоначально меновой характер. Слово *сена этимологически связывается с понятием наказания (*kajati sę ‘каяться’, *kazнь ‘наказание, казнь’), лишь позже становится, видимо, обозначением регулярной платы при покупке. Можно указать и другие обозначения различных плат: *plata, *myto ‘пошлина’, *mьzda ‘плата за услуги’. Сюда примыкают обозначения дани (*danь, *danina), а также подарка (*darь, ср. и *dariti). Дань еще в Древней Руси имела натуральный характер. Интересно отметить, что корень слов *kupiti ‘купить’, *курьсь ‘купец’, *kurja ‘купля’ имеет готское происхождение, это – заимствование. Показательно, что названия денег у славян заимствованы; наиболее старое из них – это заимствованное из германских языков слово *penędzь (ср нем. Pfennig), русск. *деньги* или болг. *пари* заимствованы позже из восточных языков. В этой связи надо отметить и то обстоятельство, что слово для обозначения понятия ‘дешевый’ различается по славянским языкам: восточнослав. *дешев*, польск. *tani*, болг. *евтин*; развитие значения слова *dorgъ ‘дорогой’ идет от ‘милый’ к ‘дорогостоящий’, оно тоже не едино для всех славян.

Наличие имущественных отношений ведет к тому, что кто-то забирает имущество не по существующим правилам: происходит *grabežь или *kradja / *kradežь. У одних лиц имущество скапливается с избытком (*lixva, *izbyтькъ*), у других же чувствовалась беда (*bēda), нужда (*nudja). Люди заботятся о материальной пользе для себя (*koristь). Возникает понятие наследства (*dēdina).

С разложением первобытнообщинного строя не только перестраиваются имущественные, экономические отношения, но и возникают новые понятия политического и юридического, говоря современным языком, по-

рядка. Интересно отметить, что понятие власти возникает на базе понятия имущественного: корень тот же, что в глаголе *владеть*, восходящем к значениям ‘владеть, наследовать, править’: *voldtь. В праславянском языке складывалась элементарная терминология, связанная с правом: *pravo, *rědь ‘ряд, порядок’, *rěditi ‘устанавливать порядок’, *sědь ‘суд’, *sěditi ‘судить’, *zakopь ‘закон’, *vina, *krivica ‘вина’ (интересно антонимичное использование корней *prav- и *kriv- в этом переносном употреблении), *kara, *kaznь ‘наказание’.

Имеется несколько слов для обозначения споров: *spogь, *svara, *katora, а также распри: *kormola. Получает расширенное использование сначала чисто телесное понятие силы: *sila, *mogь ‘мощь’, *snaga ‘стремление’; с этим понятием связано и понятие *vol’a, этимологически соотносимое с *velěti ‘велеть’, и нем. wollen ‘хотеть’. Возникает и антонимическое понятие *pokora ‘покорность’; приобретают переносные значения слова типа *jьgo ‘ярмо, иго’. Появляется несколько обозначений принесения зла (*zьlo): *вред* (*verdь), *клевета* (*kleveta), *мука* (*męka). Вообще в этой области широко используется расширительное переносное значение слов, в котором первичное конкретное значение распространяется. Так, *pričina могло иметь более узкое значение, соотносимое, например, с *зачинать* (ребенка) или диал. *чинить* (хлеб) ‘заквашивать (хлеб, муку)’.

Надо отметить, что понятия, связанные с государством, в праславянском языке еще не получили широкого развития. Нет общеславянского слова для обозначения государства, древнейший из терминов *dърžava ‘держава’ представлен не во всех языках в этом значении. Показательно, что заимствованными являются названия почти всех представителей господствующего слоя, а особенно – руководителей государства: *kъnędзь ‘князь’ из готского kuning, *carь < *съsarь, *сѣsarь из римского имени Цезарь, *korlь ‘король’ из имени франкского руководителя Карла Великого (у славян для обозначения своих властителей стало употребляться не ранее X в.). Славянское по происхождению слово *vodjь ‘вождь’ обозначало племенного руководителя, и лишь слово *voldyka ‘владыка’ могло обозначать руководителя крупного коллектива людей типа государства или региона. Надо отметить связь этого слова с тем же корнем *vold-, который содержится в словах типа *власть* и связан с понятием владения. Неясно происхождение еще одного славянского термина для руководителя, хозяина – *gospodь; высказана мысль о связи первой части этого слова со словом *gostь, но пока не удалось выяснить вторую часть (ср. и *gospoda ‘хозяйство’). Не вполне ясна и этимология такого обозначения, как гърань (откуда – пан). Такие слова,

как государь, боярин, имеют более узкое распространение и не относятся к праславянскому наследию.

В праславянском были некоторые обозначения представителей подчиненного класса. Это такие слова, как *orbъ ‘раб’, *холръ ‘холоп, раб, крестьянин’, *sluga, *къметь ‘слуга’, *сьмырдъ ‘крестьянин’. В этимологии этих слов много неясного, и это мешает выяснить их первоначальное значение, а следовательно, характеристику социальных отношений в то время, когда эти слова возникли.

Таким образом, оказывается, что в праславянском имелась уже лексика, свидетельствующая о социальной дифференциации, но лексика для обозначения основных государственных понятий еще не сложилась. Это связано, видимо, с тем обстоятельством, что древнейшие славянские государства образовались уже после распада праславянского единства в результате расселения славян и вхождения их в контакты с представителями других народов. Более того, в этих государствах, возникших в VII в., – государстве Само и Первой болгарской державе – существенную роль играли неславянские элементы: кельты или франки (германцы) в государстве Само, протоболгары (тюрки) в Первой болгарской державе.

Очевидно, что не только государствам, но и племенам, и тем более союзам племен, была присуща и некоторая военная функция защиты своей территории, своего имущества и захвата чужого. Поэтому в праславянском словаре нашла отражение военная лексика. Так, имелось несколько обозначений сражения или совокупности сражений: *bitva, *bojъ, *bornъ (ср. *брань, на поле брани*), *boгьба *vojьна. Это были, очевидно, не абсолютные синонимы, а обозначения различных типов сражений, например по применению оружия, войск, а иногда, возможно, диалектные варианты этих обозначений. Также было несколько слов для обозначения воинских соединений (от более крупных к мелким, опять-таки, видимо, с учетом диалектной и отчасти семантической дифференциации): *vojьsko, *družina, *рыкъ, *jata, *četa. Можно указать на несколько названий воина: *vojинъ / *vojакъ, *bojьсь, *boгьсь, ср также по характеру оружия: *strělьсь, *корььникъ, может быть, и *lqсьникъ ‘лучник’; сюда примыкает и слово *коньникъ, обозначавшее, вероятно, конного воина. Некоторые названия оружия (*lqкъ ‘лук’ и *strēla, *корьје) использовались также на охоте. Можно указать *былъ ‘стрела, метательное оружие’, *мець ‘меч’ (последнее заимствовано из германского). В целом вооружение вместе со специфическими средствами защиты (*ščitъ и *šelmъ > ‘шлем’) имело название *dospexъ. Имелись соответствующие глаголы для обозначения действий: *strěliti, *raziti, *poraziti (ср. *razь ‘удар’). Войско имело свои символы *хорoгу ‘хоругвь’, *porporъ ‘флаг’ (ср. укр.

прапор ‘знамя’, слово образовано путем повторения звукоподражания элемента *por-, подобно тому как *golgolъ ‘слово (ср. *глагол*) образовано повторением элемента *gol-, а *relpelъ ‘перепелка’ повторением элемента *rel-).

Военные действия могли закончиться мирными переговорами (*mirъ), ведущими к миру (*rokojъ), обмену теми, кто попадал в плен (*relnъ). Враг (*vorgъ), противник (*protivъnikъ) перестал рассматриваться как таковой, а иногда и как чужой (*tjudъ), если достигалась договоренность о прекращении вражды и объединении.

В военных действиях проявлялись такие свойства людей, которые обозначаются прилагательными *xorbrъ ‘храбрый’, *dyrzъ ‘дерзкий’, *doblъ ‘доблестный’, а отчасти и *хутъ ‘хитрый, быстрый’. Эти качества, впрочем, могли проявляться и в невоенной обстановке, скажем на охоте, при трудных переправах через водоемы и т. п.

Рассматривая вопросы социального устройства древних славян по данным их языка, следует остановиться на проблеме общего обозначения трудовой деятельности и на отражении в языке деления труда. В праславянском языке фиксируется по крайней мере три слова, обозначавших трудовую деятельность вообще: *dělo ‘труд, дело’, *orbota ‘труд, работа’, *trudъ ‘труд, усилие’. Все они имеют индоевропейское происхождение. Значение корня *dhe-, отраженного в первом, – ‘садить, ставить, класть’. Второе слово восходит к индоевропейскому *orbho ‘сиротство’, однако не только в славянском, но и в германском произошло развитие нового значения (вероятно, через понятие тяжелой доли) – ‘работа’ (ср. нем. *Arbeit* и русск. работа). Наконец, слово *trudъ восходит к индоевропейскому корню *treud- ‘мять, давить, толкать’. Таким образом, обобщенное обозначение трудовой деятельности восходит к более конкретным понятиям, отдельным процессам труда.

В праславянском языке не было общего названия «трудящегося» по той простой причине, что трудился при первобытнообщинном строе каждый человек и нетрудящихся не было. Названия лиц по труду давались по конкретным видам деятельности, по занятиям. Это, кроме уже названных терминов собственно социального и военного характера, такие обозначения ремесленных занятий, как *bъsъvarъ ‘бондарь’, *gъgnъsaгъ ‘гончар’, *kovaľ ‘кузнец’, *kožemęka ‘кожевенный мастер’, *šъvъсь ‘сапожник’, kравъсь ‘портной’, *kolaгъ ‘колесник’, *brъvaгъ ‘работник по дереву’, возможно также *kosaгъ ‘специалист по изготовлению кос’, *коръjъnikъ ‘изготовитель копьев’ и др. Сюда примыкают и другие названия людей по занятиям: *kopuxъ ‘конюх’, *pastuxъ ‘пастух’, *korvaгъ ‘человек, занимающийся коровами’, *kopaсь ‘тот, кто копает’, *pekaгъ ‘пекарь’, *greбъсь ‘гребец’,

*ězdьсь ‘ездок, всадник’. В значительной части это названия лиц, которые могут что-то делать, обычно или часто что-то делают, но, кроме некоторых обозначений (прежде всего гончара, кузнеца, бондаря и колесника), едва ли должны рассматриваться как специалисты в современном нам понимании. Пряха (*prę(d)ха) и ткач (*тъкась) пряли и ткали, косец (*kosьсь) и землекоп (*корась) косили и копали, но наряду с этим, видимо, выполняли и роль ратая, и роль пекаря, и роль гребца. Разумеется, по мере развития социальных отношений дифференциация усиливалась. Постепенно те или иные люди благодаря навыкам, нередко передававшимся из поколения в поколение, благодаря наличию орудий (которые тоже передавались) и средств производства получали возможность заниматься преимущественно своим основным ремеслом, но, поскольку городские поселения в период существования праславянского языка едва ли были развиты, речь шла все же об относительной специализации, особенно тогда, когда работа требовала опыта, умений и навыков. Слово *učiteljь первоначально употреблялось для обозначения человека, обучавшего тем или иным навыкам, тому или иному ремеслу. Значение ‘учеба’ имело первоначально и слово *nauka. В качестве общего обозначения работника применялись слова *dělateljь ‘делатель’, *tvorьсь ‘творец’.

Для характеристики общественных отношений внешнего характера имеют значение названия людей по этническому признаку. Таких праславянских слов было немного: *slověn(in)ь, *něтьсь (видимо, не только германец, но и вообще всякий иностранец, не знающий славянского языка), *grькъ ‘грек’, *židь ‘еврей’; видимо, уже в период распада праславянского единства было принято обозначение лиц, принадлежащих к мощным кочевым племенам, прошедшим Восточную Европу в V – VI вв. н. э.: *obr(in)ь ‘авар(ец)’. Интересно отметить наличие специального названия для переводчика: *тъlмась. Интерес представляет семантическое развитие слова *gostь; слово это индоевропейского происхождения, его соответствие в греческом языке имеет значение ‘чужой’, в латыни – ‘враг’, а у славян и германцев это слово стало означать гостя, причем в некоторых славянских языках в нем развивалось значение ‘заморский (иностранный) купец’.

Межчеловеческие, а следовательно социальные, отношения отражаются в таких словах, которые обозначают людей по их проживанию недалеко друг от друга (*sqsědь ‘сосед’) или изолированно (*samьсь), по имущественным отношениям (*davьсь ‘дающий’, *jьтьсь ‘берущий’), возможно, по отношениям в споре перед старейшиной (*sqprь ‘противник’, *krivьсь ‘виновный’, *klevetьnikь ‘клеветник’). В праславянском были слова для обозначения приятеля (*prijateljь).

Несколько праславянских слов обозначают людей по присущим им чертам поведения: *dobrodějъ ‘благодетель’, *xvalьсь / *xvastunъ ‘хвастун’, *krikunъ ‘крикун’, *xorbrьсь ‘храбрец’, а также по умственным свойствам: *mōdrьсь ‘мудрец’, *хутрьсь ‘хитрец’, *glurьсь ‘глупец’. Эти слова указывают на положительное или отрицательное общественное отношение к тем или иным чертам, проявляющимся у человека; судя по этим примерам, оно не слишком отличалось от нашего современного. Можно добавить сюда и некоторые характерные прилагательные, связанные с общественной оценкой ряда свойств человека: *сьстьнь ‘честный’, *сьвань ‘чванливый’, *gьrdь ‘гордый’, *verьнь ‘верный’, *volьнь ‘вольный’, *skopь ‘скупой’, *lenivъ ‘ленивый’, *рьjanь ‘пьяный’, *terzvъ ‘трезвый’, *milь ‘милый’, *radь ‘рад’, *stroгь ‘строгий’ и др.

Рассмотрение довольно большого репертуара праславянских глаголов показывает, что далеко не для всех видов деятельности имелись специальные имена деятеля. Очевидно, такие деятельности, как *gatiti ‘гатить (делать гать)’, *dьlbtі ‘долбить’, *daviti ‘давить’, *gnětiti ‘разжигать’, *trepati ‘трепать’, *tьlkti ‘толочь’, *vęzati ‘вязать’, *točiti ‘точить, лить’; *terti ‘тереть’, *tęti ‘срезать, отрубать’, *pęti ‘натягивать’, *dьrgati ‘дергать’, *kľučiti ‘изгибать’ и др. производились параллельно с другими делами, а потому не было необходимости считать их занятием, требующим закрепления в имени деятеля. Вместе с тем был, например, глагол *umeti ‘уметь’, нужный для выражения наличия тех или иных навыков, необходимых для производства, но, вероятно, некоторыми умениями располагали все или почти все, и это снова снимало необходимость в специальном имени деятеля. Это – свидетельство ограниченного характера разделения труда в период разложения первобытнообщинного строя у древних славян.

4. Тело и душа, жизнь и смерть

До нас дошло много праславянских, в том числе и индоевропейского происхождения, слов, обозначавших человеческое (и не только человеческое, так как знание анатомии возникает у людей при разделке туш животных) тело. Это прежде всего общие названия **tělo* и **plъtь* 'плоть'. Противопоставление «плоти» «духу» относится, видимо, к более позднему, христианскому периоду. В теле выделялось **bruxo/ъ* 'туловище', **golva* 'голова' и конечности (возможно, общим названием для них были слова **čelnъ*, **udъ* 'член').

Части туловища – это **červo* 'чрево', **životъ* 'живот' (с переходом к обозначению «жизни»), **grъdъ* 'грудь', **rъrsi* 'груды (женские)', **grъbъtь* / **xъrъbъtь* 'хребет, спина', *grъbъ* 'горб', **čersla* 'чресла', **rebro* 'ребро', **šija* 'шея' и др. Возможно, что именно к телу первично относились такие слова, как **bokъ*, **tylъ*, **zadъ*, получившие более абстрактное значение.

Ряд праславянских слов служил обозначением конечностей и их частей; так, в ноге (**noga*) выделялись (начиная сверху) **bedro*, **lědvije*, **stegno*, **kolěno*, **golěнь*, **jъkra*, **stopa*, где избыточные слова могли означать кость или, напротив, мясо на соответствующей части тела. Кроме общего, как будто бы, названия руки (**rъka*), имелись слова для правой и левой руки, образованные от прилагательных с соответствующим значением (**desnica* и **šujica*), а также частей руки: **ormę* и **pletje* 'плечо'; **olkъtь* 'локоть', **ręstь* 'пять, кулак', **dolнь* 'ладонь', **gъrstь* 'горсть', **rъrstь* 'палец', **rędъ* 'кончик пальца'.

Пожалуй, более подробно, чем части руки и ноги, были разработаны обозначения частей головы: **čelo*, **lъbъ* 'лоб', **skornja* 'висок', **čerъpъ* 'черепа', **lice* 'лицо'; **oko* и **glazъ* 'глаз', **věko*, **zěnica* / **zъrenica*; **ucho*; **usta*, **rъtъ* 'рот', **gъba* 'губа'; **dęsno* 'десна', **zъbъ* 'зуб', **čelъustъ* 'челюсть', **ęзыкъ* 'язык'; **nosъ*, **nozdra*; **gъrdlo* 'горло', **gъrtанъ*, *mozgъ*; **těmę* 'темя'; **borda* 'подбородок'. Имеется ряд обозначений для волосяного покрова. **volъsъ* 'волос', **kędъrъ* 'кудря', **kosmъ* 'пучок волос', **plěsъ* 'лысина', **kosa* 'волосы на голове (ее верхней части)', **čelъka*, **cubъ*, **xъlpъ*, **xoxo/ъ* – 'части волосяного по крова на голове', **bry* 'бровь', **(v) rъsъ* – 'волосы на лице (усы или борода)'.

Праславянский характер имели названия кожи (*skoġa), других оболочек и пленок на теле (*pelva, *bolna), крови (*kry), разновидностей костей (*kostь, *xreščь ‘хрящ’, *klōbь ‘сустав’), костных наростов (*kogьть, *nogьть). Имелись названия для основных внутренних органов: *sьrdьse, *želza ‘железа’, *žila, *q̣troba, *selzena, *drobь, *ętro, *ędro, *elito; ср. также *p̣p̣рь ‘пуп’.

Несколько праславянских слов, тематически связанных с органами чувств, обозначали функционирование этих органов и сферу этого функционирования: *viděti, *zьrěti ‘видеть, смотреть’, *slušati / *slyšati ‘слушать, слышать’; *sluxь ‘слух’; *voŋa ‘запах’, *smrodь ‘смерд’ и *vonati ‘пахнуть’, *smьrděti ‘смердеть, вонять’.

Из праславянского дошли до нас названия выделений, например: *potь, *slina, *slьza. Сохранились и наименования внешних характеристик человека, в том числе *debelь, *tьlstь, *gladьkь с близкими значениями полноты. Праславянский имел, конечно, и характеристики человека (и не только человека) по силе: *silьnь и *slabь, а также констатации, жив он или мертв (*živь, *mьrtvь).

Следует указать на антонимичные праславянские глаголы *bьděti ‘бодрствовать’ и *sьpati ‘спать’, откуда имя *sьp̣nь ‘сон’ и прилагательное *bьdrь, получившее более широкие значения, лишь частично отражаемые в русском ‘бодрый’.

Древние славяне проявляли заботу о чистоте (*čistota), стремились устранить грязь (*brudь, *kalь), для чего купались (*ḳpati sь), мыли (*myti) утварь, стирали (*p̣rati) одежду. Купание (*ḳpель) могло устраиваться в специальных помещениях; одно из старых севернославянских названий такого помещения *laznь / *lazьŋa образовано от глагола *laziti ‘лазить’ в связи с тем, что это было маленькое помещение, землянка, в которую надо было залазить (в русских говорах слово *лазня* кое-где означает ‘погреб’), или же потому, что по специальной лесенке надо было залазить на полку в таком помещении; другое старинное название, зафиксированное в «Повести временных лет», – *мовь*. Еще в праславянский период было заимствовано латинское слово *baŋa для обозначения помещения, где раскалялись камни, на которые для получения пара выплескивалась вода. Слово пришло, видимо, вместе с этим сооружением. В праславянский период уже возник термин *mydlo ‘мыло’. Впрочем, это сравнительно «новое» изобретение (I в. до н.э.) появилось, видимо, к концу существования праславянской общности, а до этого пользовались щелочью, содержащейся в золе (*zola ‘пепел, щелочь из пепла’), или просто водой. Для расчесывания (*česati) использовались гребни (*greby); волосы стригли (*strigti) и брили (*briti).

Несколько праславянских названий лиц возникло для передачи связи этих лиц с теми или иными их физическими чертами: *bordaśь ‘бородач’, *gъrbaśь ‘горбач’, *golvaśь ‘имеющий большую голову’, *kosmaśь ‘имеющий большие волосы’; ср. также: *хромъсь.

Сложные и трудные условия жизни древних славян приводили нередко к заболеваниям. В праславянском языке имелись общие названия болезни (*bolěznь, *xvoroba, *nemogъь), когда состояние больного (*xvorъь) противопоставлялось состоянию здорового (*sъdorvъь); общее обозначение физической боли (*boľь), а также названия болезней и их проявления.

Ряд наименований связан с болезнями наружных органов, в частности кожи, или с проявлениями других болезней на поверхности тела: *blědica, *blědostь ‘бледность’, *korsta ‘короста’, *lišajь ‘лишай’, *košqta ‘перхоть’, *xrqđьna ‘парша, чесотка, оспа’, *trqđь ‘проказа’, *skvъrna ‘скверна’, *mozolь ‘мозоль’. Одним из универсальных средств для лечения кожных заболеваний было смазывание маслом (стоит заметить, что этимология слова *maslo связывает его с глаголом *mazati). Несколько слов были названиями насильственных нарушений поверхности тела (*rana, *blizna, *ězva ‘язва’, *strupь ‘струп’). Ряд терминов обозначал разного рода опухоли: *bordavica, *pryšсь, *čigъь, *bqба, *brunьka и др. Сюда примыкают и такие внешние проявления болезней, как *svorbь ‘зуд’, *gъrсь / *kъrсь ‘корчи’, *bodežь ‘колика’. Можно указать и на такие проявления, которые выражены в глагольной лексике: *kaš’ati, *rygati, *blъvati, *driskati ‘иметь понос’, а также именной, обозначающей такие следствия, как *jъzgaga ‘изжога’, выделения: *gnojь, *sl’uzь. Особо можно указать нарушения нормального сна (*sъ(p)нъь): *bredьь, *bezсърpnica. Имеется ряд праславянских названий болезней внутреннего характера: *dъbъna ‘подагра’, *gostьсь ‘ревматизм’, *хугъь ‘чахотка’, *когъь / *когъь ‘корь’, *kostoјěda, *kostolomьь ‘болезни костей’, *kyla ‘грыжа’, *běльмо ‘болезнь глаз’.

Праславянские названия имелись и для «душевных болезней»: *bezумьje, *kazьь (последнее слово, впрочем, использовалось, видимо, прежде всего как название бешенства). Следствия ряда болезней получали выражения в физических недостатках человека, которые обозначались прилагательными: *slěpъь, *něмъь, *хромъь (= *klěкъь), *lysъь, *скоръь, *blizozorkъь ‘близорукий’. Болезнь могла вызвать чувства, выражаемые близкими по смыслу глаголами *brezгati, *briditi. Естественно, стремились лечить (*goјiti) и исцелять (*jъzcěl’ati) больного различными средствами, в том числе и лекарствами (*goјidlo). Тем не менее больной страдал (*stradati) и мог не дожить свой век (*věкъь) и умереть (*umerti). Эпидемии назывались

мором (*могъ – слово с тем же корнем, что *смерть*, но с чередованием гласных). Если же удалось добиться исцеления, то больной здоровел (*krějati, ср. белор. *акрыяць* ‘выздороветь’).

В помощь естественным силам люди готовы были прибегнуть к сверхъестественным, тем более что в древности они верили в эти силы. Во всяком случае древние славянские названия врачей возводятся обычно к глаголам речи, т. е. врачи – это «заклинатели», люди, осуществляющие заговоры: слово *vrasъ связывают с *vrati, *balъjъ (широко представленное в старослав. *балии* ‘врач’) с *bajati ‘сказывать’ или другими глаголами подобного значения. Слово *lěkarъ образовано от *lěкъ / *lěка ‘лекарство, лечение’; относительно последнего идут споры: большинство этимологов считает его германизмом (возможно, кельтского происхождения), некоторые ищут возможности объяснить этот корень на славянской почве, связывая его со словами разного значения, в том числе и речевого.

Естественная или насильственная смерть (*sъmьrtь) воспринималась древними славянами относительно спокойно. Есть данные о том, что славяне, как и окружавшие их народы (германцы, балты, иранцы), могли ускорить наступление смерти у немощных стариков или безнадежно больных. На древнейшем этапе славяне, как и их соседи, сжигали своих покойников (*navъ; ср. русск. диал. *навъ* ‘мертвец’), что не исключало некоторых ритуалов при сожжении трупов (праслав. *trupъ). Трупосожжение сохранялось у славян долго, до начала II тысячелетия н. э. Погребальный ритуал сводился при кремации к тому, что покойника доставляли на носилках, возможно, в ладье или на санях, к уже готовому кострищу, сопровождая этот поход пением. Одетый, а иногда и вооруженный покойник на доске или в ладье устанавливался на кострище, и родственники поджигали погребальный костер. После сожжения пепел, обгоревшие остатки костей, оружия и украшений собирали в кучу или складывали в урну, куда помещались и дары, нужные покойнику в загробной жизни. Урну помещали в яму и закапывали, устанавливая на могиле столб или камень. Если покойника не сжигали, его тело вместе с дарами опускали в такую же могилу, на ней зажигали костер, вокруг которого совершалось первое погребальное пиршество (*trizna). В качестве даров в могилу клали немного еды, орудий труда и оружия. Как правило, древние славянские погребения были бедны.

В дополнение к основному погребальному обряду в разных местах прибавлялись некоторые ритуалы. Тело умершего, например, иногда выносили через специальный пролом в стене, а не через двери, чтобы душа его

не нашла пути обратно. Важную роль играл погребальный плач. На севере России, в Моравии и Словакии до недавнего времени были специальные женщины-плакальщицы, известны специальные тексты плачей. В некоторых случаях вслед за покойником «на тот свет» должна была отправиться его жена, а иногда и члены дружины. Насколько это было добровольно, трудно сказать. Сведения о таких похоронах богатых воинов на Руси, у южных славян, у поляков относятся к IX–X вв. Обычай похорон на саях отразился в сохранившихся до нашего времени выражениях, например, белор. *глядзець на паповы саны* (где, впрочем, поп является уже поздним, христианским напластованием). Обычай этот, как и похороны в ладье, отразился в миниатюрах старинных рукописей.

Перед захоронением или после него древние славяне устраивали торжественный ритуал тризны. Возможно, что именно во время тризны осуществлялись жертвоприношения, убивалась жена покойника, устраивались воинские соревнования. Все это имело, очевидно, магическую подоплеку. Возможно, бряцание оружием, копирование битвы должно было отогнать злых духов. После тризны устраивалось пиршество (**piŕь*, **strava*) с ритуальным поеданием пищи. Часть пищи и напитков предназначалась и для покойников, устанавливалась на могилах (соответствующие обычаи сохраняются, разумеется в преобразованном виде, до нашего времени).

При трупозахоронении покойника обычно укладывали на спину, головой к западу с руками вытянутыми или скрещенными на животе или груди. Над могилой (иногда могло и не быть ямы, а была просто куча пепла) насыпался холмик (курган). Древние языческие кладбища могли включать и несколько захоронений, и более тысячи курганов. Кладбища устраивались поодаль от поселений.

В дальнейшем христианство и обычаи соседей наложили на погребальные обряды славян множество дополнительных ритуалов и деталей; христианство отменяло и видоизменяло языческие обряды.

Сохранился ряд праславянских слов, передающих эмоции, эмоциональные состояния и их проявления: **čutъje*, **čuvъstvo* ‘чувство’, а также конкретные чувства. Такова группа слов, связанных с гневом, злостью, яростью: **gněvъ*, **ęga* / **ęza*, **jarostъ*. Другая – с горем, грустью, тоской: **gore*, **zalbъ*, **grustъ*, **toga*; **plakati*, **skučati* = **tqziti*. Несколько слов выражают страх, боязнь, ужас, испуг: **straxъ*, **bojazнь*, **groza*, **lękati(se)*. В ряде слов отражено чувство отвращения (**gnusъ* >, **gydъ*, **nuda*). Несколько слов характеризуют различные степени заботы: **xlopotъ* / **klopotъ* ‘хлопоты’, **gryzota* / **gryža* ‘забота’; **lagoda* ‘доброе отношение’, **nega* ‘ласка’: ср.

и глагол **pestovati*. Чувства радости, наслаждения, счастья, веселья выражаются пра- славянскими словами **radostь*, **orzkošь*, **ščęstьje*, **veselьje*. Ряд глаголов выражал положительные и отрицательные эмоции: **ľubiti*, **koxati* ‘любить’, **nenaviděti* ‘ненавидеть’, **zaviděti* ‘завидовать’. С эмоциональной сферой соотносятся некоторые существительные абстрактного характера: **gana* ‘позор’, **sila* ‘сила’, **zьlo* ‘зло’, **bolgo* ‘благо’, **dobro* ‘добро’; ср. также: **vol’a* ‘воля’, **svoboda* ‘свобода’, **rodoba* ‘сходство’.

5. Дом, утварь, пища, одежда

Сохранилось несколько праславянских наименований дома. Это прежде всего общее индоевропейское по про нахождению название – **domъ*, а также ряд более специализированных слов, обозначающих разновидности дома: **хормъ* (ср. *хором*), **věža* (ср. белор. *вежа* ‘башня’; но, например, в полабском это слово в форме *viza* означало ‘дом’), **kǫtja* (ср. болг. *къща* ‘дом’), **jьstьba* (ср. *изба*), **xata*, **xuža* (ср. *хижина*), **xalupa*, **jata* ‘изба’, **kolyba* ‘пастуший домик’. Часть этих слов имела диалектный характер, многие заимствованы из других языков. Но различие слов вызвано и разнообразными видами «домов». Широко распространены были полуземлянки: вырывали яму квадратной формы 10–20 кв. м. площади, утрамбовывали пол, вдоль стен оставляли выступы для сидения. Пол обмазывали глиной, стены обшивали деревянными плахами. Покрывали такую полуземлянку двускатной или трехскатной крышей. Напротив входа в углу на оставленном возвышении из камней (реже – из глины) сооружали печь-каменку (труб еще не ставили). В нескольких таких жилищах жили недалеко друг от друга ближайшие родственники.

В праславянском языке имелось несколько слов для обозначения укрепленных построек и их групп. Таковы слова **gordъ*, **gordišče* (ср. *город*, чешск. *hrad*, польск. *gród* ‘замок’), **kremjъ* (ср. *кремль*), возможно также **zamyкъ*. Неукрепленное поселение называлось **vьсь* (ср. белор. *веска* ‘деревня’). Следует назвать еще несколько наименований построек для животных: **xlěvъ*, **jevinъ* (ср. *овин*), **košara*, **obora*, **konura*, **kotuxъ*. Праславянский характер имеет слово **dvorъ*, а также наименования частей построек. Так, к примеру, можно указать названия видов комнат: **gorьnica*, **kletъ*, наименование угла, где, в частности, мог размещаться **dědъ* – ритуальный сноп, символизирующий предков, – **kǫtъ*. Дом строился со столбом (**stьlbъ* / **stьlpъ*) в центре, стропилами – потолком (**stropъ*), на которые укладывалась соломенная крыша (**strěxa*). В стенах, складывавшихся из бревен (**brьvьno*), иногда погруженных в землю или обложенных дерном (**dьrnъ*), прорезались окна (**okьno*), двери (**dvьrъ*), снабженные обычно порогом (**porogъ*). Сами стены могли быть глиняными и каменными, особенно в больших сооружениях более позднего времени; возможно, этим

объясняется различие слов, обозначающих стену (*zidъ, *stena), а также глаголов со значением ‘строить, сооружать’ – *gorditi, *strojiti, *zidati (следует учитывать и возможность территориальных различий в их употреблении, впрочем, связанных и с использованием различных технологий сооружения из дерева, камней, глины).

Важным элементом дома был очаг; известны праславянские наименования огня и пламени: *ognь, *polmu; огонь, разводимый на улице, назывался *kostrъ, *atra, *krada. Имелись, конечно, глаголы, связанные с добытием и поддержанием огня: *kresati, *gnětiti ‘разжигать огонь’, *tylěti, *gorěti, *gasiti. Очаг давал не только тепло (*teplo) и позволял согреть (*grě(ja)ti) помещение и продукты, но и был источником чада и дыма (*čadъ, *dymъ), копоти (*korъть) и сажки (*sadjа, *garъ / *garъ). В очаге тлели поленья (*polěno) и уголь (*oqlъ), образовывалась зола (*popelъ). Печь (*pekъть) была по тем временам непростым инженерным сооружением, требовавшим умения при постройке и топке. Сохранились некоторые названия частей печи: *čelesъno и ěstěja ‘устье печи’, *zagněтъ ‘место, где зажигали печь’, *rodъ ‘под (нижняя часть) печи’. Иногда *žarъ и горящие головни (*golъvna) выходили из-под контроля и от искры (*jъskra) мог возникнуть *rožarъ.

В доме имелась некоторая утварь, в том числе мебель: *stolъ, *lože, *lava, *polica, *krěslo. Имелось довольно много посуды (*sodъ), изготовленной из дерева и глины: *čaša, *krina, *gъnъсь, *blъudo, *čъrpadlo, *kotъlъ. Сосуды были специализированы для хранения различных продуктов, различались по материалу и размеру, например: *gъlъкъ, *čerъ ‘глиняные кувшины’, *konу, *korъсь ‘не очень большие деревянные сосуды’, *bъсі, *bъдьпа, *kadъ, *čъbanъ, *dšcanъ, *děža ‘бочки различной формы и размера’. Некоторые емкости изготавливались путем выдалбливания; сюда, в частности, видимо, относились *kadъlbъ, *želbъ, *nъkty, *koryto. Известен и ряд праславянских названий разного типа плетеных корзин, например: *koшь, *korbъ, *kazobъ. Можно указать названия ведер (вероятно, деревянных): *vědro, *čъbъгъ. К предметам мебели примыкает такая емкость, как *skrinja ‘сундук’.

Определенная часть праславянской лексики связана с пищей (*pitja, *ěda; *sъněдъ; ср. также; *xorna, *borъšno при южнослав. *храна*, ст.-сл. *брашно* ‘пища’). Имелись праславянские наименования приемов пищи: *obědъ ‘прием пищи’, *južina ‘ужин, обед’, *večeŕa ‘ужин’; названия орудий для приема пищи: *nožъ, *lъžica, *vidlica; глаголы приготовления пищи: *pekti, *variti, *pražiti ‘тушить’, *tvoriti ‘приготавливать тесто’ (ср. *vъreti ‘кипеть’); глаголы приема пищи: *ěsti, *žъrati, *kъrmiti; прилагательные, характеризующие вкус (*gorъкъ, *kysъlъ, *solъnъ, *soldъкъ ‘сладкий’, тыръ-къ), качество пищи (*elъкъ ‘елкий’, *glěvъкъ ‘глевкой (непропеченный)’).

Праславянским было слово *goldъ ‘голод’, наименования порчи пищи *plěsnь, *gnilь, прилагательные *syть ‘сытый’, *zědъnь ‘желающий есть’, *terzvъ ‘трезвый’, *ръjanъ; *surovъ ‘сырой’. В праславянском языке был целый ряд наименований пищевых продуктов растительного происхождения: *moka, *krupa, *ръšeno, *otrōbi, *droždža, *zelenina, *olejъ ‘растительное масло’, *soldъ ‘солод’. Из них приготавливались такие продукты, как *xlěbъ (слово заимствовано из готского hlaibs (ср. нем. Laib ‘буханка’), возможно, как название дрожжевого, а не пресного, известного славянам ранее хлеба), *kolbъ ‘колоб(ок)’, *kolaсь ‘калач’, *комъ ‘галушки’, *mlinъ / *blinъ ‘блин’, *kaša ‘каша’, *ščava ‘щи’, *гъbanica ‘(слоеный) пирог’. Продукты животноводства также шли в пищу: *melko ‘молоко’, *съmetana ‘сметана’, *maslo ‘масло’, *sadlo ‘сало’, *žigъ ‘жир’, *syгъ ‘молочный продукт (не вполне ясно, какой именно)’, *aje ‘яйцо’, *mešo ‘мясо’, *svinina ‘свинина’, *govēdina ‘говядина’, ср. также *elenina ‘оленина’, *esetrina ‘осетрина’, *solnina ‘солонина’. Видимо, слово *(j)уха, *(j)ушъка означало мясной или рыбный навар. Из названий мясных кушаний до нас дошли *skvara ‘поджарка’, *dъrgъva ‘студень’, *elito и *ętrbnica ‘виды колбас’; к праславянскому восходит слово *ajъсьn(ic)a ‘яичница’. Кроме молока и воды (*voda), древние славяне пили *kvasъ, *pivo, *vino (последнее слово имеет заимствованный характер, как и *braga). Сохранились названия кипятка: *vaгъ, *ukгоръ; видимо, древним является обозначение компота, отвара из сушеных фруктов и ягод (возможно, ритуального характера): *въzvагъ. Средством консервации являлась *solъ; она же, а также некоторые травы и позже *осъть ‘уксус’ (заимствованное из латыни слово) служили приправами к пище.

В праславянском языке наряду с общими глаголами приема пищи и питья (*ēdti > *ēsti, *piti) имелся довольно большой ряд глаголов с дополнительными оттенками, характеризующими скорость процесса приема пищи, шум, возникающий при этом, характер пищи (жидкий, твердый, хрустящий и т. п.). Можно указать такие из этих глаголов: *xlebatī / *xlapatī / *xlastatī ‘хлебать’, *xrobotī, *xrapatī, *xrōstatī ‘есть с шумом’, *gryzti; *lakatī; *sъrbatī ‘есть с шумом жидкую пищу’, *glodatī, *kōsatī, *xapatī, *xamatī ‘кусать’, *kusatī ‘пробовать’, *sъsatī ‘сосать’, *lizatī, *žъvatī ‘жевать’, *glъtatī ‘глотать’, *žъratī ‘жрать’. Особо надо назвать глаголы *kъrmitī ‘кормить’ и *роjiti, а также *хорnitī sę ‘питаться’. Следует отметить и глагол *žēdatī ‘хотеть есть, пить’ (откуда наше *жадный*), причастие *lakomъ ‘вызывающий желание есть, пить’.

Разумеется, сохранилось немало праславянских слов, касающихся одежды. Это прежде всего названия предметов одежды, в том числе верхней одежды: гуна ‘плотная верхняя одежда’, *šuba, *kožухъ, *plašсь; *sukia,

*xala ‘платье’; *košul’a, *sorka ‘сорочка’; *gatji, *nogavicy ‘штаны’; *plaxta ‘плахта, род юбки’; *dripa ‘грязная одежда’. Имелись и названия частей одежды: *rǫkavъ ‘рукав’, *xolča ‘штанина’, *klinъ ‘застежка’; *rojasъ, *rěmy, *rovъzslō ‘пояса’, *torcъ ‘пояс, полоса’ (ср. *оторочка*). На голову надевались *šerъsъ, *klobukъ, *věnъsъ, на ноги – *šerъbъje (ср. *черевишки*), на руки *rǫkavica ‘рукавица’. До нас дошли глаголы изготовления и облачения одежды и обуви: *portī ‘пороть’, *krojiti ‘кроить’, *šiti ‘шить’; *oděti ‘одеть’, *obuti ‘обуть’, *jъzuti ‘разуть’. Праславянский характер имеют наименования украшений: *rъrstenъ (от *перст*) и *ožerlъje (от того же корня, что слово *горло*, ср. *жерло*). К праславянскому восходят слова *postel’a ‘постель’ и *pelna ‘пеленка’.

6. Домашняя живность; пчелы

Продукты животного мира были одним из древних ресурсов человека для его повседневных нужд. От животных получали молоко и шерсть, а при забое – мясо и животные жиры, а также шкуру для одежды и обуви, использовали их как тягловую силу, применяли для сторожевой службы. Естественно при этом, что различные животные использовались для различных нужд. Несколько видов животных были приручены и разводились человеком. В связи с существенными различиями в хозяйственном назначении для многих животных имелось по несколько названий в зависимости от пола и возраста.

Древние славяне унаследовали животноводство и многие связанные с ним термины еще доиндоевропейского периода. Отметим прежде всего праславянские названия домашних животных. Они были изучены в последнее время в специальной книге О. Н. Трубачева (см. список литературы).

Крупный рогатый скот имел общее название *govędo; имя самки было эвфемистическим, его значение понималось в индоевропейском языке как ‘рогатая’: *korva ‘корова’; названия самца: *bукъ и *turъ; названия детенышей: *telę, *telъсь, *junъсь, *junica (первое – среднего рода, а другие с различием пола, быть может, для животных относительно старшего возраста). Индоевропейского происхождения слово *turъ, вероятно, использовалось как обозначение дикого животного. Слово *volъ обозначало кастрированного быка.

Общее праславянское название лошади, вероятно, *копь. Самка именовалась *kobyła (*kobylica), детеныш – *žerbę ‘жеребенок’. Слово *žerbъсь использовалось для обозначения самца, так же как и *копь и не вполне выясненное *комопъ. Слово *лошадь* – позднее собственно русское заимствование. Конь – не только важнейшее транспортное животное у славян. У древних славян, как и у других индоевропейцев, с конем связаны определенные культовые представления. На коне восседал на некоторых изображениях бог грома Перун. Коня славяне приносили в жертву при похоронах хозяина. В славянской народной поэзии конь выступает как умное, вещее животное (ср.: *сивка, бурка, вещей каурка*), как «конь-колдун» (по определе-

нию В. И. Даля). Коня изображали на домах и на кораблях, дошли сведения и о жертве коня при закладке дома.

Слово *осьль ‘осел’ было заимствовано славянами из готского; финальное *-ьль появилось в результате уподобления названиям козла и орла. От этого же слова образованы названия самки и детеныша (*осьлица, *осьлѣ). Но реальное знакомство с этим животным состоялось, вероятно, не для всех славян, а лишь для тех, которые оказались в пределах влияния средиземноморской культуры.

Мелкий рогатый скот представлен названиями двух видов. Овца имеет старое название индоевропейского происхождения. Слово *овьса обозначало самку, *овьпъ самца. Слово *barapъ встречается не только в восточных и западных славянских языках, но и в некоторых языках Европы, поэтому оно, возможно, также относится к животноводческим терминам европейского ареала. Название детеныша *agne / *agnьсь ‘ягненок’ имеет индоевропейский корень и славянскую суффиксацию. Другое мелкое рогатое животное – *koza. Название самца образовалось от того же корня, но с суффиксом: *kozyль. Тот же корень использован и для названия детеныша: *kozlѣ ‘козленок’. Применительно к овцам и козам детеныш может называться и *jarѣ / *jarьсь. Слово *сарь ‘козел’ принадлежит карпатскому ареалу.

По более позднему (X в.) свидетельству арабоязычного персидского энциклопедиста Ибн Русте, так же, как другие народы занимались овцеводством, славяне разводили свиней. Праславянское слово *svinija – название самки и общее название животного – восходит к индоевропейскому корню *su-. Индоевропейским диалектизмом является название детеныша свиньи – *porse ‘поросенок’. Название самца – *knoгъзь (возможно в несколько ином звуковом оформлении); слово *borvъ ‘боров’ обозначало кастрированного самца этого важного мясного животного. Слово же *verгъ использовалось в основном для обозначения самца дикой свиньи. Не вызывает сомнений, что разведение свиней было известно уже в общеславянский период.

Название собаки общеславянского характера *рьсь ‘пес’ было, видимо, родовым названием и названием самца. Слово *собака* более позднее, оно представлено широко лишь у восточных славян и в отдельных западнославянских диалектах. Название самца *кобель* – русское, не имеющее параллелей у других славян. У северных (восточных и западных) славян известно обозначение самки *suka, у южных в этой функции выступает слово *кучка*, связанное с известным многим славянским языкам названием детеныша типа русск. *кутенок*, сербохорв. *куче*. Праславянское название детеныша собаки – *ščene ‘щенок’. Было известно и название породы собаки – борзой: *хьртъ.

Обозначения кошки обоих полов и детеныша образованы от одного корня: *kotъ, *kotica, *kotę.

Зафиксированы праславянские названия совокупностей домашних животных: *skotъ, *stado, а для мелких – также *čerda ‘череда’. Для животных строились специальные постройки: *xlěvъ, *stajъna, для овец в карпатском ареале *košara. Праславянский характер имеют названия ряда частей тела животного: *rogъ, *rylo, *griva, *vyme, *xvostъ; отметим и прилагательное, обозначающее безрогость – *komolъ. Названия процесса родов зависят от животного и связаны нередко с названием детеныша: *teliti sę, *zerbiti sę, *agniti sę, *ščeniti sę, *porsiti sę, *kotiti sę (последнее применяется и к козе, а иногда и к овце); имелась и группа прилагательных, называвших самок животных, которые должны принести приплод ((*sъ)telъna(ja), *žerba(ja) и др.) в отличие от яловых (*alova(ja)), от которых приплод не ожидался. Первое молоко называлось *melzivo ‘молозиво’, к индоевропейскому восходит глагол *dojiti.

Для того чтобы запрячь (*zapręgti) животное, применялись различные элементы упряжи: *jъgo, *agъmъ ‘ярмо’, *dōga ‘дуга’, *xomōtъ ‘хомут’, *gōžъ ‘гуж’; *uzda, *brъzda ‘вожжа’. Применялись различные бичи: *biсъ, *bat(og)ъ, *xrudъ. Известно было и применение подковы (*podъkova). Из волосяного покрова животных добывалась шерсть (*sъrstъ, *runo, *vъlna), изготавливались *pъlstъ ‘вид войлока’ и *ščetina. Как видно из предыдущего, самцов для повышения хозяйственного эффекта иногда оскотляли (*skopiti). Праславянский, восходящий к индоевропейскому характер имел глагол *pasti, от которого образовались названия лиц: *pastuxъ / *pastyrъ, где разные суффиксы, возможно, связаны с разным географическим распределением слов по славянской территории.

К животноводству примыкает и птицеводство, которое также было известно древним славянам. Хотя родовое слово, называющее птицу, дошло до современных славянских языков с разными суффиксами (*pъtica / *pъtaxa / *pъtuxa), использование в нем общего корня, общеславянских названий таких частей птичьего тела, как *kridlo, *pero, *puxъ, *zobъ; ср. *kl’unъ / *kl’uvъ, общность таких слов, как *gnězdo, *skubsti, *aje ‘яйцо’, свидетельствуют о хорошем знакомстве древних славян с птицами. В домашнем хозяйстве использовались, видимо, куры (название самки общеславянское слово *kura, а название самца варьируется: *koсetъ, *kokotъ, *petъlъ и др., как и название детеныша), утки (видимо, праславянскими, хотя и не везде теперь сохранившимися, были слова *qta, *qtica ‘утка’ и *selzenъ ‘селезень’), гуси (*gōsъ; *gōsyni, *gōserъ / *gōsakъ).

Условно можно сюда отнести и разведение пчел в промысловых целях – бортничество. В праславянском языке были названия различных разно-

видностей улья: *ulьjъ и *bьrtь, названия пчелы (*bьščela), пчелиной матки (*jьskalb, *matica), роя (*rojъ), продуктов пчеловодства (*medъ, *voskъ). Имелись в праславянском и еще некоторые другие термины пчеловодства (*pasěka, *bьrtьnikъ и др.). Добычу меда можно отнести к числу очень древних занятий человека. Любопытно в этом плане наскальное изображение в пещере Альпера (Испания), относимое к VII тысячелетию до н. э., где человек добывает мед из дупла, а вокруг летают пчелы.

7. Культурные растения

Использование «даров природы» из растительного царства было присуще человеку еще до того, как он стал человеком. Но человек этим не ограничился. Определенные виды растений, приносивших важные для него продукты и поддававшиеся целенаправленному разведению, были им освоены, стали культурными растениями. Древнейшее земледелие у славян было подсечным. Оно требовало огромной работы по выкорчевыванию пней, их подсушке, сжиганию. Выгоревшая земля оказывалась довольно рыхлой и в первый год давала неплохой урожай порядка сам-десять, т. е. 10 к 1. Но уже на следующий год урожай снижался раза в два-три, а возобновление плодородия происходило лет через 50–60. Поэтому надо было снова сжигать участок леса, корчевать, готовить для посева. Небольшому населенному пункту в несколько десятков жителей нужны были огромные пространства леса; при этом постоянно затрачивался нелегкий труд с примитивными древними орудиями типа суковатого бревна – бороны.

Предназначенные для обработки и использования участки земли имели свои названия: *po'le, *niva, *lędo (ср. белор. *ляда*), иногда они ограничивались межами (*medja) или обозначались вехами (*vęxa) – палками с укрепленными на них пучками соломы. Участки могли огораживаться (*gordina, *ogordъ) и засаживаться на длительное время многолетними растениями, деревьями (*sadъ). Для обработки использовался комплекс специальных орудий: *motyka, *soxa, *ordlo 'пало', *lemešъ 'лемех', *borna 'бороны', *grabja 'грабли'. Участки вспахивали (*orati, *пахати), на них прокладывались борозды (*borzda), в которые сеяли или высаживали (*sę(ja)ti, *saditi) соответствующие растения. Возделывание включало полку (*pelti 'полоть'), растительные плоды зрели (*zърęti), и начиналась их уборка. Для зерновых (*zърно 'зерно') наступала жатва (*zętva), их косили и жали (*kositi, *zęti), применяя для этого серпы и косы (*sърпъ, *kosa и ее части: *kosidlo, *kosišće). Собранные колосья (*kolsъ) сгребали (*grebati) при помощи перевесел (*ровърzslо), связывали в снопы (*snоръ), которые укладывались в копы и стоги (*kopa, *stогъ), для чего использовались вилы (*vidla). Складывали также сено и солому (*sęno, *solma); при необходимо-

сти их переносили на носилках (*noša) в более сухие места и подсушивали в специальных сооружениях (*ozerdъ, ср. белор. *азярод*). После просушки злаки обрабатывали на токе (*токъ), где зерно течет из колосьев в результате того, что его бьют (оббивают) цепом (*сѣрь), и получалось *obilъje (ср. *обилие*). Это зерно еще веяли (*vě(ja)ti), а затем мололи (*melti) на жерновах (*žьny) мельницы (*мыльнъ), просеивали через решето, сито (*rešeto, *sito), в результате, чего получался продукт, использовавшийся в пищу,— мука.

Какие же зерновые культуры были известны славянам? Слово *žito обозначало, видимо, и пшеницу и рожь, которые имели и свои названия (*рьšepica, *ръжь); яровые посевы назывались *jaгъ и соответствующие растения — *jaгica, это предполагает и наличие озимых посевов (*ozimъ). Важное, быть может центральное, место среди хлебных культур занимало просо (*proso); во всяком случае в древней песне поется «А мы просо сеяли, сеяли», что, возможно, отражает роль проса среди других культур. Кроме того, выращивали ячмень (*ѣсьму), овес (*овъсь), чечевицу (*sočevica). Слово *proso использовалось для обозначения разных культур (проса, ячменя), слово *рьšepo обозначало крупу не только из проса, как теперь.

Важными источниками пищи были не только злаки, но и другие культуры, из которых выделим *bobъ и *gorxъ ‘горох’. Овощи также росли на огородах у древних славян. Это такие пищевые продукты, как морковь, тыква, редька, репа (*търку, *тыку, *редьку, *рёра), а также ценные добавки к пище: *česnъ ‘чеснок’, *lukъ, *kopгъ ‘укроп’, *xrěнь, *goruxa / *gorčica.

Использовали славяне и *makъ; известно было его свойство вызывать сон, а кроме того, мак выступал в некоторых ритуалах как символ плодородия. Слово *хъмелъ обозначало у древних славян не только растение, но и опьянение, первоначально, возможно, ритуальное.

Были знакомы древним славянам и культуры, из волокна которых после необходимой обработки вырабатывались ткани и одежда: индоевропейское по происхождению название *льпъ ‘лен’ и раннее славянское заимствование *копорја ‘конопля’. Естественно поэтому, что в праславянском языке необходимы были термины, которые обозначали процессы и предметы, связанные с обработкой этих культур и с изготовлением тканей. Надо сказать, что многие обозначения этого ряда не были специфическими, они использовались и в других сферах жизни. Так обстоит дело, например, с терминами типа *рвать, теребить, сушить лен*. Глаголы здесь неспецифичны, они употреблялись и с другими объектами, приобретая иные оттенки значения. Были, однако, и специфические действия, которые уже не могли обозначаться такими глаголами более общего характера: *pręsti ‘прясть’, *sukati ‘сукать,

ссучивать', *motati 'мотать', *snovati 'сновать', *тъkati 'ткать'. Эти действия, как видим, получали свои обозначения. Так же обстоит дело и с названиями различных предметов – полуфабрикатов в процессе обработки и переработки технических культур. Слова *gъrstь 'горсть', *жмѣна 'жменя' употреблялись для обозначения небольшого снопики этих культур, но использовались и для наименования других количеств, захватываемых рукой; вариации этих двух терминов имели, видимо, характер регионального (территориального) распределения: слово жменя известно белорусскому, украинскому языкам, русским говорам, чешскому и словацкому языкам, в то время как слово *горсть* имеет общеславянское распространение. Такие слова, как *rasmo, *kōdelь 'кудель', принадлежат к специальной лексике. Одним из наиболее сложных орудий, которыми пользовались древние славяне, был ткацкий станок (*stanь), имелись праславянские названия ряда орудий текстильного производства и их частей: *strъžень 'стержень', *verteno 'веретено', *сѣва 'шпулька', *отъкъ 'уток', *krosno 'кросно' и др. Праславянский характер имеют и такие слова (и значения), связанные с текстильным производством, как *копсь 'конец (нитка!)', *petl'a 'петля', *оузыль 'узел', названия полуфабрикатов *volkьno 'волокно' и *nitь, а также отходов: *jъzgreby 'изгребы'. Древние славяне изготавливали различные виды тканей: и менее ценную дерюгу (*deroga) и более тонкое *polьто 'полотно', ср. также из шерстяной пряжи – *sukьno 'сукно'. О славянской ремесленной терминологии ткачества много написано О. Н. Трубачевым.

Славяне знали плоды (*plodь) первоначально диких плодовых деревьев, в частности таких, как *ablонь 'яблоня', *gruša, *sliva. Знали они также рябину (*arębina), черемуху (*čermuxa), на кустарниках собирали калину (*kalina), малину (*malina), бузину (*buzina), терн (*тъгнь). Культура садоводства пришла к славянам, видимо, из Средиземноморья; с этим связано то, что названия вишни (*višьna), возможно, греческого, а черешни (*čerša) – народно-латинского происхождения. Ягоды были скорее предметом собирательства, нежели выращивания; само слово *agoda использовалось для обозначения конкретных ягод, возможно ежевики или земляники.

Использование растений обусловило наличие целого ряда слов в праславянском, которые обозначали части растений: *korěнь, *stьblo 'стебель', *loza, *galōza 'ветвь', *stvolь (и *dupьlo в нем), *bьтъva, *гуць 'ботва' (ср. белор. диал. *гічка* с тем же значением), *listь, *xvoja, *šipь. Имелись слова для обозначения почек: *brunьka, *brьсть, а также цветка: *květь. В праславянском имелось название коры (*kora) и луба (*lubь). Целый ряд слов использовался для наименования плодов и соплодий: *plodь, *semę 'семя', *kolсь 'колос', *strōкъ 'стручок', *grono 'гроздь', *želōдь 'желудь'. Можно

отметить и праславянские слова для обозначения засохших частей растений: *ръль ‘пень’, *sǫкъ ‘сук’, *sterna ‘стерня’. Праславянским было и обозначение травы, отросшей по стерне, – *otava. Можно указать и глагол *vędnŏti ‘вянуть’. Из названий лиц, связанных с земледелием, можно говорить относительно надежно лишь о названиях пахаря (*рахагь, *oratajь) и косца (*kosьсь, *kosaць). Очевидно, практически все должны были выполнять те или иные работы и лишь для этих двух функций имелись постоянные обозначения лиц по занятию.

8. Живая природа и ее использование

Будучи частью природы, человек с самого своего становления был связан с нею множеством разнообразных нитей. В частности, элементарные потребности в пище человек удовлетворял путем сбора всего подходящего для нее, а потом и путем ловли соответствующих животных. Собирательство и охота предшествовали окультуриванию – разведению и выращиванию некоторых подходящих для этого растений и животных. И хотя в жизни древнего славянина, уже поднявшегося на сравнительно высокую ступень экономического и культурного развития, охота, рыбная ловля, собирательство уступали место более интенсивному использованию продуктов растительного и животного мира на основе животноводства и земледелия, все-таки они продолжали еще играть в снабжении древних славян необходимыми продуктами животного и растительного происхождения более существенную роль, чем в наше время.

Уже отмечалось, что ягоды, вероятно, в основном древними славянами собирались. Собирались и лесные фрукты (*ablъko и др.). Явно предметом сбора были такие ягоды, как *brusъnica ‘брусника’, *ež(ev)ina ‘ежевика’ возможно, *kostěnica ‘костяника’, *brinъ ‘можжевельник’. Конечно, собирались для пищи орехи (*orěхъ) с кустов лещины (*lěščina). Для пищевых целей собирались грибы (*gribъ, *gъba), причем сохранились праславянские наименования некоторых из них, например: *rydъj ‘рыжик’, *smъrza ‘сморчок’.

Получали применение и травы (*byль, *bylina, *byльje – ср. *былинка*, *былье*). Часть из них использовалась в пищу: *bъršъ ‘борщ’, *koprivа ‘крапива’. Некоторые травы косили на корм скоту, например клевер (*děteline и *konіčina). Некоторые растения использовались как приправа, как ароматическое средство для пищи или для создания приятного запаха в помещении, для отпугивания этим запахом насекомых или других мелких животных. Таковы, например: *męta ‘мята’, *čistъсь ‘чистец’, *čebръ ‘чебрец’, *pelynъ / *pelynъ и *čъrnobyль ‘полынь’. Названные и некоторые другие растения (*kostolomъ, *xvošъ) применялись для лекарственных целей (их называли обычно *zelyje ‘зелье’). Были известны ядовитые свойства некоторых растений, в частности: *mъхомогъ, *boligolva, *belna ‘белена’, *čemerica ‘чемерица’, *kъkolъ ‘куколь’.

К древности восходит использование сока (*sokъ·) деревьев для различных целей. Для пищевого потребления использовался, видимо, сок березы (*berza). Находила применение для борьбы с гниением благодаря влагоотталкивающим и укрепляющим свойствам *smola, т. е. сок смолистых деревьев (*sosna, *bogъ ‘сосна’, *edль, *smьrkъ ‘ель’).

Некоторые растения находили непищевые применения – для изготовления из них вместилищ, уплотнения построек, изготовления крыш и изгородей: *mъхъ ‘мох’, *čertъ ‘очерет’, *lorихъ ‘лопух’, *rogozъ ‘рогоз’, *vьrba ‘верба’. Мягкие сорта дерева, в частности *lira, служили для вырезывания из древесины предметов утвари, например ложек.

Вообще древесина находила широкое применение в столярном и плотничьем ремесле для изготовления различного рода изделий, причем свойства дерева, конечно, были известны и использовались (ср. *dѣbъ ‘дуб’, *bukъ, *klenъ). Древесина была для славян важнейшим строительным материалом, при этом учитывались свойства материала. Из дерева долбили лодки, на деревьях размещали ульи и т. д. Древесина была, вероятно, и практически единственным видом топлива. И снова здесь должны были учитываться свойства дерева быстро разжигаться или дольше гореть, легче или труднее подвергаться первичной обработке. Все это вело к довольно богатому именнику видов деревьев в праславянском языке: *asenъ ‘ясень’, *osika ‘осина’, *avorъ ‘явор’, *berstъ ‘берест’, *olъxa ‘ольха’, *vѣzъ ‘вяз’, tisъ ‘тис’ и др. В праславянском языке имелось по той же причине несколько названий для дровосеков: *drъvosekъ, *drъvoroqъ, *drъvargъ. Можно сказать, что обработка дерева отразилась в праславянском словаре еще в нескольких словах. Так, имелись названия орудий для обработки дерева: *pila, *dolbto ‘долото’, *sѣkyra и toporъ ‘топор’, *gladidlo и *strugъ ‘разновидности рубанков’, *nožъ, *kolovyrtъ ‘коловорот’. В праславянском были уже названия различных скреп для дерева: *gvozдь, *klinъсь ‘гвоздь’, *skoba ‘скоба’. Естественно, имелись глаголы обработки дерева: *rqbati, *tesati, *sѣkti, *dъlbiti, *piliti. Наряду с общим термином *dervo ‘дерево’ имелись обозначения различных видов древесных полуфабрикатов и сырых изделий: *dъska ‘доска’, *kolda ‘колода’, *brъvъno ‘бревно’, *kolъ, *polѣno. Использовалась при этом не только основная древесина, но и другие части дерева: *lyko, *bersta ‘берѣста’. Имелось несколько названий тонких частей растений – жердей, прутьев: *žьrdъ, *xlqđъ, *prqтъ, *rozga, ср. также *trъstъ, *drqкъ (ср. белор. *друк, дручок*), *drъkolъ (ср. *дреколя*). Можно указать и наличие названий отходов – щепок: *trѣska (ср. белор. *трэска*), *ščepa, *skera.

При всей практичности в подходе к природе, присущей древним славянам, необходимо учитывать еще существенную в то время роль культового

фактора. Дерево, лес, чрезвычайно важные для всей жизни славян, не могли не поражать внимания своей вечностью, жизнестойкостью, могуществом и в то же время опасностью дремучих лесов с зарослями, топами и дикими животными. Нельзя вместе с тем исключать и определенное эстетическое восприятие растительного царства. Все это обуславливало поклонение наиболее могучим и древним растениям, например дубу, олицетворение леса и отдельных деревьев, например, соотнесение светлой березоньки с девушкой, превращение каких-то рощ в священные (о чем сообщают иноземные путешественники). Это находит отражение и в современном устном народном творчестве с образами лесной чащи, березоньки, дуба, имеющими, вероятно, глубокие корни.

Не случайно общее название для охоты и рыбной ловли в праславянском языке – *lovъ, а соответствующее имя деятеля – *lovьсь. Дело в том, что, видимо, ловля была важным путем добычи и птиц, и рыб, и зверей. Хотя мы и знаем праславянские названия лука, стрелы, тетивы (lqкъ, *strela, *tętiva), а также копья (*korъje), но, видимо, существенную роль играли и различные орудия ловли: *kl'usa 'капкан', *klonъ / *klona, *silo 'ловушка для птицы'. Известно нам и несколько названий рыболовной снасти. Это, с одной стороны, *qda 'удочка', а с другой – несколько наименований сетей и устройств из них: *merža 'сеть' (ср. мережка), *vъrša 'верша', *nevodъ, *klomja 'вид сети'; ср. и *kqтъсь 'уголок – часть невода'.

Имеется, видимо, десятка два названий рыб, дошедших до нас из праславянского языка. Прежде всего это родовое слово *ryba, а далее названия ряда видов рыб: *esetrъ 'осетр', *lososъ, *qgorъ 'угорь', *somъ, *ščuka, *korъь карп', *rъstroqъ 'форель', *ельсь 'елец', *okunъ 'окунь', *bolenъ 'жерех', *golvjъ 'голавль', *karasъ, *piskorъ, *bobyтъ и др. Рыб ловили не только сетями или удочкой, но и в специальных запрудах (*ѣзь). Праславянский характер имеют такие слова, обозначающие части рыб, как *šešuja, *esera 'рыбья кость', *jъkra 'икра'. Наряду с рыбами славяне ловили и употребляли в пищу также раков (*rakъ). О славянских названиях рыб вышла книга В. Т. Коломиец.

Роль рыбной ловли в жизни древних славян подтверждается раскопками археологов, в ходе которых часто обнаруживаются кости рыб, а также грузила, крючки, костяные иглы для изготовления сетей.

Гораздо больше, чем названий рыб, дошло до нас праславянских названий птиц. Следует предположить, что и было их больше. Конечно, не все птицы, которым славяне дали название, являлись объектом охоты. Так, аист (*botъjanъ) был защищен от охоты народными поверьями. Непригодные для пищи хищники, такие, как *sokolъ и *sova тоже едва ли были предметом

охоты. Лишь в особых случаях, видимо, охотились на хищников: чтобы защитить от них своих животных или запасы. Однако заметные и крупные хищники получили свои наименования: *astrębь ‘ястреб’, *kańa ‘канюк’, ‘коршун’, *kobьсь ‘кобчик, сокол’, *korguјь ‘ястреб, сокол, кобчик’, *krešetь ‘сокол, кречет’, *ogьль ‘орел’, *lunь. Едва ли без крайней нужды охотились на связанных с народными поверьями ворона и ворону (*vornь, *vorna), ласточку (*lastovica).

Некоторые птицы получили свои наименования потому, что выделялись своим пением: *češetь, *čižь, *jъvylga ‘иволга’, *drozdь, *kosь ‘дрозд’, *skovornь ‘жаворонок’, *solvьjь ‘соловей’, *stegьль / *ščegolь ‘щегол’. Другие птицы бросались в глаза своим поведением, окраской: *čaja ‘чайка’, *čarja ‘цапля’, *dętelь ‘дятел’, *graсь, *soja ‘сойка’, *vorbьjь ‘воробей’, *žeravьjь ‘журавль’. Специально на этих птиц, видимо, не охотились, кроме крайней нужды и каких-то случайностей

В основном же в силки ловили птиц, используемых для еды: например, объектами охоты оказывались: *arębь ‘рябчик, куропатка’, *čiгькь ‘чирок’, *dropьty ‘дрофа’, *perpera ‘перепелка’, *tetervь ‘тетерев’, *golqьbь ‘голубь’, *elbędь / *olbędь ‘лебедь’ (связана, впрочем, с определенными культовыми представлениями), *gogolь ‘гоголь’ и др.

О птицах у славян имелось немало мифологических представлений. Ворон и сокол, голубь и ласточка, аист и сова выступали как действующие лица в ряде сказок, песен, в играх и обрядах. Можно привести такой пример. Жаворонки, прилет которых знаменовал весну, песни которых привлекали внимание древних славян, стали элементом определенного весеннего ритуала. Еще недавно в день весеннего равноденствия изготавливалось у восточных славян специальное ритуальное печенье, напоминавшее по форме жаворонка. Эти булочки, снабженные «глазами» из сухих ягодок, подбрасывали. Некоторые такие булочки – «жаворонки» содержали специальную начинку, и тот, кому они попадались, считался удачливым. Христианская церковь, как это нередко бывает, пыталась подчинить древний языческий обряд своим целям: поскольку в день равноденствия праздновался день сорока святых мучеников, стали утверждать, что жаворонки символизируют души этих мучеников. Через ритуал с жаворонками древние славяне отмечали столь важное событие, как приход весны.

Дикие животные имели праславянское родовое наименование – *zvěрь. Хотя в науке велись споры о значении выражения *лютый зверь* в некоторых древнерусских письменных памятниках («Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника»), но само существительное имело, видимо, родовое значение и не служило названием какого-то конкретного дикого

хищного зверя. Как и с птицами, следует сразу же оговориться, что не все животные, для которых в праславянском языке имелись названия, были объектами охоты или другого использования. Можно в этом отношении начать с того, что в праславянском имелись названия экзотических животных, о которых сведения доходили из вторых рук: *slonъ ‘слон’, *velьblōdъ ‘верблюды’. Показательно, что слово, являющееся у славян названием слона, было заимствовано из восточных языков, где соответствующее слово (тюркск. *арслан*, дошедшее до нас и в форме имени *Руслан*) имело значение ‘лев’; слово *velьblōdъ представляет собой народно-этимологическую попытку («большой блуд») освоить заимствованное слово (готск. *ilbandus*, возможно, из греч. ἑλεφάς, ἑλέφαντος ‘слон’, восходящего к восточным языкам). Эти переосмысления первичных значений выдают экзотический характер реалий для носителей праславянского языка, незнакомство с ними. В праславянском было известно и обозначение экзотического животного – льва (*lьvъ, *lьvica). Очень интересно в связи с этим сообщение А. Сабалаяускаса о том, что в самых ранних письменных памятниках литовского языка в качестве названия льва фигурирует не нынешнее *levas*, а *Hulas*. Но тогда В. В. Иванов правомерно поставил вопрос: не является ли древнерусское *лютый* (ср. *лютый зверь*) закономерным славянским отражением индоевропейского названия льва (основа типа *liu-)? Гипотеза смелая и интересная.

Некоторые животные были просто заметны в силу своих особенностей, но не имели практического значения и едва ли были предметом охоты. Таковы, например, ёж (*ežь), хомяк (*хомёкъ), летучая мышь (*netopyрь), связанная к тому же, видимо, с какими-то поверьями, как и другие ночные животные.

Охота на крупных животных требовала специальной организации. Кроме того, некоторые животные охранялись культовыми представлениями. Волк (*vьlkъ) и медведь (*medьvѣдъ) еще в индоевропейскую эпоху были культовыми животными. Не случайно, что в славянском индоевропейское название медведя (сохранившееся, кажется, в латинском – *ursus*) заменено эвфемизмом со значением ‘едящий мед’. Имя волка долгое время сохранялось у славян как личное имя в честь этого культового животного (можно указать хотя бы восточнославянские фамилии *Волк*, *Волков*, *Вовченко*, *Волчок* и т. п., отражающие старое дохристианское имя, или имя известного сербского просветителя *Вука* (т. е. *Волка*) Караджича). Так же обстояло дело с рысью (*rysь), следы культа которой иногда видят в некоторых обычаях у балтов и славян. Надо учитывать также опасность и сложность охоты на крупных хищников. Она могла происходить лишь в каких-то особых случаях.

Более регулярно охотились на «мясных» животных, шкура которых тоже могла быть использована: дикого кабана (*verьгъ), лося (*losь), оленя

(*elenь, *elenica, *elenę и название мяса – *elenina), лань (*olniji), серну (*sьrna), косулю (*košutъ / košuta). *Ezvьсь ‘барсук’ использовался, быть может, из-за жира, которому народная медицина приписывает целебные свойства. *Дъхогь ‘хорек’ сейчас кое-где служит своего рода отпугивающим средством от других хищников: куски его мяса иногда раскладывают в курятнике, думая, что это отпугнет других лакомых до птиц животных; возможно, что в этих представлениях есть и культовые обоснования. *Кгъть ‘крот’ в принципе мог идти и на еду и на мех, но едва ли это мелкое животное, к тому же связанное с подземным царством («тем светом»), было предметом охоты в значительных масштабах. Мышь (*muшь), возможно, отлавливали как вредителя всяческих съедобных запасов.

Охота на диких животных была для древних славян источником мясной пищи, хотя раскопки археологов показали, что, например, в древнерусских городищах среди остатков кости диких животных составляют 15–20 % всех костей животных, а значит, скотоводство имело в пять раз большее значение, чем охота. Судя по указанным материалам археологов, основная добыча охотников – это лось, олень, косуля, заяц, медведь. Вели древние славяне и охоту на пушного зверя – бобра, лисицу, выдру, рысь.

Главным образом ради меха, столь нужного для славян в холодную пору года, отлавливались бобры (*bebrъ / *bobrъ), горностай (*gornostajъ), выдра (*vydra), лиса (*lisъ, *lisa / *lisica), ласка (*lasica). Не исключено, что последние досаждали тем, кто разводил птицу, а потому и подвергались отлову. И лиса и ласка – нередкие образы в славянском фольклоре. С лисой связаны представления о хитрости и коварстве. Ласка в некоторых обрядах и текстах выступает как обращенная девушка... Важным пушным зверьком для славян были белки (*veverica, ср. белор. *вавёрка*). Особое место среди пушного зверя занимал заяц (*zajęсь). У южных и восточных славян нередко существовал запрет на употребление зайчатины в пищу, например под угрозой рождения ребенка с заячьей губой или с косыми глазами. Вообще у многих славян заяц (у русских его эвфемистическое название – *косой*) связан с «нечистой силой»: зайцем может обернуться черт, заяц является порождением черта. Этим объясняются опасения того, чтобы заяц дорогу не перебежал. Прыткость зайца связана с представлением о его трусливости. У славян в словесном творчестве, в играх широко распространены представления о связи зайца с брачно-любовной семантикой; обычно заяц – мужской символ; используется образ зайца в ритуальном свадебном хлебе – *каравае*.

В первой половине X в. уроженец Персии Ибн аль-Факих в своем географическом трактате, написанном на арабском языке, отмечал, что купцы-скалабы, т. е. славяне, торгуют мехом лис, бобров, соболей. Таким обра-

зом, в то время мех был не только продуктом внутреннего использования, но и экспортным товаром. Арабские владыки любили надевать меховые шапки. Необходимо, однако, учитывать, что эти известия относятся к более позднему периоду, когда уже произошел раздел праславянской языковой общности. Название **sobolъ* является восточнославянским, его не знали в старину южные и западные славяне.

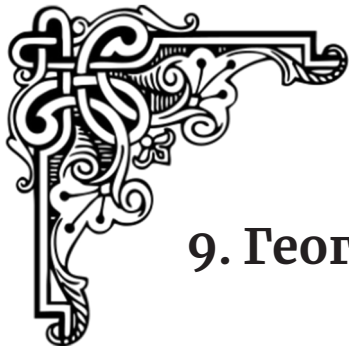
Пожалуй, лишь пчелы из всех насекомых играют серьезную роль в экономической жизни человека. Конечно, и саранча может оказать немало-важное воздействие, съев полностью посевы, как то бывало во времена ее нашествий, но для славянской территории такие нашествия были, вероятно, редким явлением. Роль насекомых как переносчиков болезней еще не была осознана, хотя укусы насекомых, бесспорно, причиняли беспокойство древним людям. Не случайно поэтому, что именно кусающим насекомым давали наименования древние славяне: **blъxa* ‘блоха’, **voшь* ‘вошь’ (и **gnida* ‘гнида, яичко вши’), **klopъ*, **kleščъ*, **osa*, **šyršень*, **šъmelъ* ‘шмель’, **komarъ*, **gъzъ* и **ovadъ* ‘овод’. Некоторые насекомые стали выделяться благодаря специфическому шуму **сыркась*, **svыгсь(къ)* ‘сверчок (ср. и белор. *цыркун*)’. Ряду насекомых названия были даны, вероятно, как вредителям: **kogojědъ*, **molъ*. Отдельные насекомые были замечены человеком потому, что жили в его окружении (**muxa*), выделялись своим поведением (**morъbъ* ‘муравей’), размером (**xroščъ* ‘хрущ’), внешним видом (**žužela* ‘жужелица’), окраской (**motylъ* ‘мотылек’). Следует указать, что зафиксированы обряды, связанные с изведением вредных домашних насекомых – мух, блох, тараканов, клопов. Учитывая, что в этих обрядах отражены идеи метаморфоз (превращений) насекомых, можно думать, что некоторые из таких обрядов имеют архаичный характер. В разных славянских языках в значении ‘бабочка’ выступают слова с корнем слова **baba* (ср. *бабочка*, белор. *бабка* и т. п.). Это объясняется тем, что, согласно поверьям, бабочки (в частности, вероятно, ночные) – это души умерших (в одном русском диалекте зафиксировано душичка ‘бабочка’, ср. лат. *animula* ‘ночная бабочка’ при *anima* ‘душа’).

Различные «гады» – пресмыкающиеся, черви, земноводные – вызывали у древних славян, видимо, отрицательные эмоции; говорить об их использовании затруднительно (кроме разве что пьавок (**rijavica*), давно применявшихся в лечебных целях). Несмотря на это, имелось несколько названий для «гадов»: **zъмъja* ‘змея’, **polъ* ‘полоз’, **qъžъ* ‘уж’, **aščerica* / **aščerъ* ‘ящерица’, **žaba* ‘жаба’, **сьrvъ* ‘червь’, **glistъ* ‘червь, глист’, **xробакъ* ‘личинка’, **čerpaха*, **žely* ‘черепаха’.

Следует отметить, что представители животных «нижнего мира», «гадов» выступают в славянской мифологии. Так, **zъмъjъ* ‘змей’ известен и по русским сказкам, где фигурирует Змей Горыныч, и по южнославянскому

фольклору с его Змеем – Огненным Волком (в котором соединяются и верования, связанные с волком-оборотнем). Известны и поверья о других «гадах». Так, к примеру, для вызова дождя в засуху, по полесским поверьям, надо убить жабу или ужа. Нетрудно понять, что избавление от засухи было столь серьезным желанием, что искали к нему самые различные, в том числе и фантастические, пути.

Таким образом, у древних славян имелись довольно развитые представления об окружающей живой природе. Лексика, связанная с живой природой, показывает наблюдательность древних славян, их тесную связь с окружающей средой, стремление освоить мир, поставить на службу человеку ресурсы природы. Не чужд был древний славянин не только чисто экономического подхода к природе, но и эстетического подхода, чувства прекрасного. Это проявляется, к примеру, в наличии не менее чем десятка праславянских наименований певчих птиц. Познание и освоение мира находит свое отражение, в частности, в репертуаре лексики, связанной с живой природой.

9. Географическая среда

Окружающая человека среда осмысливалась им и получала в его речи соответствующие наименования. Уже сам факт наличия в праславянском лексиконе достаточно подробной характеристики многих явлений окружающего ландшафта показывает, что люди определенным образом познали эти явления и осваивались в окружающем мире. Интересно отметить наличие в праславянском языке целого ряда слов, непосредственно свидетельствующих о том, как человек преодолевал географическое пространство, как он стремился осмыслить и освоить его. Имеется ряд исследований географической терминологии в славянских языках, из которых прежде всего надо указать книгу Н. И. Толстого.

Географическая среда, в которой жил человек, естественно, получила в языке достаточно полное отражение. Уже имелись обобщенные представления о месте (*město), протяженности (*sirь ‘ширь’, *dylзь ‘длина’), высоте и глубине (*vysь, *vysokъ, *nizъkъ, *glōbь, *glōbokъ), о свободном пространстве (*prostorъ) и о его границе, крае, кромке (*krajь, *kroma), откуда и о некоторой ограниченной (хотя и не очень малой) территории (*krajina), возможно примыкающей к краю, границе. Те или иные границы, сдвинутые близко, стали основанием для развития достаточно абстрактных прилагательных со значением ‘узкий’ (*qzъkъ) и ‘тесный’ (*tēs(k)нъ). Уже имелись обозначения основных направлений (сторон света), связанные с представлениями о видимом движении солнца: *sěverь, *jugъ, *zapadъ, *jutro ‘восток’ (ср. также *jъztokъ, *vъztokъ). Можно указать на обозначения севера и юга в связи с временем – полночь (*polъnokъ) и полдень (*polъdъne); пространственное значение для соответствующих востоку и западу слов типа восход, заход известно только отдельным славянским диалектам. Одно из интересных слов этого ряда представлено белорусским *вырай* ‘теплые страны; страны, куда улетают на зиму птицы’ (соответствия имеются в украинских, а также в русских и польских говорах; слово зафиксировано еще в Поучении Владимира Мономаха, где запись такова: *птицы небесныя изъ ирья идуть*). Есть несколько попыток объяснить происхождение этого слова: и из иранск. aiṛya ‘арийская, т. е. южная, страна’, и из слав. *jaṛь

‘весна’, и в связи с балтийскими словами, обозначающими ‘море’, например прусск. *iūgiau*, и в единстве со словами ряда славянских языков, обозначающими ‘омут’, например словенск. *ir* (последние два предположения в связи с зафиксированным, в частности, на Гродненщине поверьем, будто птицы на зиму погружаются в воду).

Однако основу географической лексики праславянского языка составляют названия более конкретных наземных объектов. Само слово *земля* (**zemja*) уже в старославянских памятниках употреблялось в том широком значении, которое присуще ему в современном русском языке: это и ‘территория’, и ‘суша’, и ‘мир’, и ‘почва’. Земля, не занятая сельскохозяйственными угодьями и постройками, получала наименование **pustina* / **pustynь*, занятые участки в зависимости от характера — **niva*, **lědo*. Значительная часть земель, в которых обитали славяне, была покрыта лесом (**lєсть*); для обозначения молодого небольшого леса имеется праславянское слово **gaĭь* (ср. белор. *гай*), что представляет собой довольно интересный факт, особенно если принять обычную этимологию этого слова от глагола **gojiti* (ср. белор. *гаіць* ‘лечить’) ‘выхаживать, выкармливать, лечить’: это означало бы, что древние славяне осуществляли какие-то лесопосадки (скажем, на выжженных участках). Слово **boġь* в ряде славянских языков означает только ‘сосна’, но довольно распространено и значение ‘сосновый (игольчатый) лес’. Видимо, праславянский характер имеет и слово **orstja* ‘роща’; не вполне ясно укр. *хаща* ‘заросли, густой лес’, имеющее точную параллель в польском; ср. белор. диал. *хващч* ‘заросли’.

Бездревесные участки в лесу имели название **poġana*. На открытых местах (**golme*) располагались луга (**lōka*) в том числе заливные (**bolnъje*).

Низкие участки вообще получали имя низины (**nizina*); если они противопоставлялись находящимся рядом возвышенностям (**vyġhъ*), их называли **dolъ*, **dolina*. Имелось несколько слов, обозначавших возвышенности: **gora*, **xribъ*, **xъlmъ*; **kopa* ‘бугор, остров в болоте’, **korьсь* ‘курган’. Совокупность гор называлась **xġbъь* ‘хребет’ или **kręžь* ‘кряж’. Горный склон получал название **byrdo* или **kosogorъ*; именно применительно к склону употреблялось прилагательное **krōtъ* ‘крутой’ (заметим, что в балтских языках этот корень означает ‘берег’). Место под горой называлось **podbgorъje*. Интересно отметить, что в южнославянских языках слово **gora* стало обозначать ‘лес’, видимо, потому, что на Балканах горные склоны обычно покрыты лесом. Каменное возвышение имело уже название **skala*.

Несколько слов обозначали в праславянском относительно резкие понижения земли: **ama* / **jama* ‘яма’, **rovъ* ‘ров’, **ezvina* ‘нора, яма,

пещера', *askyni и слова с корнем *pekt- типа белор. *пачэра*, болг. *пещера* в значении 'пещера'.

Группа слов обозначала в праславянском болотные объекты, что означает пребывание древних славян в какое-то время не только в тех местах, где есть горы, но и там, где имелись болота; одно, впрочем, не исключает другого. Основные названия болота – это *bolto 'болото', *bagnо 'заросшее болото', *grǫzь (ср. *грузнуть*), *dǫgъva (ср. белор. *дрыгва* 'болото') 'топь'; несколько слов обозначали грязные, влажные, топкие места на базе корня *kaľь 'грязь': *kaluga / *kaluža, *kališče. Значение болотистой почвы имели также слова *gręzь, *jьľь (ср. *грязь*, *ил*). Слова *kľсь, *koська употреблялись для обозначения кочки.

Несколько праславянских слов обозначают водные источники, они варьировались, видимо, территориально, а также по особенностям самого источника: *jьzgojь (ср. белор. *здой*), *jьztočьnikъ (ср. *источник* с корнем -tok-), *jьzviгь / *jьzvoгь (ср. болг. *извор*), *krinica, *žerdlo (ср. белор. *жарало*, ср. *горло*, *ожерелье*). Искусственно вырытый колодец обозначался в праславянском словами *studňa и *koldenьсь (и некоторыми их вариантами).

В праславянском языке был ряд названий для гидрообъектов – водных поверхностей и потоков. К индоевропейскому восходит слово *more, ср. лат. *mare*, нем. *Meer* и т. п. Имеет четкие балтские, а также некоторые другие индоевропейские соответствия слово *ezero 'озеро'. Праславянский характер имеет слово *prǫdь 'течение и запруда'. На праславянской почве образовано слово *rěka, родственное по корню с *ринуться* и названием реки *Рейн*, а также *ručьjь и *strumenь 'ручей', родственное слову струя и нем. *Strom* 'ток', сюда же относится и *potokъ – все эти слова имеют во внутренней форме указание на стремительное движение воды. Следует еще указать праслав *viгь и *jьгь 'водоворот, водопад', *selmę 'залив', *ustьje. Слова, обозначающие участки суши, окруженные водой, получили названия, связанные с теми же глаголами *tekti 'течь' и *strujiti sę 'струиться', это слова *ostrovъ и *otokъ 'остров'. Любопытно отметить, что славянское слово *bergъ 'берег' имеет в германском соответствие, обозначающее гору, т. е. тоже возвышение, но уже сравнительно не с водной поверхностью, а с окружающей сушей: ср., например, нем. *Berg* 'гора'.

Преодоление географического пространства осуществлялось разными способами, и прежде всего, конечно, пешком. Имеется несколько праславянских глаголов пешего передвижения, обозначающих это передвижение с целым рядом дополнительных сем – элементов значения. Основную группу этих глаголов составляют глаголы *jьti (I л ед. ч.: *jьdǫ), *gręditi 'идти'; *stǫpati 'ступать', *ходiti. Ряд глаголов обозначал быстрое движение:

*bĕgati / *bĕzati, *gasati ‘бегать’ (ср. белор. *зайцаць* ‘бегать’), *tekti ‘бежать’ (ср. *мечь*, белор. *уцякаць* ‘удирать’), *rinŋti sę ‘ринуться’. Некоторые глаголы означали движение со стремлением понудить кого-то к движению. Сюда можно отнести глагол *vedti, *voditi ‘вести, водить’, означавший движение лица, прокладывающего путь для других, возглавляющего движение. Глаголы *gъnati ‘гнать’, *goniti ‘догонять’, *pŋditi ‘отпугивать, отгонять’ означают уже понуждение к движению путем передвижения не впереди кого-то, а, напротив, позади кого-то. В этой связи надо отметить и глагол *slĕditi ‘следить, следовать’, т. е. ‘идти по следу’

Несколько глаголов означают движение с преодолением помех. Так, *bresti / *broditi, *gaziti означает ‘идти, преодолевая воду или топь’, *lĕzti / *laziti – ‘передвигаться, прибегая не только к задним конечностям’, *skakati – ‘передвигаться прыжками, преодолевая, возможно, какие-то неровности пути’. Глаголы *xromati, *klypati ‘хромать’ – ‘передвигаться с преодолением внутренних физических помех самим идущим’.

Глагол *nesti / *nositi означал (и означает) передвижение с доставкой некоторого предмета с места на место пешим способом; аналогично этому *vezti / *voziti имеет значение передвижения с доставкой предмета при помощи некоторого средства транспорта, *katiti – доставку некоторого предмета путем качения, т. е. поступательного вращения по земле.

Глаголы *pluti / *plavati означают передвижение по водному пространству вплавь. Глаголы *leteti / *letati едва ли могли использоваться для обозначения способа транспортировки (кроме разве что сбрасывания транспортируемого объекта откуда-то), они обозначали передвижение по воздуху (птиц, неживых предметов, например камней, облаков или стрел); интересно, что этот глагол был использован уже в старославянской письменности переносно применительно к племени: *и летить ньнѣ словѣньско плема* (Азбучная молитва). Но важнейшим глаголом перемещения при помощи средств транспорта был, конечно, *jĕxati (I л. ед. ч.: *ĕdŋ>) ‘ехать’.

Общего индоевропейского имени для ‘дороги’ нет. В какой-то мере приближается к нему слово, на базе которого в праславянском реконструируется *stъga / *stъžьka (ср. *стезя, стезька*), восходящее к глаголу со значением ‘шагать, подниматься’ (откуда, например, нем. *steigen* ‘подниматься’ и *Steg* ‘небольшой мостик’, а также греч. *στῆχος* ‘стих’ при *στειχῶ* ‘шагаю’). Другое славянское обозначение небольшой дороги – *tropa тоже связано с понятием ‘ступать, шагать’ (ср. польск. *trop* ‘след’). С этим же понятием, выраженным другим корнем (*pŋnt- / *pŋnt-), связано еще одно обозначение дороги, получившее, пожалуй, наиболее абстрактное значение, – *pŋtъ ‘путь’. В греческом это слово получило значение ‘морской путь, море’,

в латыни – ‘мост’, в германских языках – ‘тропа’, в балтийских – ‘настил на болоте, гать’. Еще два славянских обозначения дороги связаны, видимо, с понятием ‘очищать, дергать’, это – *dorga и *cěsta (первое соответствует русскому *дорога*, а второе представлено в ряде западных и южных славянских языков, например словен, *cesta* ‘проспект, шоссе’). Слово *kolěja означало первично след колеса, слово *slědъ с известной вероятностью первоначально означало санный (лыжный) след (ср. англ. *slide* ‘скользить по льду’). Слово *ula, *ulica означало в праславянском, как и теперь, дорогу в населенном пункте; оно родственно слову *ulьjъ и связано с индоевропейскими словами, означавшими трубку (например, из пустой колоды), ущелье, канаву, дорогу.

Для преодоления водного рубежа находили *brodъ, *gazъ, перебрасывали через поток бревно (*brъvъ) или строили *mostъ. Иногда мог быть сооружен паром (*porъmъ), а нередко переправа осуществлялась по гати (*gatъ) или другого типа плотине (*grebja). И все же порой в некоторые неблагоприятные условия было бездорожье (*bezporъtje). Быть может, ходули (*xoduľ’a) использовались не просто как орудия для игр, но и как средство преодоления пешком непроходимой грязи.

Реки были чрезвычайно важными транспортными артериями. Имеется несколько праславянских названий судов, лодок: *oldьji ‘ладья, лодка’, *сьlnъ / *сьlno ‘челн (выдолбленный из ствола дерева)’, в этом же значении у северных славян использовалось слово *komęga, в некоторых диалектах крупная лодка называлась *struga / *strugъ. Последнее название связано, вероятно, с глаголом *strugati, т. е. дано по способу обработки дерева. Долгое время считали, что слово *korabjъ / *korabъ заимствовано из греч. *καράβιον*. Но в последнее время выдвинута мысль о связи этого названия крупного судна со словом *korъbъ – названием одного из видов плетеной корзины – *короб* (О. Н. Трубачев). Судна передвигались у славян главным образом с помощью весел (*veslo, *greblo), имелся глагол *grebti > *gresti в соответствующем специальном значении. При необходимости их волочили (*volčiti) по мелким местам (которые назывались *volkъ ‘волок’, *pervolkъ ‘переволока’) силами самих гребцов (*grebъсь) или с помощью животных. Вместе с тем известны были и паруса (*ръrě); в древнерусской Новгородской I летописи говорится, например: *И восняша Русь прѣ паволочитыя* (т. е. из дорогой ткани паволоки). Корень этого слова тот же, что в *porъgorъ ‘знамя’. Вместе с тем судоходство имело характер главным образом речной или прибрежный. Следует указать еще термин *koty ‘якорь’.

Река использовалась не только как водный путь. Зимой по этой естественной дороге, видимо, нередко двигались на санях (*sanі), а летом от-

носительно незаросший и достаточно сухой берег тоже мог использоваться как дорога для колесного (**kolesъnъ*) транспорта – воза (**vozъ*). Праславянский знает и названия частей воза (например, **osъ*, **stъpica* ‘спица’, **kolo* ‘колесо’; ср. и название части саней – **krěku* и др.), и название смазочного средства **kolomazъ*, и соответствующие глаголы, например **zapręgati* ‘запрягать’. Конечно, движение на возе или санях могло осуществляться не только по реке или вдоль реки, но и по другим путям. Лошади использовались не только для гужевого транспорта, но и для езды верхом (**jězda vъxomъ*). Об этом свидетельствует наличие таких слов, как **sedъlo* ‘седло’, **strъmy* / **strъmę* ‘стрема’. Человек, который ехал, назывался **jězdъсь*; тот, кто передавал какие-то сообщения, – **sъль*, **posъль* ‘посланный’; участник погони, а может быть, и посланный с другой целью человек – **gonъсь*.

Разумеется, географическая среда – это не только горы, леса, долины, реки, болота и пустоши, а дороги – не единственный способ ее освоения. С географической средой связан и органический мир – растения и животные. Кроме того, с ней связаны и метеорологические явления, и полезные ископаемые, которые тоже познавались и применялись человеком. Весь окружающий мир был объектом познания и освоения человеком, но, конечно, лишь постепенно раскрывались человеку его секреты.

10. Мир минералов и их применение

Издавна человек не только познавал, но и пытался использовать неорганическую природу, окружающую его. Славяне не были исключением. Им были знакомы некоторые минералы металлического и неметаллического характера, они имели довольно развитое гончарство, опыт примитивной металлургии, знали обработку металлов, прежде всего различные видыковки.

Древние славяне знакомы были с рядом металлов, названия которых являются общими для всех или многих славянских языков и, без сомнения, возводятся к праславянскому: *želězo, *zolto ‘золото’, *sьrebro ‘серебро’, *měď, *olovo, возможно, также *svinьсь (известное в восточнославянских и словенском языках). Лишь названия золота и серебра можно безоговорочно считать праиндоевропейскими, обсуждаются в этом плане названия меди и железа; балто-славянский характер имеют названия олова и свинца (причем следует учитывать, что названия этих металлов смешивались). Славяне знали слово *ruda, что свидетельствует в пользу того, что им было известно изготовление железа. Первоначально это осуществлялось при помощи кузнечного горна (*gъrnь), сделанного по аналогии с гончарным, в небольших специальных печах, где использовался бурый железняк, болотная руда; затем печь совершенствовалась, появились кузнечные мехи (*měхь), обеспечивающие принудительную подачу воздуха, а следовательно, более высокую интенсивность горения и высокую температуру. Следует допустить, что термин *plaviti мог использоваться уже в праславянском для железоделательного производства. Вместе с тем нераспространенность этого ремесла и достаточно примитивный характер применяемых орудий обусловили то обстоятельство, что соответствующей терминологии почти не сохранилось. Обработка металла, естественно прежде всего железа, осуществлялась кузнецами (*kovaľ, *kovař, *kovась) в кузницах (*kuzнь) с использованием меха, горна, клещей (*klešсь), щипцов (*šćipьci), молота (*moltь), наковальни (*nakovadľna). Многие названные слова связаны с важным глаголом *kovati / *kuti индоевропейского происхождения.

В праславянском языке было несколько обозначений минералов неметаллического характера: *glina, *glьjь ‘разновидность глины’, *pěськъ ‘песок’, *kamy ‘камень’. *kremy ‘кремень’. Камни по размеру и форме получали такие названия, как *bryla, *glyba / *glyza, *bьlvapь крупные камни’,

*glazъ ‘небольшой округлый камешек’, grōda ‘груда, ком’. Нагромождение камней, песка и т. п. называлось *kupa, *gramada, *gomola. Измельченные или сами по себе измельчившиеся минералы назывались пылью: *pyľь, *rogъхъ (ср. *порох*). Следует еще указать такие минералы, которые, возможно, требовали предварительной обработки: *varьno ‘известь’ и *sěra ‘сера’.

В праславянский язык слово *stьklo ‘стекло’, видимо, заимствовано из готского. В глубокой древности стекло во всем мире могло появиться в связи с развитием гончарства, но применялось только для изготовления украшений, пока в I в. до н. э. на Ближнем Востоке не была изобретена стеклодувная трубка. Стекланные бусы, а реже и посуда попадали и на славянские территории уже в первой половине I тысячелетия н. э. Изготовление стекланных украшений, а позже и сосудов, оконного стекла у славян фиксируется довольно поздно, с VIII–X вв., когда они уже разделились на группы.

Гончарство – производство керамической посуды – одно из древнейших ремесел на славянской территории. Уже в период распространения лужицкой культуры (XII–III вв. до н. э.) женщины лепили глиняные сосуды, которые обжигались в специальных печах, строившихся, вероятно, мужчинами. Значительный шаг вперед был сделан на этой территории в III в. н. э., когда появился гончарный круг для обработки, а потом и изготовления горшков. Однако в IV–V вв. на славянских территориях культура гончарства ослабилась, и оно стало развиваться вновь довольно мощно с VI–VII вв. Славянская керамика с этого времени стала предметом не только внутреннего использования, но и экспорта. Для изготовления горшков (*gьgnь, *gьgnьсь) использовалась глина, к которой иногда добавлялся песок, раздробленный камень, битая и размельченная керамика. Сосуд лепился (*lěpiti) или формовался на круге (*krōgь), снабжался украшениями (насечкой, выдавливанием или налепливанием) и подвергался термической обработке в специальной печи (*rekъtь). Из глины изготавливались не только сосуды, но и украшения, а также предметы культа, игрушки фигурки животных и птиц, погремушки; возможно, часть игрушек лепили сами дети, обучаясь тем самым гончарному ремеслу. В праславянском было уже название для лица, занимавшегося гончарством, гончара: *gьmьsarь.

С VII–VIII вв. у южных славян и с IX–X у других камень стал использоваться в строительстве, первоначально для сооружения храмов, а потом и других построек. Глина, однако, использовалась при строительстве из дерева и ранее. Специальных праславянских терминов для обработки камня, названия каменщика не фиксируется.

Завершая разговор об использовании неживой природы, следует вспомнить о наличии специальных обозначений для воды (*voda), льда (*lьdь), влаги (*volga), а также капли (*kapja).

11. Небо, воздух, время

Небесные явления – и астрономические, и метеорологические – оказывали немалое влияние на всю жизнь человека. Смена дня и ночи, теплого и холодного сезонов, осадки и ветры, засухи и наводнения – все это отзывалось на жизни далеко не комфортабельно устроенных древних славян. И неудивительно поэтому, что в их языке имелись соответствующие термины. Небесные явления по своей неуправляемости и недостижимости легко оказывались объектом религиозных представлений у многих народов, в том числе и у славян. Космические и атмосферные явления тесно связывались с представлениями о времени, перекрещивались с ними. Все это получило то или иное отражение в праславянском словаре.

Небо (*nebo) и небесные светила, конечно, привлекали внимание древних славян, они дали наименования основным небесным явлениям, хотя и нельзя сказать, чтобы интерес к ним был очень интенсивным. Звезды (*gvězda) как ориентиры в пути, вероятно, не играли существенной роли (древние славяне не были мореходами), поэтому названия для отдельных звезд и созвездий в праславянском языке либо отсутствовали, либо же из-за их периферийности до нас не дошли. Пожалуй, лишь такое скопление, как Млечный Путь, имело название со значением ‘дорога, путь’, но, какая именно дорога, нам неизвестно: имеющиеся у разных славян, как, впрочем, и у многих других (хотя и не всех) народов названия Млечного Пути связаны с понятием пути (*Птичий путь, Журавлиная дорога, Чумацкий шлях, Батыева дорога* и др.), поэтому можно думать, что с понятием пути связано название этого звездного скопления и в праславянском языке Слово *zorja > *zořa означало и зарю, и (по крайней мере, в некоторых диалектах) звезду, нередко утреннюю и вечернюю (т. е. Венеру), возможно, для дифференциации «зари» и «звезды» образовывались производные от этого слова – *zorgьka, *zorgьnica, но и за ними не закреплены стабильные для всех славян значения.

Важным для ночного неба явлением была луна. В славянских языках распространено название ее *mesěsь, восходящее к индоевропейскому корню; периодичность фаз луны послужила использованию этого слова для обозначения единицы времени, которое само измерялось, вероятно, с учетом

смены лунных фаз. Слово *luna употреблялось в значении ‘отблеск’, откуда и перешло на обозначение ночного светила.

Главное светило солнце (*sьlnьse) имеет тоже индоевропейский корень в названии, хотя суффиксальное оформление этого названия славянское. Праславянскими были и такие обозначения явлений, связанных с солнцем, как *světъ и *lušť. Место, защищенное от солнца, именовалось *sěнь, севернославянские языки дают также *těнь, которое связывают подчас с *тьмьнь, *тьма ‘темень, тьма’. Кроме слова *тьма, праславянским было и слово *morkъ ‘мрак’, которое, видимо, означало не просто темноту, но темноту плохо проницаемую, связанную с туманом, мглой.

Атмосферные явления играли в жизни древних славян более существенную роль, чем собственно небесные явления (кроме, конечно, солнца). И потому естественно, что метеорологическая терминология была у них более развита, чем астрономическая. Имеется десятка три слов, относящихся к этой сфере. Это названия атмосферных явлений различных типов. Начнем обзор этих названий с двух небольших антонимических подгрупп, обозначавших температуру воздуха (понятие воздуха, кстати, не имеет у славян единого обозначения: ср. русский старославянизм *воздух* и подобные ему слова в болгарском, македонском, сербскохорватском, чешском и словацком, белорусское *наветра* и подобные ему в украинском, польском, серболужицких, а также словенское *zrak* и его параллель в сербскохорватском, где имеются синонимичные обозначения воздуха): *holdъ ‘холод’, *morzъ ‘мороз’, *studja ‘стужа’, с одной стороны, и *znojъ ‘зной’, с другой (в значении ‘зной’ в разных славянских языках еще употребляются такие слова, как русск. *жара*, белор. *спёка*, *гарачыня*, польск. *upał*, с.-х. *жега* и другие слова, связанные с понятиями огня, пламени, его воздействия – печения, варки и т. д.), а также в некоторых южнославянских диалектах слово *jaga, корень которого выступает и в иных значениях, связанных с понятием солнца, прежде всего – ‘весна’. С этими словами связаны и прилагательные *studentъ ‘студеный’ и *tepъ ‘теплый’, а также *zěbnoti ‘зябнуть, т. е. испытывать действие холода’.

Ряд слов обозначал передвижение воздуха – *větrъ ‘ветер’ (образованное от глагола *vějati с суффиксом *-tr-), а также порывистое, винтообразное движение воздуха – *vixъ (от *viti ‘вить’). Кроме того, имелись обозначения разновидностей ветра по направлениям: ветер с гор – *gogъnakъ, ветер с той или иной стороны света – например, *sěverъ, *jugъ. Очень сильный ветер, связанный обычно с осадками, назывался *buġa.

Основные названия осадков сохранились вплоть до современного языка: *dъždъ, *sněgъ, *gradъ, возможно и *krupa. Были и обозначения разновидностей осадков, например: *xъušť ‘сильный дождь’, *xalěra,

*slota ‘дождь со снегом’. Дождь, снег, как и другие активные погодные явления (ветер), древние славяне понимали как некоторые специальные мифические существа. Отсюда и древнее славянское выражение *dъždъ jъdetъ ‘дождь идет’, замененное уже в христианскую пору выражениями типа болг. *вали* или польск. *pada* ‘валит, падает’. А вот глагол *mъžati ‘моросить’ имел диалектный характер. Длительное отсутствие дождя обозначалось специальным словом *bezdъždъje, имелось прилагательное *bezsněžъnъ ‘бесснежный’, выпадение града, наносившее ущерб урожаю, получило название *gradobitъ. Хорошая погода без осадков с ясным небом называлась *vedro (интересно, что в полабском языке это слово обозначает и солнце как светило).

Источником осадков являются тучи; праславянское название тучи – *xmara / *xmura (этот же корень, видимо, и в слове *пасмурный*). Слово *obvoko / obvokъ, из которого наше слово облако, известно не во всех славянских языках. А слово *tōkja зафиксировано с разными значениями, в восточнославянских языках – это ‘облако, туча’, в некоторых западнославянских – ‘радуга’, а в сербскохорватском и словенском – ‘град’. Понятие радуги не имеет в славянских языках единого обозначения. В ряде языков для обозначения «радуги» используется слово *dōga ‘дуга’, в других отмечается признак радости – веселья (ср. белор. *вясёлка*), вызываемых этим красивым явлением (в некоторых диалектах радугу называли *красой*); слово радуга происходит скорее всего от корня, содержащегося в прилагательном *рад*, но есть и другие его объяснения.

В праславянском языке были наименования для специфических осадков, оседающих на поверхностях: *rosa и *jъnъjъ ‘иней’. Атмосферная влажность обозначалась корнем *vъlg- (ср. белор. *вільгаць* ‘влага’, заимствованное из польского). Насыщенная влагой атмосфера, туман, в праславянском называлась *mъgla ‘мгла’.

Естественно, получили свое название и проявления атмосферного электричества. Акустическое проявление имеет общее название *gromъ, соотносимое с глаголом *grъmѣti. Оптическое проявление обозначалось *mъlnijъ ‘молния’, что этимологически связывают на индоевропейском фоне со словами, обозначающими молот (имея в виду молот громовержца); вторичным является производное от *blъskъ ‘блеск, сияние’ *bliskavica ‘молния’ (в украинских и белорусских диалектах и др.). Древним славянским божеством грома и молнии, одним из основных богов древнеславянского Олимпа был Перун; имя это используется в польском языке как название удара молнии и включается в ряд проклятий.

Разумеется, человек был беспомощен перед силами, определявшими погоду, до самого последнего времени (впрочем, и современные возмож-

ности человека в этом отношении весьма ограничены), но погодные явления, а прежде всего дождь и град, были столь существенны для всей его жизни, что он пытался на них как-то повлиять. Таким путем были, конечно, обращения к тем силам, которые, по представлениям древнего (да и не совсем древнего), могли оказать воздействие на погоду. Не следует удивляться подчас противоречивости таких обращений, а тем более и нелогичности: в зафиксированных столетия, а то и тысячелетия спустя после их возникновения ритуалах призыва дождя или отгона града нагромодились напластования разных времен. В записанных на Полесье экспедициями под руководством Н. И. Толстого обрядах призывания дождя отмечаются магические действия с водой: раскапывание криниц, «пахание» воды в колодцах, обливание водой предметов, скотины, людей, бросание в колодцы или криницы черепков (поскольку имеющие дело с огнем и печами гончары могут быть «виновниками» засухи). Среди обрядов призывания дождя — убиение жабы, специальные действия с могилой «нечистого» покойника (самоубийцы, утопленника), разрушение муравейников и другие действия, связанные с поиском «виновника» засухи. Конечно, имелись и собственно ритуальные заклинания, ритуальное вышивание специальных рушников, ритуальные обходы полей и рощ. Многие из таких обрядов имеют параллели на других славянских территориях, а потому могут считаться архаичными славянскими ритуалами. Аналогичен и характер защиты от града, отвода от грома (молнии) и т. п. Изучение подобных обрядов и ритуалов на тех славянских территориях, где они еще пережиточно сохранились, очень существенно для понимания древнейшей славянской мифологии, верований и представлений древних славян.

С обозначениями небесных и атмосферных явлений, а в какой-то мере и с названиями сторон света (иной по направлению связью) связаны обозначения отрезков времени. Очевидное противопоставление темной и светлой части суток отражено уже индоевропейскими по происхождению терминами *d̥n̥ — *nokt̥ ‘день’ — ‘ночь’. Позже этот двучлен пополняется еще двумя элементами: *jutro ‘утро’ и *večer̥; с другой стороны, наряду с периодами, обладающими некоторой продолжительностью, выдвигаются точечные моменты времени (*mīg̥), соотносимые с серединой двух основных времен суток: *roľd̥ne и *roľnokt̥i (именно с ними связано одно из определений направлений света). Разграничение жаркого и холодного периодов (*jaro и *zima), названия которых соотносятся с другими индоевропейскими языками, получает также уточнение в четырехчленной системе *vesna — *l̥eto — *esen̥ — *zima, причем *jaro заменяется уточненными отрезками весны и лета. Трехчленной оказывается система наречий *rano — *nyn̥e — *pozde /

*rozьno, соотносимая и с более ранним противопоставлением предлогов *pek / *do – *za / *po (на базе чего и *po slědъ) и с таким более поздним трехчленом, как *въсѣга– *дѣньсь – * (za)jutro ‘вчера – сегодня – завтра’.

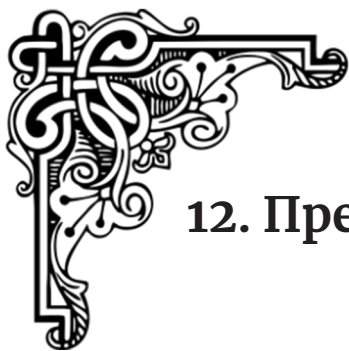
Двучленное противопоставление прошлого и будущего, отражавшееся и в глагольной системе времен, получило выражение также в двучленных противопоставлениях прилагательных типа *novъ (*moldъ ‘молодой’, *junъ ‘юный’) и *starъ (*drevъnъ ‘древний’, *vetъxъ ‘ветхий’).

Из обозначений не вполне определенных промежутков времени, с одной стороны (*časъ, *doba ‘периоды’, *ver(t)mę ‘время’, *godъ, *vekъ ‘возраст’), и более конкретных по продолжительности (*migъ, *дѣнь, *měсѣсь, связанное с ночным светилом, обладающим определенной периодичностью фаз) – с другой, формируется группа обозначений отрезков времени различной (определенной или неопределенной) длины. При этом период продолжительностью в 365 дней еще не имел, видимо, своего четкого обозначения, хотя, бесспорно, осознавался вполне определенно, что отражается, в частности, в праславянском наречии *olnī ‘в прошлом году’ (ср. русск. диал. *лонись*), в наличии праславянских обозначений летнего (*kupala) и зимнего (*korcunъ, ср. *корочун*) солнцеворотов и соответствующих дней (праздников). Поэтому в различных славянских языках разные термины для «года»: ср. русск. *год* (но мн.ч. и *лето*), болг. *година*, польск. *rok* (связанное этимологически с русск. *рок* ‘судьба’). Более поздним является выделение единицы в 60 минут, которая по-разному называется в славянских языках, например русск. *час*, белор. *гадзіна*, с.-х. *sat* (из турец.)/*час*, словенск. *uga* (из нем.). Довольно поздно закрепилось в некоторых языках за словом *vek* ‘возраст’ значение ‘100 лет’.

Отрезки времени в определенное время суток получили также наименования по природным явлениям восхода и заката солнца: *brězгъ ‘рассвет’, *zaxodъ ‘закат’ (ср. и глаголы типа *svitati, *brěždžati ‘светать’).

Относительно более поздним является сложение обозначений дней семидневной недели, с чем связаны и колебания в названиях большинства дней (кроме субботы, где господствует заимствованное в конечном счете из древнееврейского через греческий слово, и среды): *neděl’a / *vъskrěsenъje; *ponedělъnikъ / *ponedělъkъ; *vъtorъnikъ / *vъtoгъkъ; *četvѣrtъkъ / *četvѣrgъ; *pѣtъnica / *pѣтъkъ.

В праславянском языке были обозначения некоторых периодов года по приметам природы или хозяйства, вроде *listopaдъ, *сыръnъ (когда соответственно падали листья или когда жали серпом), но закрепление этих и подобных им названий за конкретными названиями месяцев происходило, очевидно, довольно поздно, когда была принята двенадцатимесячная система года.

12. Представления о фигурах и числах

Рассмотрение семейной, общественной и хозяйственной жизни древних славян, освоения ими растительного и животного мира, использования географической среды обитания и неживой природы вело к установлению наличия ряда технологий добычи, обработки, хранения, транспортировки необходимых для жизни предметов, которые характеризуют материальную культуру носителей праславянского языка. Вместе с тем выявились некоторые знания древних славян о человеке и мире, которые являются показателями возникновения зачатков науки, относящейся к духовной сфере культуры. Разумеется, здесь не было возможности детально разобрать все те знания человека о явлениях действительности, которые возникли к периоду существования праславянского языка и были зафиксированы в праславянском словаре. На деле многие такие знания были, вероятно, более обширными, чем это возможно представить в беглых очерках. Вместе с тем, и это надо подчеркнуть, знания древних славян не стоит считать исключительно прикладными. Развитие познания необходимо вело и продолжает вести к абстрагированию от некоторых конкретных характеристик и к появлению более отвлеченных представлений. Можно думать, что представление о тепле, отраженное в термине *teplo (термин этимологически связан со словом *topiti), возникло от понятия огня, горения, ведущего к нагреванию, раскалению и превращению в жидкое состояние (скажем, льда), затем было в определенной мере абстрагировано от источника тепла и стало более общим, пригодным и для обозначения тепла от очага в землянке, от солнца на поляне, от тела животного. Но тем самым происходило и становление относительно абстрактного понятия тепла.

Видимо, по такому пути шло возникновение элементарных понятий и терминов математики, связанных с простейшими фигурами и числом. В праславянском языке были уже обозначения некоторых фигур. Так, от идеи вращения, зафиксированной в словах других индоевропейских языков через понятие колеса, славяне пришли и к обозначению круга-колеса (*kolo), а через идею изгиба, искривления (и тем самым огибания) – к обозначению круга (*krqǫǵь). С понятием изгиба связано этимологически и слово *qǫǵьль ‘угол’, среди индоевропейских соответствий которого есть и слова со зна-

чением типа ‘сустав’. Недостаточно определенные понятия края, конца, предела, границы были представлены в синонимических словах *kraĭъ, *kroma, *grañъ, восходящих в семантическом плане к словам со значением ‘резать’, ‘острие’. К подобному первоначальному значению (связанному, видимо, с представлением о прорубании, процарапывании, прорезании) восходит и слово *čьrta ‘черта, линия’ вероятно, первоначально далеко не строго понимаемое в геометрическом плане (конечно, черта обладала не только длиной, но и некоторой шириной, о чем свидетельствует древнеиндийское соответствие kṛtā со значением ‘расселина’, ‘трещина’). Несколько слов праславянского лексикона обозначали понятия стороны, полосы, пласта. Слова *storna ‘сторона’, *plastъ связаны по своему происхождению с шириной, большой поверхностью (корень в слове *распростерся* и в слове *сторона* один и тот же). Слово *smuga ‘полоса’ напротив, связано этимологически с представлением о худобе, о способности пролезть сквозь узкий промежуток. Слово *vьrstva ‘слой’ объясняется в связи с глаголами *вертеть*, *поворачивать*. Понятие ‘направление’ (*prōgъ исторически связано с бурным, быстрым движением (ср. с тем же индоевропейским корнем нем. springen, англ. spring ‘прыгать’).

К числу первоначальных «геометрических терминов» следует, вероятно, отнести прилагательное *krivъ ‘кривой’, имеющее также переносное значение ‘неправильный’, откуда и ‘лживый’; слово это, возможно, родственно литовскому kairỹs ‘левая рука’. Праславянский характер имело и прилагательное *oblъ ‘круглый, шарообразный, цилиндрический’, которое возводится к сочетанию префикса *ob- и корня *val-/*vl-, как и слово *облако* (от *обволакивать*). Однако понятие ‘прямой’, вероятно, не имело в праславянском языке однозначного выражения, хотя для его передачи могли использоваться и слова с другим основным значением (*prostъ, *pravъ), и слово, которое реконструируют как *prěmъ (ср. *прямой*), но которое возводят к словам со значением ‘передний, передовой’ (может быть – ‘тот, кто определяет прямой путь’). Слово *orvьpъ ‘ровный’ восходит к индоевропейскому корню, представленному в других индоевропейских языках словами со значением ‘свободное пространство’; интересно, что развившееся в старославянском языке значение ‘равный’, быть может, в какой-то мере соотносится с еще балто-славянскими семантическими особенностями слова, которые обусловили то, что в древнепрусском этот корень употреблен со значением ‘настоящий’. Праславянских терминов для таких понятий, как ‘точка’, ‘фигура’, не известно. Их абстрактность соответствует более высокому уровню развития математического мышления, чем тот, который имелся у древних славян.

Интересно отметить, что понятие креста, перекрестка не относится к числу первичных геометрических понятий. В славянском слово *krъstь – заимствование, источником которого является имя Христос; отсюда в дальнейшем – значение ‘распятие’ (хотя первоначально в Древнем Риме распинали на Т-образном сооружении, которое и называлось стух). А бездорожье первых столетий существования славян едва ли могло дать основание для возникновения понятия ‘перекресток дорог’. Главные, речные дороги, как известно, не перекрещиваются.

Несколько прилагательных обозначают, как и упомянутые, особенности формы. Можно среди них назвать такие, как *kosъ ‘косой’ (первоначально – ‘обрубленный или срезанный наискосок’), *ploskъ ‘плоский’, имеющее индоевропейские параллели, как и *ostrъ ‘острый’, *gladъkъ ‘гладкий’. Менее четки в семантическом отношении параллели к праслав. *torъ ‘тупой’, *krъtъ ‘крутой’. Несколько прилагательных характеризуют форму в соотношении ее с размером; *qъzъkъ ‘узкий’, *širokъ ‘широкий’, *тъnъkъ ‘тонкий’, *debelъ, *тъlstъ ‘толстый’ *tēs(k)nъ ‘тесный’. Ряд прилагательных характеризует размер в вертикальном измерении: *vysokъ ‘высокий’, *nizъkъ ‘низкий’, *glъbokъ ‘глубокий’, *melъkъ ‘мелкий’. Другие прилагательные выражают размер в горизонтальном измерении: *dълъgъ ‘длинный’, *kortъkъ ‘короткий’. Общая размерность предметов отражена в прилагательных *velikъ, *golēmъ ‘большой’ и *malъ ‘маленький’.

К первичным математическим представлениям относятся также представления о числе. В отличие от понятия фигуры в праславянском было слово, означавшее понятие числа и количества: *čislo / *cismę. Оба эти варианта, имеющие разные суффиксы, опираются на один и тот же корень, представленный в глаголе *čisti < *čitti (ср. русск глагол *честь, чет*). Сам глагол в славянских языках представлен в двух значениях ‘считать’ и ‘читать’, а его балтийская параллель имеет и значение ‘думать’.

Другое праславянское обозначение количества связано с относительно-вопросительным местоимением *koliko ‘сколько’, которое обычно разлагают на вопросительную частицу *ko, частицу *li и повторную вопросительную *ko. Тогда это обозначение (входящее, кстати, и в состав самого слова *количество*) сложилось на славянской почве из местоименных частиц, ни одна из которых не имела количественного значения. Аналогично и образование *toliko ‘столько’ с первым указательным местоименным элементом *to, а также *jeliko ‘сколько’. Но, быть может, правильней усматривать в этих словах соотношение с элементом *likъ ‘счет’, ‘число’, представленным в словах типа белор. *лічыць* ‘считать’, известных в таком значении в северославянских языках (включая древнерусский и великорусские диалекты).

Связаны с выражением количественных отношений и слова *razь и *kortь. Первое возникло в связи с глаголом *raziti ‘ударять’ и означало, видимо, ‘удар, случай, один раз’; второе представлено в русском в словах типа *трехкратный*, имело значение, близкое к *razь, и связано со значением ‘обрубать, обрезать, укоротить’, присущим глаголу *kortiti, производному от имени *kortь.

Из индоевропейского праславянский язык унаследовал корни слов, обозначающих основные числа от одного до десяти и ‘сто’. Число 1 стало обозначаться словом *edinь, в котором первая часть – это местоименная частица (обнаруживаемая также в слове *едва*), а *inь < *jьnь – продолжение индоевропейского числительного, известного и в других языках. Это числительное, как и три следующих, согласовывалось с существительными и потому изменялось по родам; оно имело и форму множественного числа. Числительные *dьva (м. р.)/*dьvě (ж. и ср. р.), *trьje/*tri, *četyre / *četyri были закреплены по числам: *dьva – двойственного числа, а остальные – множественного. Порядковые числительные для двух первых членов числового ряда имели другие корни: *rьrvь ‘первый’ имеет индоевропейские параллели со значением ‘прежний, передний, старейший’; индоевропейские связи порядкового *vьtoгь вызывают споры наличие этих связей несомненно, но вопрос в том, соотносится ли это слово со словами, имеющими значение ‘следующий’, или со словами, обозначающими ‘другой’. Начиная с числа 3 для образования порядкового числительного к корню иногда присоединялся суффикс *-t- (*tretьjь, *četvьrtь, *pětь, *šestь, *devětь), иногда же образование происходило без этого суффикса (*sedmь, *osmь; *desětь, где -t- входило в основу, как и в *sьtь ‘сотый’). От порядковых числительных были образованы отвлеченные существительные женского рода на *-ь (как *новый* – *новь*): *pětь, *šestь, *sedmь, *osmь, *devětь, *desětь, ставшие количественными числительными; слова *tretь, *četvьrtь, тоже относящиеся к этому ряду, использованы как обозначения соответствующих долей (дробей).

Обозначение сотни (*sьto) индоевропейского происхождения в праславянском было оформлено подобно существительным среднего рода (например, *selo). Праславянское обозначение тысячи (*tysotji), оформленное как существительное женского рода, имеет индоевропейские соответствия. Названия больших чисел, известные в старославянском, например *тъма*, *легеонь* ‘10000, большое число’, заимствованы или образованы (*несъвьда* ‘большое число’) после распада праславянского языка. Для формирования подобных слов интересна, например, эволюция значения слова *kora. Это слово обозначало первоначально кучу, в том числе просто сложенное сено,

солому, затем оно стало обозначать укладку из определенного количества (60) снопов. В этом значении оно закрепилось и стало известно уже как обозначение 60 предметов в некоторых славянских (в том числе белорусских) говорах: *капа як* ‘60 яиц’ и т. п. В словинских говорах это слово вообще стало обозначать ‘60’, без обязательного предметного соотнесения. Подобный путь у восточных славян прошло слово *сорок*.

На базе тех же числовых корней были уже в праславянском образованы основы разделительно-собирательных числительных, представленные в таких образованиях, как **dъvojь*, **trojь*, **četverь*, **pętorь*, имевших значение ‘состоящий из двух’, ‘двойной’, ‘двойкий’ и т.п. У многих славян форма среднего рода этих числительных закрепилась как «собирательная» (русс. *двое*, *четверо* и т. п.).

Особое место среди славянских обозначений количества занимает слово **oba* / **obě* ‘все два’, имеющее индоевропейское происхождение, но значительно преобразованное в отношении формы. Это слово, как и нем. *beide*, лат. *ambo* и подобные слова со значением ‘оба’, не входит в числовой ряд, но, уподобившись, а в некоторых славянских языках и слившись с числительным **dъva* (ср. белор. *абодва*), является важным элементом в славянских обозначениях количества, между прочим, поддерживавшим функционирование двойственного числа.

На славянской почве сформированы модели образования составных числительных второго десятка: **edīnъ na desęte* ‘11’, **dъva na desęte* ‘12’ и т. п. Модели названий десятков и сотен соответствуют грамматическим свойствам числительных, называющих количество десятков или сотен: **dъva desęte*, **tri desęti*, **pęť desęť*, **dъvě sъte*, **tri sъta*, **pęť sъť* и т. п. Хотя общая идея этих моделей общеиндоевропейская, но их конкретная грамматическая реализация собственно славянская. Следует сказать, что в старых памятниках, а также в говорах представлены и некоторые забытые теперь модели типа *шесть между десятьма* ‘26’; широко использовалось союзное соединение компонентов сложных числительных типа *двадцать и два*, связанное и с незакрепленным их порядком (*два и двадцать*). Становление моделей, распространенных теперь, происходило путем отбора и унификации некоторых оказавшихся наиболее подходящими сочетаний названий чисел.

В праславянском уже были сформированы обозначения дробей с суффиксом *-ina: **tretina* ‘1/3’, **pętina* ‘1/5’, которые употреблялись как названия некоторых конкретных частей чего-то, например урожая и т. п. К ним примкнуло и слово **rolь*, происхождение которого не вполне ясно, хотя, видимо, оно восходит к индоевропейскому; его древнее значение было, вероятно, ‘сторона’, ‘часть’.

В праславянском имелось обозначение неопределенного количества *тъпогъ ‘многий’, *тъного ‘много’, корень которого индоевропейский, хотя слово и претерпело определенные семантические и формальные изменения. От прилагательного размера *malъ ‘малый’, возможно, уже образовывалось отвлеченное имя путем субстантивации формы среднего рода (как *zъlo от *zъlъ ‘злой’): *malo со значением ‘небольшое (малое) количество’. При этом изменялись системные связи в лексике: антонимической паре прилагательных *malъ – *velikъ соответствует антонимическая пара имен, обозначающих малое и большое количество: *malo – *тъного. В дальнейшем такие слова подвергаются в функциональном и формальном плане влиянию, с одной стороны, слов типа *сорок*, *копа* и *сто*, а с другой – слов типа *сколько*, *столько*.

Начатки знаний о числах и фигурах, отразившиеся в праславянском лексиконе, свидетельствуют об определенном уровне развития абстрактных представлений у древних славян, достаточно высоком, поскольку речь идет о дописьменном этапе развития их культуры.

13. Мысль и речь

Праславянский язык располагал целым набором слов, обозначающих различные виды мысли, процесс мышления, разум человека. Поскольку речь идет о процессе, не удивительно, что многие слова этой группы образуют пары из имени и глагола. Центральное место в этой группе занимает слово **myslь*, среди индоевропейских соответствий которого – слова со значением ‘тосковать, напоминать, говорить, думать’. Видимо, значение сформировалось окончательно уже на славянской почве, где образован и глагол **mysliti*. Пожалуй, ближе по значению индоевропейские соответствия к глаголу **mьniti* ‘мнить, думать’ и образованному с именным префиксом **ра-* существительным того же корня **ramęть*. Балто-славянский характер имеет лексема **umь*; балтийские соответствия этого слова означают ‘разум, повадка’; последнее существенно для понимания связи с глаголом **umęti*. На этой же базе образована пара **orzumęti* – **orzumь* ‘разуметь – разум’. Слова **duma* и **dumatі* образованы на славянской почве; высказывается предположение о возможной связи этих слов с группой слов **duxь* и **dęti* ‘дуть’. Интересны значения слова **duma* в современных славянских языках: ‘мысль’, ‘слово’, ‘песня’, ‘совет’, ‘гордость’.

К глаголам мышления примыкают и глаголы знания, имеющие индоевропейское происхождение. Слово **znati* восходит к индоевропейскому корню, который связывают с корнем **g'ep-* ‘рождать’, что объясняют через понятие ‘родственник’ – ‘тот, кого знают’. Глагол **vędęti* ‘знать’ (ср. белор. *ведаць*) связан чередованием гласных с глаголом **vidęti* с простым семантическим ходом: ‘увидеть’ – значит ‘узнать’.

Интересно семантическое развитие славянского **ręšiti* от индоевропейского корня со значением ‘развязать’ (ср. *развязка*, польск. *rozwiązać* ‘решить’). Балто-славянский характер имеет корень **uk-* (связанный чередованием с **vук-*, ср. *привыкнуть*), с которым образовано **učiti*. Значение корня ‘упражнять, приучать’ показывает, что и здесь осуществился переход от конкретного материального значения к более абстрактному (как и в развитии значения **umęti* и др.).

То, что формирование значения большей части глаголов мышления (кроме, вероятно, **znati* и **vędęti*) происходило на собственно славянской,

иногда балто-славянской почве, показывает, что необходимость расчлененного обозначения умственной деятельности формировалась постепенно, причем активность в этом отношении была проявлена именно в период формирования и развития праславянского языка.

Мышление теснейшим образом связано с его реализацией в речи. Это проявляется в развитии значений такого, например, слова, как *думать* (ср. болг. *дума* ‘слово’ или укр. *дума* ‘историческая песня’). Аналогичные речемыслительные значения имеют и слова современных славянских языков, восходящие к праслав. **gadati*: русск. *гадать*, белор., укр., болг. ‘предполагать’, польск., чешск., словацк. ‘говорить’. Таким образом, связь языка и мышления отразилась в реальном развитии значений некоторых слов славянских языков.

Ряд праславяnskих слов обозначает речь. Это в основном глаголы речи, а также некоторые имена, обозначающие процесс и / или произведение речи. Часть таких слов имеет индоевропейские соответствия, хотя нередко семантически не вполне точные: иногда речевое значение имеет соответствие лишь в некоторых индоевропейских языках, а в других – значения более далекие. Так, например, пара **rekti* ‘сказать’ – **řešь* ‘речь’ в тохарском имеет соответствие *rake / reki* ‘речь’, в литовском – *řekti* ‘кричать, реветь’, в латыни – *raccare* ‘реветь как тигр’, а в германских (ср. нем. *rechnen*) – ‘считать’, в древнеиндийском – ‘упорядочивать’. Соответствия славянскому **slovo* имеют значения в латышском ‘молва, репутация’, в древнеиндийском ‘похвала’, в греческом ‘слава’ и т. п.

С тем же корнем образованы праславянские слова **slava*, **slaviti*, **sluti* / **slyti* и т. п. Семантика соответствующих слов закреплялась уже на славянской почве.

Для праславянского слова **besěda* (с производным от него глаголом) нет ни надежных индоевропейских соответствий, ни надежной славянской этимологии. Связь второй его части с глаголом **sěděti* ‘сидеть’, вполне вероятно, вторична. По некоторым современным славянским значениям можно думать, что это слово имело в отличие от **slovo* и **řešь* значение ‘диалог, разговор’, в то время как два последних обозначали скорее высказывание без указания на других участников общения, монолог.

Еще одно праславянское существительное речи – **mľva* (ср. и глагол **mľviti*) также имеет социальную окраску: это, видимо, речь, слово, распространяющиеся в каком-то обществе. В современных славянских языках это слово означает молву, речь, язык (ср. русск. *молва*, белор. *мова* и т. п.). Немногочисленные родственные образования в индоевропейских языках имеют речевые значения.

Корень индоевропейского происхождения, имевший общее значение шума, производимого человеческим голосом, *gol- в случае наращения -s- стал обозначением голоса (*golśь), а при образовании по очень древнему словообразовательному способу редупликации стал обозначать 'слово': *golgolъ; ср. старославянизм с неполногласием *глагол* 'слово', например, у Пушкина: «Глаголом жги сердца людей»; в дальнейшем *слово* получило терминологическое закрепление как название части речи по греческому образцу (греч. ῥῆμα), как и в латыни *verbum*. Другой индоевропейский корень со значением шума, голоса тоже дошел до нас в славянских сложениях, в том числе и в случае с редупликацией. Это корень *tor- (известный и по имени германского бога грома Тор) в глаголе *tortoriti 'тараторить', в глаголах *gutoriti (белор. *гутарыць*), *batoriti (известном в русских, польских, словацких диалектах со значениями 'говорить', 'лепетать', 'шуметь'), первая часть которых, вероятно, соотносится с другими глаголами говорения, отраженными, например, в словах *говорить* и *басня*. И снова здесь конкретизация и уточнение речевого значения слов произошли уже на славянской почве. Глагол *bajati / *bajiti имел, видимо, значение 'рассказывать, повествовать' (он сохранился, например, в русском архаичном выражении *баюшки баю*, т. е. буквально 'сказки (байки) рассказываю'). Корень имеет четкие соответствия в других индоевропейских языках (лат. *fabula* 'молва, беседа, рассказ' и пр.), а на славянской почве – соответствующее существительное с суффиксом *-snь: *basnь. Индоевропейское происхождение имеет и праславянское слово *govorь 'речь, разговор, голос' и соответствующий глагол *govoriti (ср. *говорить*), другая ступень чередования представлена в польском 'говор'. В слове *govorь *-ог- является суффиксом; корневой элемент *гой->*гу- вошел, как уже отмечено, в состав слова *gutoriti. В белорусском есть заимствованное из польского слово *гавэнда* 'беседа', в котором тоже отражен данный корень. Нельзя исключать, что этот корень этимологически связан с другим речевым корнем – *zъvati 'звать' (ср. и *зову*). С другой стороны, общее значение шума, звучания позволяет связывать эти слова с такими словами шумовой семантики, как *zvoпъ / *zvъnĕti 'звон / звенеть', *zvокъ 'звук' и *gukъ 'крик, звук' (ср. белорус. *гук* и т. п.).

Еще один праславянский корень речевой семантики – *vĕt- имеет индоевропейское происхождение, причем и в других индоевропейских языках его соответствия обозначали говорение, обсуждение. Этот корень входит в такие русские слова, как *ответ, совет, привет, обет* (из *obvetь), *вече, вещать*, с чередованием гласного – *вития*, а может быть, и белорус. *вітаць* (праслав. *vitati). В некоторых словах, в частности в *весть*, он контамини-

ровался (смешался) с другим индоевропейского же происхождения корнем *vĕd(ati) ‘знать’.

Следует отметить некоторые интересные семантические переходы к обозначению речевой деятельности от значений иного характера в словах с корнем *kaz- (русск. *сказать*, белор. *казаць*, *казка* и т. п.). Первичное значение корня связывается, видимо, со значениями типа ‘показывать’, т.е. как бы со значениями зрительного ряда. Следует указать и на использование того же, по-видимому, корня в словах, связанных с праславянским глаголом *kaziti ‘вредить, портить’ (ср. *исказить*, *проказа* и т. п.). Считают, что семантический переход осуществлялся здесь на основе значений типа ‘показывать – делать отметку’.

Другой переход к значению речевой деятельности отмечается для корня *dě-, представленного в словах типа *делать*, *действие* и т. п. В русском языке этот переход виден в частице *де* (древнерусск. *дѣи* ‘он говорит’), соотносимой по смыслу с частицей *мол* (ср. *молвить* и т. п.). В других славянских языках продолжения глагола *dějati выступают в значении ‘говорить’ (словенский, серболужицкие). Эти семантические процессы показывают, как глаголы общей семантики могут быть специализированы для передачи речевой деятельности.

Наличие в праславянском нескольких, по сути дела, синонимичных глаголов и имен речи может быть объяснено, во-первых, некоторыми семантическими различиями (монолог – диалог, интенция говорящего: призыв, проповедь, просто сообщение и т. п.), а во-вторых, территориальными (диалектными) и временными (разновременность использования в основной функции) условиями. Семантическими особенностями обладают и некоторые глаголы речи, в которых четко выражена та или иная дополнительная сема (семантический признак).

Так, по силе (интенсивности, громкости) звучания различается пара *kriĭkъ / *kričĕti и *šepъtъ / *šepъtati. По намерению говорящего различалась глагольная пара *velĕti – *modliti ‘молить, просить’; примыкающий к этой группе глагол *prosiĭti у южных славян имеет значение ‘попрошайничать’, вообще же он, видимо, имел дополнительный оттенок вопросительного характера, откуда и образования типа *vъprosiĭti ‘спросить’ и т. п. По содержащимся в речи оценкам, можно указать на антонимическое противопоставление: *slaviti, *xvaliti и *rŏgati ‘ругать’, *xuliti (ср. и имена: *slava, *xvala, *xula). Сюда примыкает и *gluma / *glumъ ‘хвастовство, издевательство’ (исходная сема – несоответствие содержания высказывания действительности), *glumiti, *xvastati; несколько иной оттенок значения вкладывался в глаголы *lъgati, *xyniti, *klamati ‘обманывать, говорить неправду’. Отри-

цательное отношение говорящего находило выражение в глаголах *koriti, *ganiti ‘укорять, порицать’. В связи с этим следует назвать существительные *lъzъ ‘ложь’, *kl’uka ‘сплетня’, *kleveta ‘клевета’, *lъstь ‘лесть’, в которых названия речевых актов сопряжены с их моральной оценкой. Сюда примыкает и слово *klętva ‘закливание’ с последующим семантическим развитием в ‘проклятие’, а позже и ‘клятва’.

Положительное отношение говорящего к собеседнику выражалось по-разному, с различными оттенками, в частности словами *vitati ‘приветствовать’, *pręjati ‘высказывать пожелания (обычно, положительные)’. Глагол *kaniti имел значение ‘приглашать’, глагол *gatiti – ‘предсказывать’. Несколько слов было связано с обозначением шумного, многоголосого, иногда неразборчивого говорения: *gomoniti, *bъlbotati, *bъrmotati и некоторые другие. Имелись и слова для обозначения говорения с некоторыми недостатками, например: *gogniti ‘говорить в нос’ (ср. *гугнивый*), ср. также *jъkati ‘икать’. Часть приведенных глаголов не имела общеславянского распространения, была диалектной.

Заканчивая этот обзор лексики речи в праславянском языке, уместно отметить наличие слов, обозначающих цельные словесные произведения. Прежде всего это слово *basъ, соотносимое с *rěsъ: и то и другое обозначают художественный текст, но одно – исполненный речевым способом, а другое – путем пения. По-видимому, и некоторые другие слова могли обозначать законченные тексты, например *slovo, *skazъ и др. Но наличие такого термина, как *basъ, необходимо расценивать как свидетельство наличия соответствующих постоянных, повторяемых текстов и их обращения в обществе.

К именам речи следует отнести еще слова *jъmę ‘имя, название’ и *jęzъkъ ‘язык, народ’. Интересна семантика последнего слова. Пожалуй, лишь для славянских языков характерны одновременно два семантических перехода: с одной стороны, от названия части тела к обозначению средства общения, а с другой стороны, от названия средства общения к обозначению совокупности людей, им пользующихся, так сказать нейролингвистический и социоллингвистический переходы одновременно. Каждый из них, впрочем, известен и в других языках.

Славянская письменность возникла в IX в. Такие слова, как *bъky, заимствованное из германского, *kъniga, имеющее восточное происхождение, обладали широким, недифференцированным значением ‘буква, письмо, книга’, что свидетельствует об их архаичном характере. Надо сказать, что первое из них в западнославянских языках выступает в другом значении (‘буковые орешки’), а потому является праславянским регионализмом. Об-

щее представление о письме у древних славян могло иметься на основании данных о письме у соседей – иранцев, греков, римлян, но конкретизация различия знака и текста не могла наступить реально до более близкого знакомства с письмом. Интересно в этом плане использование во всех современных славянских языках глагола *pīsatī / *pysatī в значении ‘писать’. Бесписьменный полабский язык в этом значении имел немецкое заимствование šrib’ot / srib’ot. Происхождение глагола *pīsatī указывает на то, что в других индоевропейских языках этот корень имел значение ‘рисовать’, ‘чертить’, ‘украшать’, ‘вязать’. Только в славянском и тохарском фиксируется значение ‘писать’. Надо полагать, что тохарское значение является новшеством, как и славянское. Вместе с тем распространенность значения ‘писать’ во всех живых славянских языках может быть показателем того, что этот глагол уже в позднем праславянском мог использоваться для обозначения активной письменной речевой деятельности, хотя и был, возможно, в этом значении на семантической периферии языка. Письменная форма речевой деятельности для древних славян еще не стала актуальной.

Как можно было убедиться, некоторые слова речевой деятельности связаны с лексикой умственной деятельности. Но одна из особенностей человеческого языка состоит в том, что язык – средство передачи не только рациональной (логической) информации, но и эмоций, чувств. И это тоже отразилось уже в праславянском языке. С одной стороны, это было отмечено в связи с тем, что некоторые обозначения речи имеют в своей семантике определенный эмоциональный компонент (ср. *l̥gati, *l̥stīti, *xvalīti), а с другой стороны, надо отметить, что некоторые слова, передающие проявления эмоций, примыкают к лексике речи, поскольку выражение этих эмоций происходит при помощи голоса. Речь идет о положительных эмоциях, вызывающих смех, которые передаются такими словами, как *smějati sę, *směxъ; *xoxotati, *xoxotъ (ср. и *gogotati), а также об отрицательных эмоциях, выраженных словами *plakati, *placъ.

Своеобразным нулевым глаголом речевой деятельности является *ml̥čati ‘молчать’, т. е. не вести речевую деятельность. Этимология этого слова не выяснена: со звуковым комплексом m-l̥, который имеется в таких словах, как *молвить* и *молить*, никто, кажется, слово *молчать* не связывает.

Наличие довольно большой группы слов речи и мышления в праславянском языке свидетельствует об определенной дифференциации, которую проводили древние славяне среди явлений речемыслительной деятельности, что является показателем относительно высокого уровня духовной культуры древнеславянского общества.

14. Звуки, образы, краски

Среди птиц, получивших в праславянском языке свои наименования, — десяток певчих, например: *solъjь ‘соловей’, *klestь ‘клест’, *skvorъсь ‘скворец’, *ščegъль ‘щегол’, *skovornъ ‘жаворонок’ и др. (см. 2.2.8). Значит, эти птицы, не воспринимавшиеся как важные в хозяйственном отношении и часто не имевшие мифологических значений (а если и получавшие их, то в первую очередь благодаря своей голосистости), обратили на себя внимание, были настолько важны древнему славянину, что он различил и нарек их именами. Крикливый поползень (*bъrglězъ) отличался от сладкозвучного соловья, а последний от жаворонка или скворца! Конечно, это элементарное отличие, но существенно, что оно было замечено людьми, не столь уж хорошо устроенными материально, если судить по современным меркам. Различение птиц по голосу означает внимание человека к этому проявлению красоты в природе, т. е. эстетическое восприятие звука (*zvъkъ; *golsъ ‘мелодия’).

В сложном и опасном мире, в котором жил человек, звуковая информация вообще была важной. Не случайно, что, кроме речевых глаголов, имелось довольно много глаголов, обозначающих различные шумы. Некоторые из них обозначают человеческие, хотя и неречевые, шумы: *xrapěti, *xrakati, *xripěti, *xъrčati, *gъrčati ‘издавать хрип, храп, харканье’, *ęčati ‘стонать’, *krekotati ‘кряхтеть, громко смеяться’, *čixati ‘чихать’, *verskati ‘громко и пронзительно кричать’ (ср. белор. *вераішчаць*). Другие обозначают шумы, издаваемые животными: *lajati, *brexati, *gavati ‘лаять’, *kokotati ‘кудахтать’, *krękati ‘крякать’, *gugati, *gučati ‘ворковать’. Некоторые звуки могут принадлежать как животным, так и людям: *vyti ‘выть’, *revěti ‘реветь’. Интересно отметить варьирование согласных в подобных словах, например: *gvizdati, *xvistati, *svistati ‘свистать’. Возможно, что таким способом делалась попытка выразить интенсивность звука (в данном случае — свиста). Несколько слов обозначало жужжание и общий однообразный шум: *bučati / *byčati, *brъměti / *brъněti, *dudněti. Глаголы *groxati ‘грохать’, *grъměti ‘греметь’, *bъrliti ‘бурлить’ обозначали скорее звуки неживотного происхождения. Интересно совпадение значений ‘лес’ и ‘шум’ у слова *šumъ. Глаголы *bręcati, *zvoniti, *zvъněti ‘бряцать, звонить, звенеть’

передавали звенящие звуки искусственного происхождения, возникавшие, очевидно, в основном при соприкосновении твердых, часто металлических предметов. Можно было бы назвать еще немало глаголов, обозначающих звучания разного рода. Их наличие показывает, что древние славяне были натренированы хорошо слушать (**sluřati*) и многое слышать (**slyřati*, **řuti*; интересно, что общий глагол чувствования употребителен в славянских языках и в значении именно акустического восприятия).

Вероятно, именно острое внимание к звуковому ряду информации обусловило раннее возникновение и развитие у славян начатков музыки. Любопытно в этом плане, что почти одновременно с попаданием сведений о славянах в хроники попало и сообщение о том, что в 583 г. греки захватили трех славян с музыкальными инструментами, которые у византийского историка конца VI – начала VII в. Феофилакта Симокатты названы лирами. В старославянских источниках греческому слову *lúra* соответствовало обычно слово *цѣвьница*, которое, кроме того, употреблялось в значениях ‘струна’ и ‘флейта, свирель’. Праславянское слово **сѣвьпѣса* образовано на базе **сѣвъ*, отразившегося в современных языках со значениями ‘полый стебель растения’, ‘трубка’, ‘жила’, ‘шпилька’. Значение ‘жила’ могло стать основанием для переноса на ‘струну’, а затем на струнный инструмент, а значение ‘трубка – полый стебель’ могло стать основанием для возникновения значения ‘свирель’. Предполагают также, что, возможно, речь шла о гусях. В старославянских источниках частое слово *гжсли* соответствует обычно греческому слову *κithára* ‘кифара’ (струнный инструмент, близкий к лире). Праславянские **gǫslъ*, **gǫsli* образованы от глагола **gǫsti* < **gǫditi* ‘гудеть, играть на струнных инструментах, в частности на гусях’. Имелся в праславянском и термин, обозначающий человека, играющего на гусях: **gǫsl’arъ* ‘гусярь’; встречалось и другое название гусяря – **gǫdъсь*. К праславянскому фонду относится и слово **struna*, зафиксированное в древнеславянской Псалтыри (150,4) и известное всем славянским языкам. Интересно, что в серболужицких языках наряду со значением ‘струна’ рефлексy этого слова сохранил и возможно более древние значения: в.-луж. *truna* имеет еще и значение ‘жила’, н.-луж. *třuna* – ‘тетива’.

К праславянскому восходит название ударного инструмента **bǫbъль*; видимо, это был вид барабана, бубен.

Древнейшим славянским духовым инструментом была, очевидно, **duda*. Слово это праславянское, обозначало оно, видимо, различные разновидности дудочек; праславянскому слову находится соответствие в литовском, а возможно, и в германских языках (нем. *tuten* ‘трубить (в рог)’). В конечном счете, возможно, это звукоподражательный корень с удвоением согласного.

Следует заметить, что характер гласного в польском и словенском явно указывает на наличие в этом слове в праславянском гласного *u, а не *o, как в *dōti ‘дуть’. Однако болгарское *дудна* / *дѣдна* ‘издаю глухой шум’ свидетельствует о взаимодействии слов *дуть* и *дудеть* еще в древности. Болгарское *дудук* ‘дудка’ связано, вероятно, не только с турецким названием дудки *duduk*, как справедливо отмечается в болгарском этимологическом словаре, но и со славянским словом *duda. В праславянском был глагол *duděti (по той же модели и *gōděti), а также имя деятеля *dudarь, образованное по той же модели, что *gōslarь. Во всех славянских языках слово, восходящее к праславянскому *rogь > ‘рог’, обозначает не только твердый нарост у животных, но и музыкальный инструмент, изготовлявшийся из него. Поэтому есть основания предполагать, что это значение восходит еще к праславянскому, тем более что пастуший рожок был известен многим древним скотоводам. Слово *trōba ‘труба’ известно всем славянским языкам; оно считается заимствованием из древневерхненемецкого или среднелатинского, итальянского (*trumba*, *tromba*); одно из древнейших изображений трубы было сделано в ирландской книжной миниатюре VIII в. Вероятно, слово вместе с предметом было заимствовано славянами в поздний период существования праславянского языка. Тем не менее древние славяне успели еще образовать общий производный от него глагол *trōbiti. В этой связи можно отметить, что Феофилакт Симокатта, говоря о пленении славянских лирников или гусяров, отмечал, что славяне не умеют играть на трубах. Возможно, это касалось не всех славян, но, во всяком случае, свидетельствует о небольшом распространении труб у древних славян.

Праславянское *svirěль ‘вид дудки’, образованное от глагола *svirati ‘играть на свирели, дудеть’, имело, видимо, диалектный характер. Это слово представлено в южных и восточнославянских языках. В ряде славянских языков засвидетельствовано название музыкального инструмента от глагола *piskjati > *piščati: *piščalь, откуда и образования типа польск. *piszczałka* ‘свирель’, русск. *пищалка*. белор. *пішчалка*. Это тоже был вариант дудки. Сюда же относится и архаичное по образованию, но распространенное нешироко, видимо диалектное, *sorěль / *sorlь (ср. укр. *сопілка*), тоже название вида дудки, образованное от глагола *sorěti ‘издавать свистящие звуки’ (ср. *сопеть*); ср. и старославянское *сопѣць* ‘играющий на свирели (*сопль*)’. Эти названия дудок отражают, видимо, как их разновидности, так и территориальные различия слов.

Археологические раскопки показывают наличие на территории древнего заселения славян различных глиняных и деревянных свистков, глиняных одномембранных барабанов. У скифов на юге нынешней Украины

были известны пятиструнные музыкальные инструменты, у других соседей славян – фракийцев – была известна кифара. Функции музыкальных инструментов у древних славян, как и у других архаичных народов, были различны. Можно говорить о сигнальной функции (когда удары барабана или звуки рога оповещали о чем-то), о магической функции (когда звуки музыкальных инструментов сопровождали молитвы или заклинания), об эстетической функции (когда во время свадьбы или тризны музыка доставляла определенное наслаждение слушателям). Разумеется, сплошь и рядом эти функции объединялись; в частности, об эстетической функции могли на свадьбе и не думать, хотя, быть может, по существу, она была главной.

Музыка у древних славян, конечно, нередко сопровождалась пением, мелодии рожка или гуслей были связаны с мелодией песен. Глагол *rěti ‘петь’ и образованное от него название предназначенного к певческому исполнению произведения – *rěsnь – относятся к числу архаичных элементов праславянской лексики, хотя его индоевропейские связи пока не установлены достаточно определенно (ср. греч. параллели типа ποιησις ‘поэзия’, ποιέω ‘творю’, но обычно их не привлекают).

Древнеславянскую мелодику пытаются выделить из записей современных народных мелодий. Однако мелодика достаточно различается у разных славянских народов, а также в различных типах песен, испытала немало различных влияний, претерпела внутреннее развитие, и пока что нет достоверных реконструкций. Древнейшие славянские «нотные записи (крюки, знаменный распев) произведены уже после разделения славян, принятия ими христианства, относятся к церковному пению и вначале скорее помогали вспомнить мелодию, чем действительно фиксировали ее.

Подражание движениям животных, имевшее магическое или ритуальное значение, вело к подчинению движения ритму. Древние славяне уже хорошо знали, как и другие народы на соответствующей ступени развития, пляски. Праславянское слово *plęsati ‘плясать’, имеющее надежное соответствие у балтов, было даже заимствовано в готтский язык. Другое архаичное обозначение танца – *lĭкъ, которое отразилось в слове *ликовать*, в выражении *причислить к лику* (т. е. к сонму, совокупности) *святых*, было известно не всем славянам. Иногда его считают германизмом. Возможно, архаично слово *корогодь*, использованное Ф. Скориной в одном из его переводов (Исход 32.19) в 1519 г., отраженное в белорусском *карагод* и других восточнославянских диалектных словах; в этом случае слово *хоровод* следует толковать как более позднее преобразование с опорой на слово греческого происхождения *хор* (болг. название коллективного танца *хоро*) и глагол *водить*. Пляски были, конечно, связаны с пением и музыкой. Артистами синтетического

жанра были на Руси скоморохи. Поскольку остатки соответствующего слова имеются и в других славянских языках, можно с определенной долей вероятности предполагать, что пляски скоморохов (*skomorъхъ) – это пережитки еще языческих действ, что в общем соответствует их преследованиям со стороны церкви, а также тому, что они выступали не на главные христианские праздники, а в других случаях (как и ряженые под Новый год).

Природа была не только источником звуковых впечатлений, послуживших основой для древнейших музыкальных представлений, но и базой для возникновения начатков изобразительного искусства. Наиболее естественным способом изображения мира является, вероятно, скульптура: условна здесь неподвижность, но и в природе немало мгновений неподвижности. Поэтому вылепленные из глины или вырезанные из дерева (или кости) фигурки относятся к древнейшим археологическим находкам. Найдены такие фигуры, барельефы, резные или лепные узоры и в раскопках, относящихся к периоду славянского язычества. Видимо, еще в дославянское время на территории, где поселились славяне, изготавливались гончарные изделия с выдавленными, фигурными, лепными украшениями. Высокий уровень развития скульптуры известен у древних соседей славян – скифов и фракийцев, греков и римлян. Скульптурные изделия выполняли религиозно-магическую функцию. Сохранились орнаменты и особенно изображения явно культового характера. Вместе с тем следует признать, что часть таких изделий могла приобретать функцию украшения бытовых предметов, например гребней или горшков, т. е. функцию эстетическую. Нельзя не учитывать и того, что мелкие деревянные и гончарные изделия были, как они и до сих пор бывают (а лет пятьдесят тому назад бывали в большей степени), детскими игрушками. Эстетическая и магическая функции нередко смешивались, что отражается, например, в орнаментах и изображениях на домах, ульях и т. д.

Все славянские языки знают глагол *rězati ‘резать’, от которого опять же во всех современных славянских языках зафиксировано существительное *rězъba, обозначающее процесс и результат процесса изготовления пластических изображений из дерева, кости или на них. В польском языке это слово вообще стало обозначением скульптуры, а в ряде языков бытует слово типа белорусского *разьбяр* со значением ‘скульптор’ или ‘резчик по дереву (кости)’. Вероятно, архаичным является также чешское и словацкое обозначение скульптуры – *socha*, отражающее праславянское слово *soxa ‘раздваивающийся ствол (или ветвь) дерева, иногда устанавливавшийся вилкой вверх как специальный столб’. В восточнославянских языках это слово стало обозначать орудие для взрыхления почвы; в старочешском

же уже в XV в. у Томаша Штитного оно зафиксировано как обозначение скульптуры. В основе такого использования слова очевидно представление о деревянной скульптуре.

Вполне вероятно, что известное всем славянским языкам слово **obrazъ* тоже возникло для обозначения деревянной скульптуры. Этимологически корень этого слова **gaz-* связан чередованием с корнем **gěz-*. Значение ‘скульптура’ у слова *образъ* известно в старославянском языке. В Житии Павла и Юлиании в Супрасльском сборнике, соблазняя Юлианию, римский император Аврилиан обещает ей: «Будеши владычицей моей души и *образы златы* поставляю тебе во всех городах»; в греческом оригинале слову *образъ* соответствует *στήλα* ‘мемориальный столб’. Вполне вероятно, что слово **obrazъ* первоначально обозначало вырезанное, а потом стало обозначать любое изображение. По свидетельству черноризца Храбра (X в.), славяне до изобретения письма «считали и гадали чертами и *рѣзами*», т. е. «резы» были какими-то знаками, использовавшимися славянами в древности. В Древней Руси *рѣзана* – название монеты (1/50 гривны), быть может, с резным изображением.

Другой способ изготовления пластических изображений и орнаментов – формирование их из глины (а зимой – и из снега). Глагол **lępiti* ‘лепить’ скорее использовался для обозначения не формирования, а прикрепления липких (**lęrkъ*, **lępnęti* ‘липнуть’ того же корня) элементов. В старославянском этот глагол не зафиксирован. Тот же корень используется в праславянском прилагательном **lęrъ* ‘красивый, прекрасный’ (ср. русск. *нелепый*, белор. *лепшы*); возможно, это связано с прилепленными украшениями. Высказывается мысль о том, что семантической основой связи этих слов является значение ‘прилегающий, липнувший’, откуда ‘подходящий, хороший, красивый’ (Фасмер), однако это спорно, так как непонятно, что «прилежающее, липнущее» могло положительно оцениваться в старину. Возможно, к этой группе понятий относится архаичный глагол **vajati* ‘ваять’, представленный в старославянском, а также в болгарском, македонском и русском языках. Его происхождение связывают с глаголом **viti* ‘вить’ (имеются в виду витые узоры на глине). Это слово было, видимо, региональным.

В южных славянских языках для обозначения скульптуры используется (в болгарском – как архаизм) слово *kip*, давшее ряд производных, в том числе глагол и название скульптора (*kipati*, *kipar*). Происхождение этого слова решается по-разному. Одни его связывают со словами *капъ*, *капище* ‘языческое святилище’, считают, что оно пришло из аварского, другие видят в нем венгерское заимствование. Если это слово и считать праславянским, то сравнительно поздним и региональным.

Плоскостные изображения у древних славян были связаны с техникой резания, процарапывания, о чем может свидетельствовать глагол *čьrsti < *čьrtti / *čьrtati и связанное с ним имя *čьrta ‘черта’. Но кроме этого глагола, имелся еще праславянский глагол *рьsati / *pisati. В позднем праславянском, как уже говорилось, он имел значение ‘писать’, поскольку такое значение представлено у всех славян, кроме полабян. Но более древним было, вероятно, значение ‘рисовать’, представленное в словах типа *живопись*, *иконопись*, словосочетаниях типа *писать картину*. Это значение с учетом связи с прилагательным *рьstrь ‘пестрый’ могло иметь оттенок не столько ‘рисовать’, сколько ‘раскрашивать’ (действие, между прочим, вполне применимое не только к плоскостному, но и к пластическому изображению). Глаголы, связанные с русск. *рисовать*, белор. *маляваць*, имеющиеся в ряде славянских языков, представляют собой заимствования из германских языков, причем не весьма новые. Слово *krasiti представлено во всех трех группах славянских языков в значении ‘украшать’, возникшем на базе существительного *krasa ‘красота’. Значение ‘красить, раскрашивать’ является производным от этого первичного значения; оно связано, естественно, с тем, что украшение производилось путем раскраски. Интересно развитие значения слова *краска* в белорусском языке, где оно стало означать ‘цветок’; надо сказать, что глагол *красаваць* ‘цвести’ имеет некоторые семантические параллели в других славянских языках. Итак, как понятие цветка, так и понятие раскраски было связано у древних славян с понятием красоты. Становление эстетического ощущения красоты природы, в том числе красоты, цветной картины мира, красоты цвета, относится к ранним этапам развития.

Наиболее ярким, привлекающим внимание хроматическим цветом является, конечно, красный. В праславянском языке фиксируется несколько названий оттенков красного цвета. Наиболее общим праславянским обозначением красного цвета было, вероятно, слово *čьrv(j)enь(jь), к которому восходят слова типа старослав. *чрьвленъ* ‘красный’, польск. *czerwony*, белор. *чырвоны* (заимствованное, возможно, из польского). Слово это связывают с названием червя. Другое архаичное слово, связываемое с тем же корнем, – *čьгтьнь(jь) ‘красный’. Объясняя такую связь, говорят иногда о породе червей, из которых изготавливалась красная краска, и т. п. Другой корень, представленный в ряде славянских названий цветов (например, в русских словах *румяный*, *рыжий*, *ржавый*, *рудой*, *редрый*, *русый*, *рдеть*), это *rud- / *ryd- / *гъd-, известный многим индоевропейским языкам (ср. греч. *έρυθρός*, лат. *rubidus*, нем. *rot*, англ. *red* и др.). Это более древнее обозначение цвета, уже в индоевропейском имевшее такое значение. В славянских языках оно

получило различные оттенки значения, претерпело различные звуковые преобразования (*rudmĕнь дало *румяный*; в словенском *rdeč* – основное обозначение красного цвета и т. п.). В южных и восточных славянских языках представлено еще одно праславянское региональное обозначение красного цвета – *bag(ъ)g- (ср. *багряный*, белор. *багра* и т. п.), происхождение которого неясно.

В праславянском было название желтого цвета – *žylť(jь), родственное обозначениям желтого цвета в некоторых индоевропейских языках и возводимое к названию желчи. Общий корень – в названиях золотого и зеленого цветов. Прилагательное *zoltъ(jь) соотносится с названием металла *zolto ‘золото’, слово *zelenъ(jь) связано со словом *zelъje ‘трава, зелье’. Индоевропейский корень *g’hel-, отмечаемый в этих словах, возможно, связан с корнем, отраженным в слове *žylť(jь).

К этой же части спектра относится название масти *gnědъ(jь) ‘гнедой’, имеющей неясную этимологию. Следует заметить, что это слово, как и подобные обозначения цвета ограниченного круга предметов, в диалектах славянских языков выступает не только как обозначение масти некоторых животных, но и шире; например, в словенском слово *gned* обозначает сорт лозы винограда с красноватыми ягодами. Слово *polъъ(jь) отражено в современных славянских языках словами, обозначающими желтые и голубые блеклые тона. Именно ‘блеклость’, ‘бесцветность’, ‘бледность’, ‘серость’ выявляется в значении родственных индоевропейских слов, а потому она и была, видимо, определяющей в значении слова уже в праславянский период, когда, однако, к этой блеклости добавлялись у северных славян желтые, а у южных – голубые хроматические оттенки.

В славянских языках зафиксировано общее обозначение синего цвета: *sinъ(jь), которое связывают по происхождению с *sijati или *sivъ. Это не означает, что словом *sinъ(jь) безусловно обозначался светлый цвет, поскольку соответствия его в некоторых индоевропейских языках имеют значение ‘темный’. В праславянском было также прилагательное *golъbъ(jь) ‘цвета голубя, пепельный, голубой’. Еще одно обозначение сине-голубого оттенка, представленное в южных и западных славянских языках, а возможно и в украинских диалектах, – *modrъ(jь).

Праславянский язык унаследовал из индоевропейского названия основных нехроматических цветов: bělъ(jь) ‘белый’ и *sьrнь(jь) ‘черный’. Значения этих слов были уточнены: их индоевропейские соответствия имеют более расплывчатые значения – ‘светлый, блестящий’ и ‘темный’. На базе этих корней было образовано в праславянском довольно много производных и сложных слов, например: *bělavъ(jь), *bělesъ(jь) ‘недостаточно белый, беловатый’, *bělěti ‘белеть’, *běliti ‘белить’, *bělica ‘белый предмет

(животное, растение и т. п.)', *bēlidlo 'белило', *bēlizna 'белизна; белый предмет', *bělъka, *bēlōga, *bēluxa 'животное белой масти; белый предмет', *belъkъ 'белок; белый предмет', *bělъmo 'бельмо; белый предмет'; *bēlobordъ 'белобородый', *bēlogolъvъ 'белоголовый', *bēlogrivъ 'белогривый', *bēlokvēt'ъ(jъ) 'белоцветный', bēlonogъ 'белоногий' и т. п. Нехроматический цвет обозначало и слово *sěтъ > 'серый' (< *хѣтъ < *хоiго), тоже имеющее индоевропейские соответствия общеоттеночного значения. К нему примыкают обозначения специфической «серости» – седины: *sědъ (родственное *sěтъ) и *sivъ, тоже имеющие индоевропейские соответствия. Тот же корень, что *sivъ, имеет, видимо, и *sizъ 'сизый'. К названиям нехроматических цветов относится также праславянское прилагательное *blědъ(jъ), *blědъnъ, которое обозначало 'светлый, бледный' и имело соответствия в германских языках. Можно допустить, что и образованное от названия птицы обозначение цвета *vornъ(jъ) (ср. *golęb(ъjъ) 'голубой') также уже существовало в праславянском и имело значение 'темный' (ср. *вороной*).

Праславянский язык имел обозначение пестрого «цвета» – *ръstrъ, родственное слову *ръsati 'писать' и, возможно, *ръсъ 'пес'. Слово это индоевропейского происхождения.

Несколько слов праславянского языка обозначают не столько цвет, сколько общую освещенность. Как и обычно, в антонимическом противопоставлении участвует больше положительных (в данном случае – обозначающих светлое), чем отрицательных элементов. Главный «отрицательный» член антонимического противопоставления – прилагательное *тъmъnъ 'темный', образованное от слова *тъma, имеющего индоевропейское происхождение. К светлой части противопоставления относится слово *světъlъ, соотносимое с существительным *světъ, возможно через глагол *světiti (ср. *topiti – *toplъ 'топить – теплый'). Далее надо назвать слова, усиливающие признак светлости, указывая на его интенсивность: *jaгъkъ(jъ) 'яркий' – слово, имеющее световое значение в южных, восточных и отчасти западных славянских языках; *ěsknъ(jъ) 'ясный, чистый, светлый' (откуда производится и *ясный* с утратой -k-). Сюда относится и глагол *blbsknōti / *blъšcati 'блеснуть, блестеть', существительное *blěskъ 'блеск, яркий свет, молния'. Глагольная основа *bliskati / *blistati 'сверкать, блистать, вспыхивать', с которой связаны названные слова, имеет индоевропейский характер.

Таким образом, в праславянском языке имеется фрагмент лексики, позволяющий передать основные цветоцветовые впечатления – названия основных цветов, а также слова, характеризующие интенсивность свето-цветового излучения. Эта лексика дополняет наши сведения о возможностях представления древними славянами картины мира – в звуках, образах, красках.

15. Мифы и боги

15.1. Источники

В период славянского единства древние славяне были язычниками. Крещение славян производилось уже после их разделения и расселения по различным частям центральной и юго-восточной Европы, как правило в связи с созданием и развитием феодальной государственности в VIII–XII вв. Крещение Руси, например, произошло при великом князе Владимире на исходе X в. (988 г.)

Древнерусская летопись рассказывает о том, как Владимир, крестившийся в греческом городе Корсуни (Херсонесе на Черном море), вернулся в Киев «и когда пришел, повелел опрокинуть идола, – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, – чтобы принял он возмездие от людей... Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И при тащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его...»

Владимир велел киевлянам креститься, что они якобы приняли с радостью (хотя только что летопись сообщила об оплакивании статуи Перуна). После массового крещения киевлян в Днепре, которое, конечно, ни в коей мере не могло обеспечить хотя бы понимание основ христианского вероучения населением (не говоря уже о реальном принятии новой религии), Владимир «приказал рубить (то есть строить из дерева) церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия (поскольку крестился сам в церкви св. Василия в Корсуни) на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди... Посылал он (Владимир) собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых».

Летописец, по всей видимости киевский монах Нестор, был, конечно, тенденциозен, изображая крещение Руси и деятельность Владимира, провозглашенного русской церковью святым. Но и в его рассказе отразилось не только признание самого факта распространения язычества, не только уважение со стороны самого князя Владимира к главному языческому богу, статую которого он все же не изрубил и не сжег, а сплавил по Днепру, причем лишь до пределов своего княжества (до порогов), но и признание длительного сохранения языческих пережитков (хотя бы у тех женщин, детей которых посылали на «книжное обучение»).

Пережитки язычества у славян были довольно мощными и устойчивыми. Если княжеские роды и приняли христианство, то крещение сельского населения было в высокой мере формальным как у восточных славян, так и у западных и южных. Село еще и в XIII в. было в значительной мере языческим. Многие сохраняющиеся до сих пор обычаи (например, поминание покойников и принос пищи на могилы в следующее воскресенье после пасхи у восточных славян) имеют корни в языческих ритуалах, о чем уже говорилось. В Древней Руси довольно долго сосуществовали старые славянские имена с христианскими. Владимир Мономах начинал свое поучение с констатации: «Азь... нареченный въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ». Такое двоеименство в среде князей было обычным до XIII в., а отчасти и позже. В письменных источниках на Руси в XI в. было еще более 70 % языческих имен, в XII в. – 60, в XIII – 45, в XIV – 20, в XV–XVI вв. – 11 %.

На протяжении веков христианская церковь всячески боролась с проявлениями язычества. Во-первых, эта борьба выражалась во множестве запретов на различные «бесовские» действия. Так, были уничтожены (не только на Руси) языческие идолы и капища (места под открытым небом, где устраивались ритуальные действия), а там, где они были (у полабско-поморских славян), – и храмы, запрещались некоторые обряды, и даже выражения. Например, в Некой заповеди, относящейся к правилам апостолов (до нас дошла копия этого памятника XI в., сделанная в XV в.) говорилось: *аще кто речеть дождь идетъ. да поклонитъ ся 100 (раз)*. Дело в том, что христианская религия видела в выражении «дождь идет» (сохранившемся у восточных славян и у полабян) язычество: дождь не посылается богом, а идет сам по себе. В первой чешской библии такое выражение еще использовалось, а в последующих изданиях спустя сто лет оно было заменено; в словенских школах, по воспоминанию академика Ф. Безлая, на уроке закона божьего детей наказывали за такое выражение еще в 20-х гг.; в польских словарях, отражающих литературную норму, оговаривают, что такое

выражение допустимо, когда речь идет о приближении дождя, но не о самом его пролитии... А это ведь маленький и довольно безобидный, казалось бы, пример «языческого пережитка», сохранившегося в языке.

Во-вторых, множество христианских проповедников, не ограничиваясь запретами, вели определенную разъяснительную работу. Это отразилось в специальных проповедях (словах), направленных на разоблачение языческих суеверий (и, конечно, утверждение христианских норм поведения), в замечаниях, содержащихся в сочинениях на другие темы, и т. д.

В-третьих, отдавая себе отчет в живучести языческих обычаев, христианство иногда пыталось использовать и приспособить бытовавшие языческие обычаи к своим праздникам, памятным датам. Так произошло с уже упоминавшимся весенним обрядом «жаворонков» (см. 2.2.8). Вероятно, и писанки (крашеные яйца), известные (и не только в Европе) по археологическим раскопкам уже давно, были символом возрождающейся весной утаенной (в яйце) жизни у язычников. Христианская церковь приспособила этот обычай к пасхе (Христову воскресению). Ряженые, ходившие с песнями и танцами около зимнего солнцеворота или в период предвесенья, – конечно же, языческий обычай, а «привязка» его к рождеству или к масленице (началу семинедельного поста перед пасхой) была осуществлена в христианскую пору. Имя языческого бога Волоса или Велеса, бывшего покровителя животноводства («скотий бог»), напоминало имя христианского святого Власия, и церковь сочла целесообразным передать опеку животных этому святому. Многовековая деятельность христианской церкви по насаждению своей идеологии, ее направленная против язычества деятельность разного рода (проповедь, запрет, ограничение, преобразование) вели к тому, что славянское язычество (как, впрочем, и германское или балтское) мы можем реконструировать лишь весьма и весьма приблизительно, а кроме того, заведомо неполно.

Славянская языческая религия бесспорно испытывала на себе влияние других религий, принадлежавших соседним народам. Общепринято представление о значительном влиянии на славян в этом плане со стороны древних иранцев. Если отдельные этимологии, в том числе предположение об иранском происхождении слова *bogъ, или гипотеза о связи славянского слова *mīgъ с именем индоиранского божества Митры, или доказательное утверждение иранского происхождения имени славянского бога Хорса, и могут быть предметом спора по отдельности, то в целом такое влияние было значительным. Верования древних скандинавов оказали влияние на религию полабско-прибалтийских славян, а возможно, и на религию находившихся по пути из варяг в греки восточных славян. И тюркские, и древнебалкан-

ские мифы и верования сказались на древних религиозных представлениях и мифах южных славян. Но все это, как и другие взаимодействия, ведет к тому, что древние славянские представления приходится выявлять сквозь эти наслоившиеся нехристианские элементы верований.

Собственно языковые данные о славянском язычестве ограничены, в сущности, немногочисленными именами богов, названиями мифических существ и некоторых ритуалов. Они пополняются сведениями, которые дошли до нас в исторических источниках – в уже цитированной «Повести временных лет», в ряде поучений, направленных против язычества и его пережитков, например в написанном в XII в. на Руси (а возможно, русским паломником по дороге на Русь из Святых земель – Иерусалима) и известном в копиях XIV–XV вв. «Слове об идолах» – толкованиях к одному из слов византийского автора IV в. Григория Назианзина (Богослова), в «Слове о полку Игореве» и в других источниках. Некоторые сведения содержатся в хронике чешского хрониста Козьмы Пражского (ум. 1125 г.), писавшего на латинском языке. Ряд сообщений о славянском язычестве содержится в неславянских исторических документах и хрониках. Так, о язычестве южных славян кое-что сообщается у Прокопия Кесарийского, византийского историка VI в. О западнославянском, главным образом полабско-поморском язычестве, сообщали немецкие исторические источники: Титмар, епископ Мерзебургский (975–1018), Отто Бамбергский (1060/2–1139), Адам Бременский (вторая половина XI в.), Гельмольд (Хельмольд, ум. после 1177 г.), датский хронист Саксон Грамматик (ок. 1150–1206/22). Отдельные сведения о древнеславянском, особенно восточнославянском, язычестве сохранились в сочинениях восточных купцов и путешественников – Ибн Фадлана (нач. X в.), аль-Масуди (ум. 956), аль-Марвази (нач. XII в.) и др.

Некоторые данные о славянском язычестве в древности дает археология: сохранилось несколько пластических изображений древнеславянских божеств, немногочисленные остатки культовых сооружений. Этнография располагает немалым количеством различных, но, к сожалению, поздно, в основном в XIX в., зафиксированных данных о поверьях и суевериях, о преданиях и легендах, об обычаях и обрядах, в которых вскрываются архаичные языческие черты.

Имеются некоторые фольклорные тексты, в которых отразились древние верования славян. Сложность состоит во всех этих случаях в необходимости отделить действительно древнее, славянское, языческое от более позднего, внесенного христианством или вошедшего под его влиянием, заимствованного у соседей (а иногда и от более отдаленных народов, с которыми имелись контакты), выяснить пути переосмысления и преобразования древ-

них обычаев, поверий языческих времен. При этом необходимо учитывать и большую вероятность отсутствия единства верований древних славян в региональном и племенном плане, а также определенную их изменчивость и в дохристианский, языческий период.

Изучению славянского язычества посвящено несколько значительных исследований, в которых собран разнообразный материал. Из дореволюционных русских работ надо указать капитальные книги Е. В. Аничкова «Язычество и Древняя Русь» (1913) и Н. М. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» (2 т., 1913–1916), труды по славянской мифологии Д. К. Зеленина. Славянской мифологией и язычеством занимались многие специалисты из различных стран: Я. Махал, Л. Леже, Д. Маринов, В. Ягич, скептически, если подчас не нигилистически настроенный А. Брюкнер. Свод источников был издан финским славистом В. Мансиккой (1921). Л. Нидерле представил большой материал в полном чешском издании своих «Славянских древностей» (2-е изд., 1924). Следует указать послевоенные польские работы Г. Ловмянского (1979) и А. Гейштора (1982). Этой проблематикой занимался и ряд других славистов, в частности Р. О. Якобсон, Б. О. Унбегаун и др. В СССР в последние десятилетия оживился интерес к славянскому язычеству. Появились книги С. А. Токарева («Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в.», 1957), Б. А. Рыбакова («Язычество древних славян», 1981), В. В. Иванова и В. Н. Топорова («Славянские языковые моделирующие семиотические системы», 1965; «Исследования в области славянских древностей», 1974), этнолингвистические работы Н. И. Толстого и его сотрудников, Б. А. Успенского, В. И. Чичерова и др. Изучением религии других индоевропейцев занимался большой ряд ученых; из работ последних десятилетий следует назвать переведенную на русский язык книгу французского компаративиста Ж. Дюмезиля «Верховные боги индоевропейцев» (рус. пер. 1986), главы двухтомника Э. Бенвениста о лексике индоевропейских институций и др.

Славяне в языческий период своей письменностью не располагали. Практически все, что нам известно о верованиях древних славян из исторических источников, прошло через осуждающее осмысление авторов этих источников, отнюдь не разделявших языческие убеждения, большей частью боровшихся с ними. Поэтому сведения о язычестве в исторических памятниках, данные через призму противостоявшего ему христианства (или мусульманства), далеки от объективности. Даже лингвистические сведения о язычестве вызывают сложности: не все сохранившиеся слова имеются в разных (и тем более всех) славянских языках, представления об

их значении мы можем только реконструировать. Нет надежных фольклорных текстов, которые бы могли быть основой бесспорной реконструкции общепрославянского текста. Тексты сохранились, как правило, лишь на одном языке; только некоторые опорные смысловые элементы повторяются в разноречивых текстах. Во многих случаях идет речь не о текстах в лингвистическом смысле слова, а о наличии общего элемента или элементов содержания в различных поверьях или обычаях. Так, датский хронист (летописец) на переломе XII–XIII вв. Саксон Грамматик рассказывал, что на о. Руяне (Рюгене), последнем оплоте славянского язычества, при обряде в честь западнославянского бога Святовита «приносили в жертву округлый медовый пирог (каравай) высотой почти в человеческий рост. Жрец ставил пирог между собой и народом и спрашивал руян (жителей Руяна), видно ли его за пирогом». Высказывалось пожелание, чтобы в будущем году его не было видно, т. е. чтобы урожай был более обильным. Аналогичный обычай известен у южных славян: сербов, болгар. У последних вопрос – «Видите ли ме, селяци?» – задавал священник. А на Украине и в Белоруссии аналогичный вопрос задавался в некоторых местностях в XIX в. отцом за рождественским столом, на котором тоже ставился высокий каравай. Единство обычая, представленного в данном случае в трех независимых славянских землях, бесспорно.

В реконструкциях древнеславянской языческой религии и мифологии очень много предположительного и такого, что (по крайней мере, при современном состоянии наших знаний) не может быть неопровержимо доказано. В лучшем случае мы можем думать, что какое-то предположение или построение является относительно достоверным, а другое вызывает сомнения, хотя и не может быть исключено. Противоречивость реконструкций в этом случае не свидетельствует о возможности или необходимости альтернативного подхода (т. е. выбора той или иной точки зрения), поскольку надо учитывать территориальный и временной факторы. Одновременно в разных регионах проживания славянства или на разных этапах развития славян могли существовать разные, несовпадающие системы религиозных представлений. Кроме того, славянское язычество как и другие религии, сплошь и рядом включало в себя нечеткие, подчас противоречивые представления, которые вполне уживались в рамках веры в сверхъестественные силы и надежды на иногда проявляемую ими благосклонность, которой надо добиваться. Все это необходимо учитывать при рассмотрении различных реконструкций и соображений относительно древнеславянского язычества и мифологии.

15.2. Ранние этапы язычества у славян

О древнейшем этапе развития славянских верований, когда предки славян поклонялись зверям и птицам, месяцу и звездам, озерам и роцам, кустам и деревьям, огню и солнцу, мы знаем очень мало. Древние славяне, писал в VI в. Прокопий Кесарийский, «почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им, и при помощи этих жертв производят гадания». В периодизации развития верований славян, намеченной в «Слове об идолах», отмечается, что первоначально они «клали требы упырям и берегиням». До нас не дошли прямые свидетельства о поклонении славян Праматери всего сущего, связанном с матриархатом. Б. А. Рыбаков полагал, что, может быть, в культе Рода и рожаниц отразились старые представления о двух хозяйках мира. Образ Матери сырой земли, проходящий через многие творения славянского фольклора, возможно, тоже отражает древний земледельческий и матриархальный праздник окончания сбора урожая. Даже в народном названии этого праздника контаминированы (объединены и сплетены) слова разного происхождения: Спожинки, Оспожинки, Госпожинки связаны и с пожинанием урожая и с именем матери Господа – Госпожи.

У деревьев и роц, зверей и птиц, которым поклонялись, в представлении древних были, вероятно, свои духи. Их имена могли совпадать с именами самих объектов, но могли и не совпадать. Быть может, некоторые случаи древней синонимии связаны с таким двойством (ср. *звезда* и *заря*, *месяц* и *луна*). Не исключено, что, например, имелись не только названия животных, но и названия соответствующих тотемов – объектов поклонения, не совпадающие с названием животного. Одно из этих имен табуировалось (т. е. запрещалось его произносить), вследствие чего у славян возникли эвфемистические названия ряда животных.

Названия древних славянских духов дошли до нас в небольшом количестве и со значительными переосмыслениями. Праславянским является название **běsъ* ‘бес’, которое связывают по этимологическому корню с **běda* ‘беда’ и **bojati sę* ‘бояться’; обращается внимание на то, что с бесом связано понятие ярости (ср. *беситься*), есть и другие предположения об этимологии этого слова, связывающие его со светлым, ярким (может быть, белым), что, однако, подвергается сомнению. Другое праславянское название злого духа – **čьrtъ* ‘черт’ имеет важное семантическое соответствие в словенском: *črt* ‘раскорчеванное место, межа’ связывает это слово с **čersti* / **čьrtъ* >, **čьrta*, т. е. с понятиями ‘рыть, копать’ (ср. русск. диал. *черторой* ‘овраг, рывина’ и ряд соответствующих топонимов, дающих возможность восстановить праслав. **čertoryjъ/a/e*). Тогда, возможно, это слово было на-

званием земляного духа, и соотносится оно с названием крота отношениями чередования гласного (согласный зависит от гласного): *kъrtь. Есть и другие объяснения этого слова, но это представляется наиболее удачным.

Не вполне ясно как значение, так и происхождение слова *divъ / *diva. Общеизвестно восточнославянское слово *диво*, которому в западнославянских языках соответствуют слова, оформленные по мужскому роду с тем же значением. В южнославянских зафиксированы прилагательные с этим корнем. В древнерусских памятниках (в том числе в «Слове о полку Игореве»), слова *дивъ*, *дива* обозначают, возможно, какое-то мифическое существо: «И словеньскыи языкъ (кланяется) виламъ, и Мокошы, Дивъ, Перуну... упиремъ, и берегынямъ, и Переплуту» (Памятники древней учительной литературы, XIV в.). В древнерусском *дивъ* означало также птицу, предвещающую несчастье, – удода. По мнению ряда ученых, славянское слово этимологически родственно индоевропейским словам, обозначающим бога (лат. *deus*, санскр. *devás* и др.). Другие считают это натяжкой и в фонетическом и в семантическом отношении, связывая слово с корнем *div- в слове *дивиться* ‘смотреть, удивляться’. Необходимо учитывать еще и прилагательное *divъ ‘дикий’ (ср. и *dikъjъ), связь с которым тоже возможна семантически (ср. бес – *яростный*).

Слово *duxъ связывается с *duxati ‘дуть’, *dъxnŋti ‘дохнуть’, первоначальное значение – ‘дышащее, одушевленное’, т. е. ‘живое’. Не вполне ясно, имело ли это слово, как и слово *duša, мифологическое значение уже в древний период или же это относительное новшество. Слово *rokъ ‘судьба’, производное от *rekti ‘сказать’, возможно, не играло существенной роли в праславянских верованиях; во всяком случае четких указаний на такую роль нет.

В южных и восточных славянских языках зафиксировано слово *vila ‘нимфа, русалка, мифическое существо женского пола, живущее в горах, в воде и в воздухе’. Одно из возможных объяснений связывает это слово с глаголом *vĕjati, ср. *vixъ; тогда это существо толкуют как воздушного духа. Близкое по значению слово *русалка* засвидетельствовано тоже в южных и восточных славянских языках; возникло оно, возможно, позже, во второй половине I тысячелетия от названия языческого весеннего праздника русалия, восходящего к латинскому названию соответствующего праздника *rosalia* (первоначально – ‘праздник роз’), заимствованному, возможно, через среднегреческий язык.

Как уже отмечалось, обряды, связанные с покойниками, отражают определенную, причем важную часть верований древних славян. Славяне меняли способы захоронения; от трупосожжения переходили к захоронению

без кремации, а потом снова возвращались к кремации, отказавшись от нее при крещении и вернувшись отчасти лишь в недавние времена. Сами славяне объясняли сожжение стремлением скорее попасть в рай, находящийся наверху, вместе с дымом погребального костра. Надо сказать, что огонь, мыслившийся как бы земным представителем солнца, и сам имел священное значение. Погребение без кремации в скорченном виде практиковалось в связи с верой в повторное рождение: поза имитировала положение зародыша. А положение покойника лицом вверх, иногда глазами к Востоку, связывалось с идеей о том, что он некогда проснется для новой жизни. Все эти три обряда, иногда чуть ли не сосуществовавшие, как показывают археологические данные, имеют общий элемент: веру в повторную жизнь. Краткость реальной жизни (а жизнь у древних людей была гораздо короче, чем у нас, из-за болезней и тяжелых условий жизни) побуждала к вере в потусторонний мир, в загробную жизнь.

Но из веры в другой мир, где обитают покойники, возникает и вера в возможность перехода из этого другого мира в наш, обычный. Отсюда опасения перед покойниками, приписывание им некоторых особых возможностей, качеств, поступков. В связи с этим в праславянском языке слово **navь* 'покойник', этимологически связанное чередованием с **nyti* 'ныть', участвовало и в некоторых обозначениях мифических «сущест». Так, в украинском языке известно *навка* / *мавка* 'душа девочки, умершей до крещения'; Мавка является главной героиней драмы-феерии Леси Украинки «Лесная песня», в которой действуют и другие мифические персонажи украинского полесского фольклора: Русалка, Водяник, Лісовик, Потерчата, Перелесник, Злидні, Куць, Доля, Пропасниця-Мара.

К праславянской лексике относится слово **ǫrugь* 'упырь' (западно-европейское слово *вампир* заимствовано из славянского (полабского или древнепольского) языка, где к начальному носовому гласному добавлен протетический *v-*). В. И. Даль определял значения слова *упырь* (*упирь*) так: «перекидыш, перевертыш, оборотень, бродящий по ночам ведьмаком, волком или пугачом и пр. и засасывающий людей и скотину, кровосос». «Злые знахари, – сообщает далее В. И. Даль поверье, – по смерти бродят упырями, и, чтобы утомонить их, раскапывают могилу и прибивают труп осиновым колом». Этимология этого слова вызывает трудности: связь с *парить* и *пырять* 'летать', *перо*, а также с *нетопырь* возможна, но не доказана, так как не отражает главного свойства этого мифического существа. Архаично и еще одно название оборотня, представленное во всех группах славянских языков: **vьlkodlakь* 'оборотень; человек, превращающийся в волка'; этимологически в нем вычленяются слова **vьlkь* 'волк' и **dlaka* 'волосатая шкура'.

В праславянском языке имелось, видимо, обозначение призрака **mara*. В современных славянских языках рефлекс (отражения) этого слова обозначают, с одной стороны, сновидение, мечту, а с другой – страшный, возможно, смертельный призрак. Можно допустить, что эти оттенки значения – результат энантиосемии, раздвоения, поляризации значения. Этимологически понимают его либо как связанное с чередованием с **moǵь* ‘мор’ и т. п., что находит подтверждение в бытующих названиях сходного мифического существа типа чешск. *мога*, либо же как связанное с **mana* (ср. *манить*, *обман*), отличающееся от него суффиксальным элементом (-*r*). Определенная часть праславянских названий мифических существ, видимо, была утрачена. Утрата могла быть следствием просто забывания этих имен, но и наложения на их произнесение табу, замены «настоящего» имени описательным. Такие слова, как *водяной* или *леший*, могли возникнуть именно как эвфемистические замены забытых потом имен.

Имеется немало мифологических названий, известных лишь одному или немногим славянским языкам. Так, в русской мифологической лексике известны *домовой*, *леший*, *попутник*, *обилуха* и др. Некоторые украинские мифологические термины уже были приведены. Общепринято мнение о довольно богатом репертуаре мифических существ в белорусском фольклоре. Здесь и очень типичные и специфические именно для белорусов богатыри – *асі́лкі*, и опекуны урожая *Рай*, и олицетворение урожайности *Спарыш*, и юркий бесенок *юр*, и известная у многих славян *мара*, и разновидности чертей (обобщенное название *чорт*, *нячысцік*) по месту обитания и функционирования: *лясун*, *палявік*, *балацюк*, *вадзяны*, *лугавы*, *дамавік*, *хатнік*, *падпечнік*, *лазнік*, *клетнік*, *хлеўнік*, и связанный с сельхозработами *сеўчык*, и названные так по времени появления *начніцы*, и получившие наименования по функции *крыксы*, и различные названия нечистых, связанные с христианской терминологией: *д’ябал*, *шатан*, *анцыбал*, *анчутка*, *люцыпар*... Имели распространение у белорусов и многие поверья. Например, они могли быть связаны со *знічам* – блуждающим огнем, падающей звездой, вероятно, первоначально языческим огнем на могиле или при сжигании покойника.

Ряд обычаев связан с *Купалой*; их приурочивали ко дню Иоанна Предтечи (Крестителя), Ивана, прозванного белорусами *Янкой Купалой*, и отмечали в ночь летнего солнцеворота (22 июня). Были обычаи, связанные с весенним праздником жаворонков (белор. *вяселік* ‘одно из названий жаворонка’), с осенним праздником *багач* (ср. укр. *багаття* ‘костер’), праздновавшимся на Рождество Богородицы (8 сентября) и совпадавшим с праздником урожая.

Немало было у белорусов, как и у других славянских, да и не только славянских, народов, поверий, связанных с божьей коровкой (*божая кароўка, бедрык, бедронка, ведрык, барбуха, андрэйка, сонейка, пагодка, малаша* и многие другие названия, собранные, в частности, Л. Ф. Шаталовой). В этих названиях отразилась связь с солнцем и погодой (ср. *ведрык* при русск. *вёдро* ‘хорошая погода’ и полабск. *védrü* ‘хорошая погода’, ‘солнце’ и др.). Интересно древнерусское название *берегыня*, происхождение которого, как, впрочем, и четкое функциональное соотнесение, вызывает споры: если корень *берег-*, то с каким значением: ‘край водного пространства’ или ‘сохранять’, а если не *берег-*, а какой-то созвучный с ним (*Перун?*), – то какой?

Можно назвать немало аналогичных мифологических терминов и из других славянских языков, например из чешского: *vodník, meduňník, bludička* и др. Интересно отметить, что в числе названий различных духов немало заимствованных, нередко потом преобразованных до неузнаваемости: дело, видимо, в том, чтобы затемнить внутреннюю форму названий, лишить ее прозрачности. В чешской и словацкой мифологической терминологии, исследованной Н. И. Зайцевой, много немецких заимствований (*cvergl, kobold, hastrman*), слов венгерского происхождения (*bosorka, erdek*), слов из греческого и латинского языков (*larva, morous*) и др. Среди польских наименований духов – такие, как *placzkа, wieszczycze, boginki*, а также *szulikun, matyna*. Несмотря на то что полабский словарный материал фиксировали священники, они записали несколько названий мифических существ: *háudác* ‘черт, плохой (худой!) дух’, *hōgác* ‘сатана, черт (хворый, гнилой дух)’, *kobolt* ‘кобольд’ (из нем., ‘гном, типа домового’), *corně zimněk* ‘подземный дух (букв. ‘черный земник’)', *d'örconěk* ‘земляной (горный!) человек’ (Я. Хейдзянка-Пилятова).

Немало зафиксировано мифологических наименований на землях южных славян. Так, у сербов Вук Караджич записал ряд верований, в «существа, которых нет». Это такие существа, как *вила, вјештица, вукодлак, стухаћ, вједогоња, мора, ноћница, караконџола, усуд, срећа, куга, репач, хаждаја, хала, змај, чаратан, мађијоник* и др. Вилы, например, «живут в горах или в камнях у воды. Всякая вила молодая, красивая, одета в тонкое белое платье, имеет длинные, доходящие до груди и бедер распущенные волосы. Вилы никому не делают зла, пока им не вредят (вступив в их коло, когда они танцуют, или на их вечерю), если же кто им помешает, они его по-разному наказывают: подстрелят в руку или ногу, в обе ноги или руки, или в сердце (и тогда наказанный сразу умирает)». «Вукодлаком, – читаем далее, – называется человек, в которого (по народным поверьям) в течение 40 дней после смерти войдет какой-то дьявольский дух, и оживит его (сде-

лает вампиром). После этого вукодлак вылезает ночью из могилы и душит людей по домам, пьет их кровь... Вукодлаки появляются чаще зимой... Как начнут люди часто умирать в селе, то говорят, что появился вукодлак». У болгар тоже имеются предания о *вилах*. Одно из характерных мифологических существ у болгар – *самодивы*, рассказывают также о большеротом женском существе, заглатывающем животных и людей, – *ламе*, об *орисницах* (*наречницах*), определяющих судьбу человека, о *едрице*, *бруснице*, *ситнице* и др. (Вакарельский). В словенской мифологической терминологии тоже выступают *вилы*, *белые жены*; специфичны верования в такие существа, как *křivopeta* ‘женское мифическое существо с вывернутыми пятками’, *škrapnik* ‘горный дух’, *škornik* ‘ночное привидение, забирающее у матерей запущенных детей’, *rehtra* ‘женское мифическое, существо, забирающее детей’, *torka* ‘ночное существо, приходящее по ночам прясть, если не убрать на ночь работу’ (ПлETERШНИК). Очевидно, что в верованиях в эти фантастические существа немало наносного, позднейшего, но бесспорно и то, что это наносное попадало на благодатную почву славянского язычества, а также что в некоторых таких повериях и названиях отражаются очень древние черты.

Древним было у славян и почитание предков, Рода (**rodъ*) и рожаниц, хотя, возможно, оно возникло после предшествующего этапа поклонения различным природным объектам и силам. К культу предков относятся различные проявления почитания предков, дедов, например белорусский обычай *дзяды* (или *задушкі*) – дни поминания усопших, справлявшиеся в различные периоды (на *радаўніцу* – в первую неделю после пасхальной, на *сёмуху* ‘троицу’, на *Змітра*, 26 октября ст. ст.). Этот обычай нашел, в частности, отражение в драматической поэме А. Мицкевича «Дзяды». Представления о Роде и рожаницах (включая и число последних – 2 или 3) как о божествах связывались, несомненно, не только с предками, но и с идеей плодородия. Как и другие языческие верования, они дошли до нас очень неполно и довольно неясно.

15.3. Древнеславянский языческий Олимп

Культ предков не отменял поклонения природным объектам, а скорее включался в них. Показательно в этом плане, что во второй половине XII в. Гельмольд, описывая христианизацию ободритов, писал: «У славян имеется много разных видов идолопоклонства, ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев... Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога». Но постепенно, в частности с развитием классовой структуры общества,

развитием государства, из стремления установить соответствие отношений божеств и отношений в поклоняющемся им обществе возникает славянский Олимп с различными его обитателями – божествами, приобретающими статус более крупных богов. Вполне вероятно, что руководящую роль мог занимать среди богов бог солнца, связанный с понятием плодородия, огня, вообще жизни. Но, как четко свидетельствует русский летописец, по крайней мере у восточных славян, верховным богом стал бог грома и молнии Перун. У балтов громовержцем был бог, по-литовски называемый Perkunas; параллелями к этому божеству по функции являются греческий Зевс, римский Юпитер, германский Тор, ведический (древнеиндийский) Индра (имя которого родственно славянскому слову *ędrъ ‘быстрый, сильный’). Можно думать, следовательно, что бог грозы, громовержец принадлежал к индоевропейскому пантеону. Однако имя его, как видим, было у различных индоевропейцев неодинаковым. Нельзя исключить, что «настоящее» индоевропейское имя главного (или одного из главных) божеств было табуировано (запрещено для произнесения) и до нас дошли различные его замены. С подобными явлениями приходится встречаться нередко; в частности, в иудаизме и христианстве запрещалось произносить имя бога Яхве (старая неточная транскрипция Иегова). Славянское имя громовержца Перун может быть одной из таких замен.

Имя Перун могло появиться на славянской почве как производное от глагола (**pertī*; ср. русск. *переть*) с суффиксом *-упъ (ср. *крикун*, *скакун*, *колун*). Правда, балтское имя бога дает возможность сближать славянское и балтское имена; в хеттском имеется слово *perun* ‘скала’, но отнесение его к этому ряду не бесспорно. Слово **regup* неплохо представлено в западных (ср. польск. *riogun* молния’) и восточных славянских языках; отражается оно и в некоторых фактах южнославянских языков. Уже Прокопий Кесарийский писал о славянах: «Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды». Это было уже в VI в. Поэтому, если и считать Перуна «военным» богом (в соответствии с представлениями французского филолога Ж. Дюмезиля о том, что в древнем индоевропейском обществе и в его пантеоне отражалось трехчленное разделение народа: жрецы, воины, производители), то надо учитывать, что Перун свое верховное место занял задолго до того, как Владимир, начав единолично княжить в Киеве, поставил в 980 г. на холме рядом со своим двором кумиры: «Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь» («Повесть временных лет»).

По наблюдениям В. В. Иванова и В. Н. Топорова, привлечших значительный славянский, индоевропейский и для сопоставления другой фольклор-

ный, древнеписьменный, этнографический материал, признаками Перуна были гора (пребывание его на верху), дуб (пребывание его в лесу), колесница, конь, огонь, оружие, камни. Перун выступает как змееборец, один из главных героев древнейшего индоевропейского мифа о поединке бога Грозы со Змеем. Поединок Бога-Громовержца с его противником происходит из-за обладания скотом. В качестве противника Перуна у восточных славян выступал Волос / Велес.

Легко заметить, что в приведенном перечне скульптур богов, установленных в древнем Киеве (перечень возглавляется Перуном), Велес не поименован. Но его скульптура, как сообщается в «обычном житии» Владимира, была брошена в реку Почайну; это дало основание М. В. Поповичу высказать предположение, что «идол Волоса стоял не на горе, не в княжеском городе, а на Подоле», внизу под старым Киевом.

Славянский (восточнославянский) Волос / Велес, пожалуй, не змей, но это факт, что в некоторых древнерусских источниках он противопоставляется Перуну, что он именуется «скотным богом»; среди признаков Волоса / Велеса выступает шерсть (волосы, борода), принадлежность к низу, к пещере, большая величина, способность к воплощению в животных, в частности в Змее, иногда Пернатом Змее, влага и вода. В. В. Иванов и В. Н. Топоров допускают этимологическое сравнение древнеиндийского демона Вала, обладателя скота, и славянского Волоса / Велеса. Уже отмечалось, что функции Волоса были переданы христианскому святому Власию. Вместе с тем, если Перун функционально продолжается не только Ильей-пророком, разъезжающим в колеснице по небу и вызывающим гром, но и Георгием-победоносцем, попирающим змия, то и культ Велеса отразился, как это убедительно показано Б. А. Успенским, в восточнославянском культе Николы – Миколы, в контаминированном представлении о котором связались поверья о святом Николае, архангеле Михаиле и Велесе. Велес был, видимо, прежде всего покровителем скота и скотоводства; с переходом к земледелию он становится и покровителем земледелия. Слово *Волос / Велес* отождествляется со словом, обозначающим великана, и кое-где оно звучит как *Волот / Велет* (ср. белор. *волат* ‘великан’, укр. *велетень* ‘великан’). Велес связывается в ряде верований с загробным миром, что соответствует его нижнему положению. Отмечается перекличка образа русской былины Волха Всеславьича и персонажа сербского эпоса Змај – Огњени вук ‘Змей – огненный волк’; особенно это интересно в связи с тем, что в «Слове о полку Игореве» Всеславу, реальному, но для автора «Слова» (после 1187 г.) уже давно – в 1101 г. – умершему полоцкому князю, приписываются свойства оборотня: «самъ въ ночь влъкомъ рыскаше» (Р. Якобсон).

Рассматривая древнеславянские представления о Велесе, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. В «Повести временных лет» указывается, что мужи князя Олега в 907 г., присягая, клялись «оружиемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ». Это ставит Волоса / Велеса на очень высокое место в иерархии богов и заставляет предполагать его достаточно важные функции, видимо, и покровителя хозяйства, и представителя культа предков (связи с загробным миром), а возможно, и представителя культа живой природы. Эта многофункциональность есть, вероятно, результат наслоений и контаминаций, происходивших в долгие века славянского язычества, а не просто искажение представлений в период вытеснения язычества христианством.

В результате поединка Громовержца-змееборца с его противником последний гибнет. Но особенность мифологического мышления такова, что этим не отменяется или не всегда отменяется поклонение поверженному: время поединка не определяется жестко, этот поединок может мыслиться и как непрерывно происходящий, и как такой, который завершится лишь в будущем. И потому Велес, в названии которого отразились, видимо, индоевропейские связи, продолжал оставаться «действующим» божеством в Древней Руси даже после крещения.

Мокошь – единственное женское божество Владимирова пантеона. Относительно Мокоши сведения у нас небогатые. Упоминается она в «Повести временных лет», а также в других источниках, но функции ее не вполне ясны. Возможно, она связана была с вилами, рядом с которыми упомянута в некоторых источниках. Судя по этнографическим данным, Мокошь покровительствовала стрижке овец, прядению и ткачеству, которым занимались женщины. В. В. Иванов и В. Н. Топоров отводят Мокоши роль супруги громовержца. Б. А. Рыбаков видит в Макоши (так он вслед за некоторыми старинными рукописями обычно пишет это имя) как бы наследницу древнейшей Великой Матери. Этимология имени Мокоши скорее всего дославянская: индоевропейская или угро-финская (тогда это заимствованное слово и божество); на славянской почве слово сближают иногда с корнем *мок- (*мокнуть, мокрый*). Если культ Перуна связывали с четвергом (в частности, с полабским названием четверга – *perēdan*, толкуемым как ‘перуний день’), то культ Мокоши связан с пятницей (это проявляется, например, в запретах на прядение по пятницам). И здесь ощущается (обнаруживаемая и по иным признакам: связи с шерстью, с влагой) определенная связь Мокоши с Велесом (Б. А. Успенский). Следует сказать, что инославянские отражения имени Мокоши в топонимах вызывают подчас сомнения, хотя и не могут полностью отрицаться.

И у восточных и у западных (а возможно, и у южных) славян в качестве бога огня и солнца почитался Сварог (а Солнце считалось сыном Сварога и называлось Сварожич). Адам Бременский упоминает о культе Радгостя в городе Ретре так, что возникает представление об этом имени как втором имени Сварога (С. Урбаньчик, Х. Ловмянский). В древнерусских источниках употребляется имя Дажьбог (возможно, ему тождественно имя южнославянского–сербского «господина земли» Дабога). Переводчик или переписчик перевода византийской Хроники Иоанна Малалы на славянский язык в Древней Руси уподоблял Сварога древнегреческому богу Гефесту (Гефайстосу), а Дажьбога, его сына, – Гелиосу (Солнцу и / или божеству Солнца). Если имена Радгость и Дажьбог этимологизируются легко на славянской почве как ‘гостеприимный’ или ‘приятный гость’ и ‘дающий богатство’, то этимология имени Сварога вызывает споры: представление о связи первой части имени со словами типа белор. *сварка* ‘ссора’ и всего имени как ‘гневающегося’ или ‘спорящего’, связь с индоевропейскими словами со значением ‘небо’, заимствование из иранского слова со значением ‘солнце’ являются возможными, но не доказанными предположениями. Поклонение божеству Солнца, дающего жизнь всему живому, обеспечивающему урожай, и поклонение огню, относится к числу древнейших верований многих народов, и славян в том числе. Естественно и одно из центральных мест Сварога (Сварожича), Дажьбога, Радгостя в древнеславянском пантеоне.

В восточнославянских источниках зафиксировано имя Стрибог. Основываясь на одном месте в «Слове о полку Игореве», считают, что ветры характеризовались автором «Слова» как «стрибожьи внуки», а потому Стрибог – «бог ветров» (М. Фасмер). Согласно другому прочтению того же места, слова «стрибожьи внуки» относятся не к ветрам, а к русским (Е. В. Аничков, Б. О. Унбегаун). Другие упоминания Стрибога в перечислениях тоже не дают возможности бесспорного решения о функциях этого божества. Этимологические объяснения имени разнообразны; едва ли можно говорить о четкой доказанности какого-то из них.

Зафиксированное, как и Стрибог, в составе Владимирова пантеона, имя Хорс (Хърсь), упоминается еще в некоторых местах, причем всюду в списках божеств без указаний на его признаки. В «Слове о полку Игореве» есть такое место: «Всеславъ... великому Хърсови путь прерыскаше». Это место обычно толкуют в том смысле, что Всеслав «до восхода перебежал дорогу» Хорсу (Д. С. Лихачев). На этом основании полагают, что Хорс – бог Солнца. Нельзя этого исключать, но не может это считаться и доказанным. Этимологически слово *Хърсь* объясняют как заимствование из иранского, обычно слова, обозначающего солнце. Не исключено, что Хорс не славянское, а иранское или тюркское божество, известное славянам.

В пантеоне Владимира назван еще Симарьгль. В некоторых источниках в аналогичных перечнях называют двух богов: Симъ и Рьгль; это вызывает сомнение. Функции этого божества подверглись забвению. Поэтому трудно что-либо сказать о нем (или о них). Б. А. Рыбаков предполагает, что это иранское божество (демон), тождественное с упоминаемым в некоторых источниках Переплутом.

Таковы основные сведения о язычестве древних славян, дошедшие до нас.

15.4. Некоторые особенности распространения христианства у славян

Как уже говорилось, христианство было принято славянами в период с VIII по XII в. Одними из первых подверглись христианизации под нажимом баварских миссионеров словенцы в середине VIII в., когда возникшее после распада государства Само словенское государство Карантия (Каринтия) попало около 745 г. в зависимость от Баварии. Обычно у славян инициатива принятия христианства шла от правящей верхушки, которая сначала принимала христианство сама, поскольку это соответствовало ее интересам, а потом осуществляла крещение своего народа. Мотивом принятия христианства для феодальной верхушки было либо стремление сравняться во всех отношениях с феодалами господствующего государства, либо желание аналогичного выравнивания прав своего укреплявшегося феодального государства с правами других тогдашних феодальных государств.

Это происходило в основном в IX–X вв. Так, 14 чешских князей крестились в 845 г., болгарский князь Борис-Михаил – в 865 г., в Хорватии и Сербии в период с 800 до 847 гг. были крещены сначала князья, а потом и население, в Польше Мешко I принял христианство в 966 г., а на Руси Владимир – в 988 г. (причем отдельные князья – Игорь и Ольга – крестились, видимо, раньше). Дольше задержалось язычество у балтийских и полабских славян, для которых принятие христианства связывалось с утратой значительной доли самостоятельности. Последний открытый очаг языческого культа – остров Руян (Рюгген) был крещен после завоевания его датчанами в 1168 г.

Одним из наиболее специфических явлений в распространении христианства у южных славян было богомилство, возникшее в Болгарской державе в третьем десятилетии X в. и названное так по имени священника Богомила (Еремии). Богомилы многое восприняли из учения древней христианской секты павликиан, возникшей в VII в. в Армении, и из религии манихейства, возникшей в III в. в Персии в результате синтеза положений христианства и зороастризма. В основе представлений богомилов лежала

вера в борьбу добра со злом. Все земное (видимое) было, по их верованиям, во власти Сатаны, синонима зла; душа человека и небесный мир – это порождения добра. Богомилы отвергали церковные обряды (крещение, венчание, исповедь), не признавали почитания креста и икон, не признавали праздников, отрицали воскресение из мертвых, критиковали представителей церкви и государства. Борясь с богомилами, болгарский пресвитер Козьма (середина X в.) «обличал» их: «Хуля богатых, учат своих не подчиняться хозяевам, ненавидят царя... приказывают каждому слуге не работать на своего господина».

Богомилство было формой раннего антифеодального движения. Возникнув у Пловдива, оно быстро охватило три главные провинции Болгарской державы: Мизию, Македонию и Фракию; имело распространение в Болгарии в период двухвекового византийского ига в XI–XII вв., когда богомилы боролись не только со своими феодалами, но и с иноземными угнетателями, и в Боснии (XII в.), где на его базе возникла специфическая боснийская церковь. Богомилство распространилось среди сербов и хорватов, а также в других землях Северного Средиземноморья (Малая Азия, Италия, южная Франция). Проникли элементы богомилства и на Русь (секта стригольников). Богомилы создавали свои братства, устраивавшие общие молитвы, связанные с совместной трапезой и проповедями, взаимно исповедовались друг другу, принимали «слушателей» в круг «верующих», которые в свою очередь посвящались в степень «совершенных». Во главе богомилских общин стояли епископы, называвшиеся «дѣдъ» или «дѣдъць», а все богомилство возглавлялось лицом, которого латинские и греческие источники называют «богомилским папой» (сначала им был Богомил-Еремия, а потом Иоанн Чурила, сооснователь учения). Идеи богомилства оказали влияние на западноевропейские ереси, но само движение богомилства, продолжавшееся в форме сект вплоть до XVII в., в результате преследований власть имущих и отсутствия внутреннего единства с XIV–XV вв. пошло на убыль.

По мере распространения христианства отдельные церкви приобретали своеобразные различия в церковной догматике, обрядах, организации, символике. Разделение Римской империи в конце IV в. на Западную и Восточную обусловило формирование двух основных центров христианства: Рим и Константинополь. К XI в. религиозные различия стали столь серьезными, что римский папа Лев IX и константинопольский патриарх Кируларий в 1054 г. предали друг друга анафеме (церковному проклятию). Находившиеся в сфере влияния константинопольской церкви восточные славяне, сербы, болгары, македонцы приняли восточный, православный вариант христианства (их земли называют иногда в связи с этим *Slavia Orthodoxa*),

а западные славяне, словенцы, хорваты приняли западный, католический вариант христианства (*Slavia Latina*).

Богатство и власть католической церкви вызывали протесты среди верующих и части духовенства. Возникали движения протестантизма, выступавшие за реформацию (преобразование) церкви. Одним из ранних реформационных движений, приведших к отходу от католицизма ряда протестантских церквей, было движение гуситов, последователей Яна Гуса (1371–1415), профессора и ректора Карлова университета и проповедника Вифлеемской часовни в Праге. Гус осуждал покупку и продажу церковных должностей, торговлю индульгенциями (разрешениями от грехов), практиковавшуюся католической церковью, обличал католическое духовенство. Якоубок из Стршибора обосновал принятие всеми верующими причастия «под обоими видами» (т. е. хлебом и вином), бывшего привилегией католического духовенства. Антифеодальный, антиклерикальный характер учения гуситов, его направленность против немецкого засилья обеспокоили и руководство католической церкви. Идеологи чешской реформации – Ян Гус и попытавшийся защитить его Иероним Пражский (ок. 1380–1416) – были осуждены Констанцским собором католической церкви и сожжены на кострах. Эти казни стали поводом народного революционного движения, так называемых гуситских войн (1419–1437). Однако гуситское движение потерпело поражение, католицизм вновь возобладали. Гуситское движение сыграло значительную роль и в развитии чешского народа, чешской культуры, и в создании предпосылок для распространения идей Реформации.

Идеи, близкие к протестантским (выступления против замкнутого сословия священников и церкви, критическое отношение к некоторым догмам христианской церкви, например к догмату о троице, и др.), высказывались и на Руси. Эти идеи в XIV в. получили выражение в распространенном в Новгороде и Пскове движении стригольников (название связано с обрядом пострига низшего духовенства, принявшего участие в движении) и в XV в. в Новгороде и Москве в так называемой новгородско-московской ереси (церковное название – «жидовствующие» в связи с признанием особой роли переведенных с древнееврейского частей священного писания – Ветхого завета). Оба эти учения, имевшие антифеодальную и антицерковную направленность, были признаны церковью еретическими – отклоняющимися от догм, принятых официально церковью. «Жидовствующие» были осуждены на церковных соборах в 1488 – 1504 гг., преданы анафеме, а некоторые казнены.

Наибольшее развитие протестантизм получило в Европе в XVI в. Один из вождей Реформации немецкий проповедник Мартин Лютер (1483–1546)

в ходе Крестьянской войны возглавил бюргерски умеренную партию и создал совместно со своими сподвижниками мощное направление лютеранства, отделившееся от католичества В 30-х гг. XVI в. функционировал протестантский кружок в Любляне (Словения), с которым был связан Примож Трубарь, сыгравший выдающуюся роль в создании словенского литературного языка, и ряд его современников (Крель, Далматин, Бохорич). В дальнейшем, однако, протестантство было в Словении подавлено католицизмом (контрреформация). Более успешным оказалось распространение лютеранства среди лужицких сербов, значительная часть которых приняла эту религию. Первая печатная книга на верхнелужицком языке был Новый завет, переведенный протестантом М. Якубицей. Француз Жан Кальвин (1509–1564) стал родоначальником ответвления Реформации – кальвинизма. Это религиозное направление получило распространение в Восточной Словакии и в Речи Посполитой, в частности и в Белоруссии. Так, к кальвинизму примыкал просветитель С. Будный (1530–1593), издавший в 1562 г. в Несвиже на старобелорусском языке Катехизис (первую книгу на белорусском языке, изданную на территории Белоруссии; руководство, излагающее основы христианского вероучения). В. Тяпинский издал (ок. 1580 г.) неподалеку от Лепеля Евангелие на старобелорусском языке; он также примыкал к протестантизму. В дальнейшем протестантство в Речи Посполитой было подавлено.

Католическая церковь в Речи Посполитой боролась не только с протестантством, но стремилась вытеснить или подчинить себе и православную церковь. Некоторой части белорусов было навязано католичество, а Брестский собор в 1596 г. объявил объединение (унию) православной и католической церквей на украинских и отчасти белорусских землях, входивших в состав Польского государства. Сторонники унии (униаты) признали верховенство главы католической церкви – папы римского, а также внесли некоторые особенности в организацию церковной службы. Униатская церковь действовала вразрез с интересами трудящихся Украины и Белоруссии, стремясь оторвать их от братского русского народа. В 1946 г. собор во Львове принял решение о ликвидации унии; униатские церкви, распространенные главным образом на Западной Украине, перешли в состав Русской православной церкви. Но апостольская (папская) столица Ватикан не признала решений этого собора и поддерживает униатскую церковь в эмиграции.

Одним из специфических проявлений в истории православия у славян было русское старообрядчество. Оно возникло в XVII в. в результате раскола русского православия: часть духовенства и верующих не приняла реформы патриарха Никона (1605–1681). Реформы Никона не затрагивали основ пра-

вославия, но направлены были на централизацию русской церкви, борьбу с автономией монастырей; реформировались некоторые детали обрядовой практики (например, вводилось трехперстное крестное знамение вместо двухперстного, изменялось направление хождения священника во время богослужения, земные поклоны заменялись поясными, наряду с восьмиконечным крестом допускался шестиконечный). Очень остро реагировали противники реформы на некоторые исправления церковных книг (например, замену написания имени Исусъ на Иисусъ). Существо же дела было в том, что принцип соборности уже при введении этих культовых новостей заменялся личной властью патриарха, а это, конечно, не вызывало сочувствия у части духовенства. Против иконовских реформ выступили протопопы Иван Неронов (1591–1670), покаявшийся и примилившийся с официальной церковью в 1666 г., Аввакум Петров (1620/21–1682), сожженный вместе со сподвижниками в срубе Пустозерского острога по царскому указу, оставивший свою замечательную по художественной силе автобиографию («Житие протопопа Аввакума»). Старообрядчество разделено на два основных направления – поповщину и беспоповщину – и ряд течений, в чем отразились его социальная неоднородность и принудительное разобщение. Старообрядцы вынуждены были искать убежища далеко на Севере, в Сибири, за пределами непосредственной власти московского патриарха: в Польше, в Латвии, в отдельных районах Украины, Белоруссии (Ветка), даже в Америке и т. д. Несмотря на это, старообрядчество продолжает существовать до нашего времени.

«Познание народной культуры, – пишет академик Б. А. Рыбаков, – всех видов крестьянского творчества невозможно без выявления его архаической языческой подосновы. Изучение язычества – это не только углубление в первобытность, но и путь к пониманию культуры народа». Для такого понимания необходимо и знакомство с религиозными представлениями славянских народов на различных этапах их развития. Многие в развитии культуры прошло через этап религиозного осмысления и восприятия.

16. Память

Жизнь древних славян была заполнена трудом: чтобы добыть повседневную пищу, надо было много работать. Орудия были примитивными; необходимость выкорчевывания деревьев, сложность взрыхления почвы ограничивали возможности занятия значительных территорий под пахоту. Подсечное земледелие требовало длительного «отдыха» почвы после одного-двух годов возделывания. Но и засеянные пашни тоже, естественно, должны были чередоваться через год-два с паром. Больших усилий требовало и скотоводство; здесь надо было, в частности, запастись пищей на зиму. Рыболовство и звероловство приносило достаточные результаты тоже лишь при значительных усилиях, если вспомнить, что оружие было примитивным, а ловушки зверями опознавались и избегались. Изготовление одежды, необходимой, чтобы преодолеть холода умеренного климата, постройка жилища и его отопление – все требовало огромного труда. Век человеческий был короче нынешнего. Дети умирали очень часто, не выдерживая тех испытаний голодом и холодом, которые на них обрушивались в первые же месяцы жизни. Но и взрослые в тогдашних условиях жизни рано старились. Бороться с болезнями было трудно; случавшиеся моровые поветрия (эпидемии) несли за собой гибель целым поселкам и регионам; одно спасение было в том, что поселения были редкими и малонаселенными. Нападение врага могло привести к истреблению или к порабощению в буквальном смысле слова: к утрате той свободы, которой обладали члены первобытных общин, и превращению в рабов. Жизнь была трудна и нередко жестока.

И все-таки это была жизнь. Древние славяне радовались и тому, что могли когда-то поесть досыта, и тому, что наступала весна, избавляя, хотя и на время, от пронзительного холода, радовались и помощи друга, пришедшей в момент поединка с лютым зверем или при переправе через бурный поток. Они сообща веселились на весеннем празднике солнца и света, они вместе праздновали летний солнцеворот, они всем родом отмечали сбор урожая, они вместе пытались разогнать мрак и холод зимы и увидеть поворот к яру – весне и лету. Они вместе грустили, когда наступали холода и болезни, они печалились при расставаниях и радовались при встречах. Они делали новые шаги в познании мира. Знали множество растений и животных и исполь-

зовали их. Знакомы были с минеральным миром и учились использовать металлы. Преодолевали расстояния и пользовались довольно сложными орудиями. Древние славяне боготворили природу. Они почитали предков и растили детей. Они любили друг друга. Они пели песни и вырезали орнаменты. Они знали счет и стремились к красоте. Они мечтали о счастье.

Когда мы теперь пытаемся понять жизнь древних славян, не следует подходить к ней с нашими современными мерками. Мы пришли к этим меркам, опираясь на плечи сотен поколений предшественников, в том числе и на достижения древних славян. А древние славяне жили в иную историческую эпоху, в эпоху первобытнообщинного строя, его позднего этапа, этапа перестройки общества, связанной с интенсификацией использования окружающей среды, преобразованиями производственных отношений, становлением родоплеменной старшины, перехода от чисто кровнородственных отношений к более широким социальным связям. Вместе с балтами и германцами славяне являются как бы «молодой» ветвью индоевропейцев; формирование их происходило позже, чем формирование ряда других групп, например индийской, иранской, греческой.

Материальная жизнь древних славян, развитие их социальных отношений, духовная жизнь нашли отражение в их языке. При этом выявляются как некоторые унаследованные от предшествующих состояний явления и институции, так и новые, сформированные именно в праславянскую эпоху представления и понятия, облеченные в словесную форму, а также то, что лишь намечалось в период до разделения славянства и что получило развитие уже в языках отдельных групп славянства и в отдельных славянских языках. Язык оказывается наиболее прочной, содержательной и богатой исторической памятью славянства.

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле – печаль
И долговечней – царственное слово.

А. Ахматова

Близость славянских языков – не просто наиболее яркий фактор, объединяющий всех славян. Она вместе с тем представляет собой отражение их длительного исторического единства, их совместных экономических достижений и поражений, их общих духовных исканий, их единой жизни. Славянские языки – важнейшее средство общения славянских народов. Они вместе с тем – их драгоценнейшая общая память. Потому что «память – единственное достояние человека, делающее его человеком» (Д. С. Лихачев).

Список литературы

Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С. Б. Бернштейн ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – М. : Акад. наук СССР, 1961. – 350 с.

Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы / С. Б. Бернштейн ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1974. – 378 с.

Бирнбаум, Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции : пер. с англ. / Х. Бирнбаум ; под общ. ред. В. А. Дыбо, В. К. Журавлева. – М. : Прогресс, 1987. – 511 с.

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / Акад. наук УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – Київ : Наук. думка, 1966. – 595 с.

Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси : Тбил. ун-т, 1984. – 2 ч.

Гаспаров, Б. М. Сравнительная грамматика славянских языков : пособие для студентов : в 2 т. / Б. М. Гаспаров, П. С. Сигалов. – Тарту, 1974. – Т. 1–2.

Дуличенко, А. Д. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / А. Д. Дуличенко. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 715 с.

Дыбо, В. А. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском / В. А. Дыбо ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1981. – 272 с.

Иванов, Вяч. Вс. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1974. – 342 с.

Иванов, Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов / Вяч. Вс. Иванов. – М. : Наука, 1983. – 197 с.

История южных и западных славян : учеб. для высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Г. Ф. Матвеева, З. С. Ненашевой. – 3-е изд. – М. : МГУ : Печат. традиции, 2008. – 2 т.

Клепикова, Г. П. Славянская пастушеская терминология: ее генезис и распространение в языках карпатского ареала / Г. П. Клепикова ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1974. – 256 с.

Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л. : ЛГУ, 1986. – 311 с.

Коломиец, В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб: к IX Междунар. съезду славистов / В. Т. Коломиец. – Киев : Наук. думка, 1983. – 159 с.

Кузнецов, П. С. Очерки по морфологии праславянского языка / П. С. Кузнецов. – М. : Акад. наук СССР, 1961. – 144 с.

Мартынов, В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры: к проблеме прародины славян / В. В. Мартынов. – Минск : Акад. наук БССР, 1963. – 248 с.

Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе ; пер. с фр. Д. Кудрявского ; Акад. наук СССР, Всесоюз. ком. по делам высш. шк. при СНК СССР ; под ред. Р. Шор. – 3-е изд., перераб. и доп. – Л. ; М. : Соцэкгиз, 1938. – 511 с.

Мейе, А. Общеславянский язык / А. Мейе ; пер. с фр. и примеч. П. С. Кузнецова ; под ред. проф. С. Б. Бернштейна. – М. : Иностран. лит., 1951. – 492 с.

Минералов, Ю. И. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / Ю. И. Минералов. – М. : Высш. шк., 2009. – 319 с.

Нахтигал, Р. Славянские языки / Р. Нахтигал ; пер. со словен. Н. М. Елкиной ; под ред. С. Б. Бернштейна. – М. : Иностран. лит., 1963. – 342 с.

Нидерле, Л. Славянские древности / Л. Нидерле ; пер. с чеш. Т. Ковалевой и М. Хазанова ; под ред. А. Л. Монгайта. – М. : Иностран. лит., 1956. – 450 с.

Очерки истории культуры славян / редкол.: В. К. Волков [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Индрик, 1996. – 463 с.

Попович, М. В. Мировоззрение древних славян / М. В. Попович. – Киев : Наук. думка, 1985. – 167 с.

Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1981. – 607 с.

Савченко, А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / А. Н. Савченко. – М. : Высш. шк., 1974. – 410 с.

Седов, В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. – М. : Наука, 1979. – 156 с.

Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи ; пер. с нем. Б. А. Абрамова ; под ред. и с предисл. Н. С. Чемоданова. – М. : Прогресс, 1980. – 407 с.

Славянская мифология : энцикл. словарь / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Эллис Лак, 1995. – 414 с.

Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: Т. А. Агапкина [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – 5 т.

Соколянский, А. А. Введение в славянскую филологию : учеб. пособие / А. А. Соколянский. – М. : Академия, 2004. – 397 с.

Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды / Н. И. Толстой ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1969. – 262 с.

Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 510 с.

Третьяков, П. Н. Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. – 2-е изд., перераб. и расшир. – М. : АН СССР, 1953. – 312 с.

Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – М. : АН СССР, 1959. – 212 с.

Трубачев, О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: этимологические исследования / О. Н. Трубачев ; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – М. : Акад. наук СССР, 1960. – 115 с.

Трубачев, О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: этимология и опыт групповой реконструкции / О. Н. Трубачев ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1966. – 416 с.

Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского / Б. А. Успенский. – М. : МГУ, 1982. – 245 с.

Шахматов, А. А. Введение в курс истории русского языка / А. А. Шахматов ; Студен. издат. ком. при историко-филол. фак. Петрогр. ун-та. – Петербург : Науч. дело, 1916. – 146 с.

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974.

Языки мира. Славянские языки : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. М. Молдован [и др.]. – М. : Академия, 2005. – 641 с.

Berneker, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch / E. Berneker. – Heidelberg : Winter, 1908–1914. [Издание не завершено].

Bräuer, H. Slavische Sprachwissenschaft : in 3 t. / H. Bräuer. – Berlin : Gruyter & Co, 1961–1969. – 3 t.

Etymologický slovník slovanských jazyků : v 2 sv. / sest. F. Kopečný, V. Šaur, V. Polák. – Praha : Academia, 1973, 1980. – 2 sv.

Czekanowski, J. Wstęp do historii słowian: perspektywy antropologiczne, etnograficzne, archeologiczne i językowe / J. Czekanowski. – 2-e, na nowo opracowane wyd. – Poznań : In-t Zachodni, 1957. – 514 c. – (Prace Instytutu Zachodniego ; No 21).

Lehr-Splawiński, T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian / T. Lehr-Splawiński. – Poznań : In-t Zachodni, 1946. – 237 c. – (Prace Instytutu Zachodniego ; No 2).

Lehr-Splawiński, T. Rozprawy i szkice z dziejów kultury słowian / T. Lehr-Splawiński. – Warszawa : PAX, 1954. – 309 s.

Mały słownik kultury dawnych słowian / pod red. L. Leciejewicza. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1972. – 674 s.

Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch : in 2 vol. / J. Pokorny. – Bern ; München : A. Francke, 1959–1969. – 2 vol.

Słownik prasłowiański : w 8 t. / Zakład Słowianoznawstwa PAN ; pod red. F. Sławskiego. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Ossolineum, 1974–2001. – 8 t.

Słownik starożytności słowiańskich: encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII : w 8 t. / pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Splawińskiego. – Wrocław ; Kraków : Ossolineum ; Warszawa : PAN, 1961–1996. – 8 t.

Stieber, Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich : w 2 cz. / Z. Stieber. – Warszawa : PWN, 1969–1973. – 2 cz.

Trautmann, R. Baltisch-slavisches Wörterbuch / R. Trautmann. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1970. – 383 s.

Vaillant, A. Grammaire comparée des langues slaves : en 5 t. / A. Vaillant. – Lyon : IAC ; Paris : Klincksieck, 1950–1978. – 5 t.

Vaňa, Z. Die Welt der alten Slawen / Z. Vaňa. – Prag : Artia, 1983. – 239 s.